

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

1917-й год: «Вернуть Ленина Вильгельму»

(Манифестация инвалидов в Петрограде 16 апреля 1917 г.;
фото из журнала «Нива» № 17, 1917 г.)

- Обращения освобожденных политзаключенных (В. Сендеров, А. Подрабинек, Э. Гудара), письмо группы верующих; Сергей Залыгин о «Новом мире»
- Размышления о «перестройке» (статьи Н. Коржавина, Б. Пушкарева, С. Остапова)
- Н. Рутыч: О причинах Февральской революции
- Р. Редлих: Идеологические проблемы построения свободного общества
- Н. Росс: 1000-летие Крещения Руси и атеистическая дезинформация

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

„СТРАНА И МИР“, ежемесячный общественно-политический журнал выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВЕДЬ — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Настоящий выпуск содержит
избранные статьи за три месяца:
апрель — май — июнь 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНЕ. Чтобы осуществилась та Россия...
Обращение Валерия Сендерова (2). — Открытое письмо А. Подрабиника (3). — Эдуард Гудова. В чем каяться? (4). — Правда о „Правде“ (6). — Письмо верующих из Москвы (7). — М. Славинский. Сергей Залыгин в Париже (8). — Нам рассказывают (9). — Экономические новости (9)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. А. Колин. Шанс короля Захира (10). — В. Надеждин. Спектакль продолжается (12). Еще о наших пленных (13)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. В. Рыбаков. Стратегия США и СССР (16). — А. Колин. Южноафриканская проблема (18). — В. Рыбаков. ЮАКП и АНК (19). — А. Околов. Цена четырех островов (21). — В. Рыбаков. Война между Ираном и Ираком (24). Г. Юрьев. Топор и мятник (30). — Я. Марков. Умер рейхскоммиссар Украины (32)

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ. Н. Коржавин. Возвращение к нравственности (34). — Б. Пушкарев. СССР: альтернативы реформ — С. Остапов. Советский феодализм (47). — О. Александров. Военно-интеллектуальная сфера (56)

ЭКОНОМИКА. О. Хазаров. Семейный подряд и Столыпинская реформа (59)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Н. Рутыч. О причинах Февральской революции (63). — Н. Рутыч. Партия и Февральская революция (69)

„ПОСЕВ“ — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„Посев“ участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направление журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „Посев“ выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ИДЕОЛОГИИ. Роман Редлих. О раскрепощении общества (74)

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА. М. Славинский. Преодолевая барьеры (78). — Роман Редлих. Не опека, а самоуправление (82)

1000-ЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ. Н. Росс. Дезинформация. О книге Н. С. Гордиенко (84)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. В. Желягин. Читая „Русское возрождение“ (88). — Юрий Кублановский. Патристические спекуляции Ю. Кузнецова (91). — Роман Редлих. „Грани“ №№ 141-142 (93)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. Б. Калинин. Чистка не приводит к порядку (95). — Задачи „Форума“ (96)

Чтобы осуществилась та Россия...

В ходе горбачевской „демократизации“ на основании решения Верховного Совета (текст остается пока неизвестным) были отпущены из заключения несколько десятков политзаключенных. Отпускали их не по амнистии, не по реабилитации, а — условно, так как требовалось от них прошение о помиловании и одновременное обещание не нарушать впредь „закона“. Известно, однако, что большинство отпущенных такого документа не составляли и не подписывали. Мы не можем не радоваться, что на волю вышли люди, которых мы продолжаем называть лучшими людьми страны, осужденными за убеждения, за их стремление улучшить жизнь страны и народа. Однако будем помнить, что освобожденные, отказавшиеся от выезда за границу, остаются под надзором органов ГБ — неотъемлемой части той системы, которую не должны менять ни „гласность“, ни „демократизация“, допущенные властью. В то же время интересы страны требуют, чтобы вышедший на волю политзаключенный стал бы не просто полноправным советским гражданином, но мог бы беспрепятственно — г л а с н о — отстаивать свои убеждения и вносить свой вклад в построение будущего страны. На защите этого права в с е х лучших людей, оберегая их от дискриминации и нового заключения, должна стоять та общественность, которая хочет коренных реформ, а не видимости их.

Среди отпущенных на волю были также Ростислав Евдокимов и Валерий Сендеров. Оба открыто признали себя членами НТС. Оба не подписали прошения о помиловании. Евдокимов письменно зафиксировал неправомочность ареста и осуждения. Сендеров написал, что он „намерен считаться с законами государства в тех случаях, когда они не противоречат христианским принципам, национальным интересам России и международному праву“.

В бюллетене НТС „Встречи“ № 280, март-апрель 1987 года, помещен новый материал о Р. Евдокимове и В. Сендерове, который публикуем с сокращениями.

*

Ростислав Борисович Евдокимов был арестован 22 июля 1982 года и осужден на 5 лет строгого режима и 3 года ссылки. Он был освобожден 5 февраля 1987 года из лагерной больницы, в которой находился в последнее время.

Уже 6 февраля стали известны некоторые подробности этого освобождения (см. „Посев“ № 3, 1987).

В первых числах марта, из телефонного разговора с Р. Евдокимовым, нам стало известно, что вскоре после освобождения с ним происходила беседа „на высоком уровне“. В этой беседе ему было сказано, что если он хочет эмигрировать, то никаких препятствий ему чинить не будут. Ростислав

Борисович отказался от эмиграции, находясь еще в заключении, и не видит нужды менять свое решение остаться на родине, о чем он и сказал своим „собеседникам“. Тогда ему было предложено следующее: он и мать могут съездить к сестре в США, а сестра, в свою очередь, сможет их навестить. Евдокимов пока не собирается воспользоваться предложенной возможностью. Чем объяснить такое к нему „внимание“, он сказать не может /.../.

Р. Евдокимов очень хочет получить книгу своих стихов, изданную „Посевом“, о которой к нему доходили сведения, но которой он пока не видел и не держал в руках /.../.

*

Валерий Анатольевич Сендеров был арестован 17 июня 1982 года и осужден на 7 лет строгого режима и 5 лет ссылки. Он был освобожден накануне своего дня рождения 18 марта 1987 года. Первый телефонный разговор с ним произошел в тот же вечер (см. „Посев“ № 4, 1987).

Вскоре после своего освобождения Валерий Анатольевич позвонил сам и передал приветствие своим единомышленникам за рубежом:

Дорогие мои друзья!

Вот мы и снова вместе. Мы и все эти годы были вместе в одном строю. Ваша поддержка доходила до меня повсюду, 70-летняя толщина стен бессильна была заглушить ваш ободряющий голос. Я не благодарю вас, каждый просто делал свое дело, вернее мы делали одно дело, каждый на своем посту. Я рад говорить с вами, рад вновь держать в руках наш журнал.

Быть может, свобода Родины уже близка. Но что бы ни послал нам Господь на долгом и трудном пути, будем, перекрестясь, делать наше дело, будем как и прежде, как и всегда верить, молиться, сражаться.

Я хочу напомнить хорошо известные каждому из нас слова. Они о том, для чего мы живем, а главное — за что умираем!

„Чтобы осуществилась та Россия!“

Пусть и впредь сжимается сердце и твердеет воля от этих простых слов.

Ваш Валерий

После освобождения В. Сендеров направил послания Р. Рейгану и М. Горбачеву:

Глубокоуважаемый гражданин генеральный секретарь!

Примите поздравления с началом исторически необходимого процесса — освобождения политзаключенных СССР.

Надеюсь на кардинальный пересмотр позорного нашу страну законодательства.

Ваша реалистическая попытка в этом и других вопросах может стать спасительной для России.

Валерий Сендеров

Глубокоуважаемый господин президент! Рад представившейся возможности выразить восхищение борьбой, которую Вы неустанно ведете в изменчивом мире за высшую ценность христианской культуры — свободу и право человеческой личности. Наши молитвы с Вами. Да поможет Вам Бог в этой святой борьбе.

С глубоким уважением и симпатией к Вашему народу.

Москва, 19 марта 87 г. Валерий Сендеров

Открытое письмо А. Подрабиника

Настало время перемен действительно трудно предсказуемых. Кто мог всего лишь год назад предсказать помилование большой группы политзаключенных? А на днях объявлено об отмене решения почти тридцатилетней давности об исключении из Союза писателей Бориса Леонидовича Пастернака. И повторяются из уст в уста слухи об отмене цензуры в литературе. И выходят на экраны фильмы, немислимые для широкого проката еще пять лет назад. Осмелели газеты и журналы. То, что ждалось десятилетиями, уже, кажется, надвинулось, уже, кажется, готово произойти. Публикуются писатели и поэты Серебряного века русской литературы: Гумилев, Соловьев, Мережковский, Гиппиус, Замятин, Ходасевич. Возвращен России Набоков. Обещано опубликовать „Доктора Живаго“. Кто из ценящих русскую литературу останется равнодушным к этому? А вот уже и звучат по нашему радио песни Владимира Высоцкого — песни, еще так недавно официально непризнанные, почти нелегальные. Радоваться бы всему этому открытой душой, но омрачает радость горькое наблюдение — публикуют у м е р ш и х. Хорошо, конечно, что и х публикуют, но не потому ли, что они уже не возражат, что их можно как угодно комментировать и никто достойно не оспорит этих комментариев? Хотелось бы думать, что нет. Хотелось бы надеяться, что не это главная причина публикации некогда опальных авторов. Хотелось бы верить, что не про нас пушкинские строки: „Они любить умеют только мертвых!“ Но тогда почему не видно публикаций ныне живущих опальных авторов?

Неужели для их признания в нашей стране тоже нужно будет ждать десятилетия, прошедшие после их смерти? Ждать, когда они вернутся — нет, уже не нам, а нашим детям — канонизированные и не опасные новыми и непредсказуемыми литературными шагами? А сейчас они — не классика? Не цвет русской поэзии и прозы?

Пусть так. Оставить бы эти споры только редакторам и критикам. Но есть сегодня писатель, который безусловно являет собой честь и оправдание затравленной русской литературы советского времени. Писатель, чьи произведения наполняют смыслом русскую прозу с послевоенных лет до наших дней. Писатель, который остается главной надеждой нашей литературы и гражданственности. Это — Александр Исаевич Солженицын.

Его книги нужны нашим читателям. Нужны сейчас. Нужны были и раньше, и многие рисковали своей свободой, самостоятельно тиражируя его произведения. Но сейчас его книги нужны еще больше, чем раньше. Теперь, когда с русской литературы постепенно снимают строгую литературную удавку, нестерпимой фальшью выглядело бы замалчивание имени и книг Солженицына.

Вспомните, что еще в 1969 году в открытом письме Секретариату Союза писателей Солженицын писал: „Гласность, чистая и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти“. Так теперь, когда гласность стала лозунгом государственной политики,

надо с признательностью и благодарностью вспомнить об авторе этих строк. Надо научиться, наконец, ценить наших современников, наших достойных соотечественников. Солженицын нужен нашей стране сейчас, сегодня. Ответственные политики, ведущие страну, должны понять это теперь, а не через двадцать или тридцать лет. Во многом мера их ответственности, но и в этом тоже.

Необходимо издать в нашей стране массовыми тиражами произведения Александра Исаевича Солженицына.

Необходимо отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от февраля 1974

года о лишении Солженицына советского гражданства.

Необходимо предоставить Солженицыну возможность вернуться на родину.

Вспомните, что Солженицын не беженец, не эмигрант; он изгнанник, высланный из нашей страны вопреки его воле. Не упустите время. Переломите печальную традицию и сумеете же еще при жизни воздать должное тому, кто в высшей степени достоин этого как писатель и гражданин.

Александр Подрабинек

601010, Владимирская область,
город Киржач,
улица Кирова, 10.

5 марта 1987

В чем каяться?

В связи с увязкой властей предоставления свободы узникам совести с какими бы то ни было „покаяниями” или „подписками” заявлю:

Политическая амнистия, о которой так много говорилось, на мой взгляд, должна была бы иметь в фундаменте причин следующую суть:

На протяжении длительного времени, когда, по выражению одного советского публициста, „поколение грешников плодило поколение новых грешников”, истинные преступники — люди, преступающие уголовные, моральные, нравственные и прочие законы, процветали в безнаказанности, рутине, демагогическом патриотизме и псевдорешении псевдопроблем. В условиях полнейшего отсутствия гласности, в темноте и мраке волюнтаристской риторики царствовало подавление правды, произвол и насилие над логикой, законом, справедливостью и мыслью. Как итог — полнейший развал экономики, культуры, нравственности, разгул взяточничества, хищений, протекционизма, коррупции и иных корыстных преступлений; как итог — всеобъемлющий цинизм под прикрытием лжепатриотизма, лжезаботы о судьбах Родины, народа.

Все это по сути и есть, я убежден, истинное ослабление и подрыв государства, его идеологии, целостности, мощи, ослабление и подрыв его престижа. Причина, приведшая к положению, о котором с предельным мужеством и честностью сказано: „Отступать нам нельзя и некуда”.

Вместе с тем, на протяжении того же периода как показательная мишень, на которую порочное общество сбрасывало обвинения в своих провалах, использовались люди, ни в коей мере не повинные, но напротив, пытающиеся своей деятельностью призвать к соблюдению законов как внутренних, так и международных, неприемлющие порок, мыслящие свободно и достойно, пишущие честно и открыто, самостоятельно ищущие причины в окружающем их насилии и зле, исповедующие веру в Бога, вставшие на путь за святы идеалы свободы и справедливости. Люди разные, но объединенные одним — наличием крайне опасного качества — совести, что и превратило их в узников. Узников совести.

Теперь, когда на трибуне номер один страны звучит такое, что совсем недавно могло бы составлять обвинительное заключение по 70-й статье УК, когда начато самоочищение, мужественно вскрывается и анатомируется ложь, отбрасываются прикрытия и обнажается правда; когда абсолютно справедливо преступников стали называть своими именами, пусть они занимали высочайшее в стране положение; когда истинные бескорыстные и героические патриоты возвращены из противоправных ссылок и в стране объявлены гласность и демократизация, казалось бы, созданы все условия для полной долгожданной реабилитации узников совести.

Однако сводит на нет все мучительные надежды на перестройку к лучшему кричащий, циничный, пошлый факт.

Освобождение узников совести на деле, оказывается, представляет собой кампанию по ликвидации болезненной для властей проблемы — существования политзаключенных. Ликвидация путем размена, обмена, единичного исключения, повального силового принуждения к „покаянию” или „подписке”, физического уничтожения, любым путем, но никак не путем гласной и полной *реабилитации* с гарантией создания условий невозможности впредь повторения прошлого.

Узники совести возвращаются для обработки в те же места, где их содержали на следствии. Ведомства, организации, люди, обвинявшие их в тех же местах, в тех же полит. тюрьмах, в тех же кабинетах ГБ, предлагают что? Покаяться в том, чего они не совершали. И это есть должженная политамнистия? Это есть перестройка к правде?

В чем каются моему брату Тенгизу Гудава? В мужестве описания в брежневское время этому времени присущих мерзостей? Что в полной мере отражено в книге „Преступники” — автобиографической документальной повести, написанной им, мной и нашей матерью. Мужество, потому что тогда за это сажали, а теперь печатают в газетах и платят журналистам гонорар, и достоинством гласности становится все больше и больше вопиющих фактов той эпохи.

Каяться в вере в Бога, в отсутствии марксистско-ленинского мировоззрения, в апостольских призывах, что и составляет суть заветов Христа?

Каяться в стихах? В „Поэме о сером”, написанной тогда, когда серость процветала везде, а сейчас введен термин и с серостью объявлена газетная война?

Каяться в призывах к соблюдению законов тогда, когда правосудие и законность в прошлом сейчас официально признаются несправедливым и незаконным, подлежащими срочной реформе?

Каяться в создании и участии в обновленном составе Грузинской Хельсинкской группы, которая за короткий период своего существования успела выпустить ряд документов, среди которых были, в частности, призывы освободить академика А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр из их горьковской ссылки — которые уже освобождены и находятся в Москве?

В чем каяться?

В создании музыкального ансамбля „Фантом”, ставящего своей целью борьбу за Хельсинкские идеалы, имеющие в итоге более гуманный подход к человеку, что, собственно, и объявляется сейчас советскими властями?

Покаяться в огласке произвола и репрессий со стороны ГБ — сейчас, когда председатель Комитета Чебриков сам признает со страниц партийной „Правды” (8.1.87) подобные грехи чекистов и обещает исправиться?

Может быть, ему каются в обращении к западным — „вражеским” — средствам массовой информации? Так ведь что делать, когда своих беспристрастных и независимых не было и пока нет. А есть те, которые вчера послушно восхваляли ходячий труп преступной бездеятельности, неустанно реанимировали смрадную рухлядь, на которую давно пора было бы повесить табличку „ДНК” — не оживлять. Сейчас же упорно молчат, когда, к величайшему национальному позору, эту табличку вешают на дверях камер и карцеров с умирающими узниками совести.

Может быть, в этом тоже надо каяться?

Или от него будут требовать, чтобы он покаялся в том, что его брату, т. е. мне, с тактической гебистской целью было примитивно сфабриковано уголовное дело в злостном хулиганстве и тем самым умный и мудрый Комитет „убрал” меня на 4 года, прибегая к смехотворной логике проигрывающего О. Бендера — „нет, значит и не было”?

Удивительно, насколько точно соответствует название ансамбля „Фантом” сути проблемы. Я есть и меня вроде бы и нет. Я — несуществующий дух — фантом. Вроде бы и не за мной годами ходили топтуны из ГБ, вроде бы и не мной написана треть книги, вроде бы у моего брата вовсе и нет брата, в Грузинской Хельсинкской группе нет Э. Гудава, и у ансамбля „Фантом” нет руководителя... Нет меня ни в каких списках, нет меня нигде. Как можно установить точное количество полит. заключенных, когда большинство из них — фантомы, которых власти в упор отказываются видеть?

Итак, в чем же, спрашивается, каяться? Кому?

В чем каяться жертвам перед собственными гонителями и мучителями? Перед Президиумом, который до сих пор остался нем на наше семейное ходатайство в порядке ст. 17

Закона о гражданстве!!!* В чем нам каяться перед Президиумом, плюющим на свои *собственные обязанности и законы?*

Покаяние. Покаяние общества... Оно должно было бы в ходе демократизации перейти из символики одноименных сюрреалистических фильмов** в ясную форму гласной реальной информации. Покаяние тоталитарного общества перед своими жертвами, перед памятью убитых и страдающими живущих.

Не понимаю, в чем каяться врачу и человеку Ан. Корягину? В верности идеалам гуманности профессии — клятве Гиппократа? В неприемлемости и ненависти к злу в белых халатах, которое заключало инакомыслящих в медицинские тюрьмы? Показательный факт — антиврачи, с легкостью шедшие на такую гнусность, оказались скорумпированными взяточниками, низкосортной уголовщиной, рядящейся в одежды добропорядочных советских граждан — патриотов. Так в чем каяться Корягину? В героизме?

В чем каяться религиозным активистам?

Не в чем каяться честным узникам советской. Они чисты и святы перед народом, миром и Богом. И если уж зашел разговор о подписях и обещаниях, то я убежден, что, напротив, Президиум Верховного Совета СССР должен был бы после освобождения и реабилитации раздавать таким людям письменные гарантии, что впредь им гарантируется соблюдение Конституции, обещается не-

* „Выход из гражданства СССР”. Ходатайство Тенгиза Гудава от 19.11.82.

** Напр., „Покаяние” груз. кинорежиссера Тенгиза Абуладзе.

применение насилия и произвола. Обещается со временем полное изменение внутреннего законодательства в соответствии с подписанными международными соглашениями. Думается, это было бы критерием истинности демократизации, истинности перестройки к гуманизму, демонстрацией искренности побудительных мотивов. В противном же случае все новое будет не чем иным, как все тем же старым, только более изощренным, более изворотливым, более жестоким и более лживым.

Дилемма — либо кайся, либо будешь уничтожен, так как твоим гонителям уже крайне невыгоден даже просто факт твоего существования, даже в неволе, даже за колочей проволокой, даже в цементном склепе-карцере. Ты портишь экспортный фасад системы своим наличием, мешаешь выглядеть гуманно на международной арене ее дипломатическим представителям. И эта жестокая, смертельная дилемма — есть долгожданная политическая амнистия?

11.02.87

Эдуард Гудава

Вероятно, написано в лаг.: учр. УИ-123/47, с. Намшви, г. Цулукидзе, ГССР („Вести из СССР”, 1987, прилож. № 3:4).

18.2.87 Эдуард Гудава отказался написать письмо в ПВС ГССР с обещанием в случае освобождения не заниматься прежней деятельностью. 28.3.87 начал голодовку в поддержку брата Тенгиза.

Эдуард Гудава, гинеколог, руководитель музыкального ансамбля „Фантом”, член Грузинской группы „Хельсинки”, католик, п/з.

Арестован 15.11.85, осужден 20.1.86 на 4 г. ИТК строгого (или усил.) режима.

Правда о «Правде»

В газете „Правда” 5 мая отмечено ее 75-летие. Вместо передовой статьи помещено соответствующее приветствие от ЦК партии. На первой странице — большая фотография: Ленин читает „Правду”. В подзаголовке издания с давних пор значится: „Газета основана 5 мая 1912 года В. И. Лениным”.

В „Кратком курсе” истории партии (глава 5, раздел 2) об основании „Правды” сказано иначе: „Она была основана согласно указанию Ленина, по инициативе Сталина, Ольминского и Полетаева”.

Но вот настали другие времена. Новые времена, с новым генсеком. И этот генсек призвал к перестройке и к гласности.

Так вот: не Ленин основал „Правду”, эту массовую „рабочую газету”. После крушения революции 1905—1907 гг. Ленин стоял за издание только партийных газет, редактировал газеты „Вперед”, „Пролетарий”, „Социал-демократ”.

Массовую газету „Правда” с 1908 года издавал Троцкий, сначала во Львове, потом в Вене; и она была самой популярной из газет, ввозимых из-за границы. Когда Ленин сделал очередной крутой поворот и решил издавать легальную „ежедневную рабочую газету”; он попросту использовал популярное имя, игнорируя возмущенные протесты Троцкого.

Письмо из Москвы

В 1988 году исполнится 1000 лет со времени Крещения Руси. Для Русской Православной Церкви и для всех русских христиан это величайшее событие, к празднованию которого они уже теперь активно готовятся. Но, к сожалению, радость ожидания светлого праздника омрачает сознание тяжелого положения христиан в Советском Союзе. Это и не удивительно в стране, где одним из орудий государственной политики является атеизм, а Церковь отделена от государства и школа от Церкви.

Сразу после октября 1917 года в России начались гонения на христианство. Всем известно о массовом закрытии церквей, осквернении храмов, репрессиях против служителей Церкви, о „пятилетке безбожия” и насильственном насаждении атеизма в школах при полном запрещении религиозной пропаганды. Несмотря на кажущуюся самостоятельность Русской Православной Церкви и конституционно гарантированную свободу совести, гонения эти продолжаются.

И в наши дни в СССР катастрофически мало храмов, и на практике крайне трудно добиться открытия новых приходов.

И в наши дни религиозная литература для широкого читателя не издается вовсе: Библия и Евангелие издавались несколько раз ничтожным тиражом при огромной потребности в них Православной Церкви. При этом распространение религиозной литературы уголовно наказуемо.

И в наши дни существуют серьезные трудности в религиозном воспитании детей, поскольку власти запрещают не только преподавание Закона Божьего в государственных учебных заведениях, но и организацию детских и юношеских собраний и кружков внутри самих религиозных общин.

И в наши дни в тюрьмах, ссылках, психбольницах как уголовные преступники томятся священнослужители и просто верующие, наказанные только за то, что вели активную религиозную жизнь. К моменту написания нашего обращения это были: находящийся в якутской ссылке после 5 лет лагерей священник Глеб Якунин, основатель Христианского Комитета защиты прав верующих; 80-летний (!) священник Иосиф Софронов, приговоренный к 3 годам лагерей; православный диакон Владимир Русак, напи-

савший историю Русской Церкви после 1917 года (12 лет лишения свободы); это христианские писатели Леонид Бородин, осужденный на 10 лет особого режима и 5 лет ссылки, и Феликс Светов, живущий в ссылке; составитель религиозного журнала „Надежда” Зоя Крахмальникова, сосланная в Сибирь; религиозные активисты Валерий Сендеров (12 лет лишения свободы) и Елена Санникова, отбывающая ссылку; Михаил Бомбин, получивший 2 года исправительных работ за „Вестник РХД”, Игнатий Лапкин (2,5 года лагерей), Николай Серебренников, брошенный в психбольницу за призыв амнистировать всех верующих заключенных к 1000-летию Крещения Руси. И список этот, к сожалению, еще долго можно продолжать.

Но несмотря на все это, христианство в Советском Союзе не только не погребло, но в последние годы набирает силу и все больше распространяется по стране, особенно среди молодежи.

В канун 1000-летнего юбилея мы обращаемся за помощью ко всем религиозным и общественным организациям, ко всем людям, которые считают свободу вероисповедания неотъемлемым правом человеческой личности. Мы просим всеми возможными средствами, вплоть до особого признания ООН 1988 года юбилейным годом Русской Православной Церкви, привлечь внимание мировой общественности к положению верующих в СССР с тем, чтобы оказать влияние на советское руководство и вынудить его предоставить полную свободу религиозной жизни в Советском Союзе.

*Наталья Голованова
Евгений Пашнин
Ольга Корзунина
Владимир Голованов
Ася Лащивер
Владимир Рябоконт
Татьяна Плетнева
Павел Славин-Боровский
Федор Финкель
Лиля Финкель
Светлана Маятникова
Александр Рубченко*

Январь 1987 г.

Сергей Залыгин в Париже

С 3 по 10 марта, по приглашению парижского издательства „Табль ронд“, напечатанного в прошлом году антологию деревенской прозы, во Францию приехал новый редактор „Нового мира“ С. П. Залыгин. Автор многих известных романов, среди которых следует упомянуть, в частности, „На Иртыше“ (немецкий перевод которого вышел в 1966 году в издательстве „Посев“) и „Соленую падь“, он выпустил недавно новый роман „После бури“, посвященный эпохе нэпа.

Однако по вполне понятным причинам основной интерес во время пребывания Сергея Павловича Залыгина во Франции вызвало не столько его литературное творчество, сколько назначение в качестве вершителя судеб самого, пожалуй, известного советского литературного журнала. Начал он свое краткое путешествие с поездки в Гренобль, где выступил на факультете славистики. Поделившись со студентами мыслями о профиле журнала, который ему видится как продолжение линии, намеченной еще Александром Твардовским, С. П. Залыгин ответил на многочисленные вопросы аудитории.

Подчеркнув еще раз теплоту своих чувств к покойному предшественнику, Залыгин отметил трудности, которые Твардовскому пришлось преодолевать. Сейчас, сказал он, этих трудностей не чувствуется. Так, например, принимая редактирование журнала, он поставил условием удаление половины состава редакции. ССП сразу согласился. „Может быть, Твардовский слишком болезненно реагировал на сиюминутные явления. Под новым руководством журнал этого делать не будет. /.../ Основное внимание будет обращено на непреходящие ценности. Одновременно „Новый мир“ должен быть высококультурным органом, откликающимся на самые значительные явления современной советской литературы“. Этому способствует, подчеркнул Залыгин, в данный момент обстоятельство, что очень много до сих пор не увидевших свет в СССР литературных произведений теперь печатаются. Так, в ближайшем будущем выйдут в „Новом мире“ „Котлован“ Платонова, стихи Клюева, одно переведенное с английского языка произведение Набокова, а в первых трех номерах 1988 года роман Б. Пастернака „Доктор Живаго“ с введением академика Д. С. Лихачева. Само собой разумеется, добавил он, что жур-

нал будет уделять необходимое место и современным писателям. Один лишь отдел прозы располагает сейчас 3000 рукописей.

В Гренобле, где он, кроме всего прочего, дал интервью французскому телевидению, — Залыгин был встречен тепло. Гораздо менее дружественная встреча ожидала его в Парижском университете. В битком набитом просторном зале факультета славистики, скептически к нему настроенные отдельные представители новейшей эмиграции забросали его часто совершенно не по адресу сформулированными упреками. Однако много вопросов было задано и по существу. Так, несколько присутствующих спросили докладчика, как он относится к Александру Солженицыну и будут ли в „Новом мире“ печататься его произведения. „Я считаю Солженицына очень крупным прозаиком, — ответил Залыгин. — В чем-то мы с ним расходимся... Что же касается публикации некоторых его произведений в „Новом мире“, то она вполне мыслима, но требуется предварительная договоренность с автором“.

На вопрос о его отношении к сегодняшним событиям в СССР Залыгин заявил:

„В какой-то мере можно считать, что нынешнее положение аналогично создававшемуся после XX съезда. /.../ Опыт нынешних перемен еще очень краткий. /.../ Я не могу сказать, что и как дальше будет. Я не экономист и не политик, но я верю в то, что происходит, и вижу в этом какое-то будущее. /.../ Я принял журнал, когда мне было 72 года. Я никогда не был редактором и не хотел им быть. /.../ Сейчас же мне показалось, что я редакцию должен был принять“.

Залыгин никак не питается иллюзиями. Он знает, что путь, который перед ним лежит, нелегкий и противников у него множество. Он их даже, шутя, подсчитал: 68.000, если учитывать только авторов, к счастью, замужатого (но навечно ли?) проекта поворота части северных рек! Однако именно одержанная в этом отношении победа наводит на мысль, что при наличии настойчивости и мужества многое из казавшегося доселе невыполнимым на самом деле может быть реализовано.

В том же духе выступил С. П. Залыгин в Институте славянских языков, а также перед журналистами на пресс-конференции, организованной издательством „Табль ронд“.

М. Славинский

Кроме невообразимых зимних морозов, еще „напасть“ пришла: какое-то запойное чтение, огни-мающее все свободное время. До трех часов ночи читал „Защиту Лужина“ В. Набокова. Выходные дни проходят в чтении „Невы“, журнала „Знамя“. В „Новом мире“ № 1 за этот год особенное впечатление оставила передовая статья Залыгина. Хочется верить, что он фигура более основательная, чем Твардовский, и без „грехов“ последнего. Вообще сейчас читают все, даже неумеющие читать. Постоянный вопрос: „А вы читали?..“ Все журналы что-нибудь читают из „обязательного интеллигентского набора“. Выросла подписка на газеты. Международные новости почти не читают — свои интереснее. Вечернюю газету купить невозможно — сразу захватывают...

Недавно посмотрел фильм режиссера Абуладзе „Покаяние“. Так о нашей истории еще не говорили. Кроме того, это действительно настоящее искусство. Куда там Феллини! Мастерство еще сравнимое, но тематика... Феллини может позволить быть добрым к изжитому злу. А каково быть добрым, когда ничего еще не изжито?

В связи с Пушкинским юбилеем у нас в Ленинграде было торжественное заседание в Пушкинском доме. Когда объявили выступление литературоведа Н. Эйдельмана, его опередил и выскочил на трибуну молодой человек, аспирант ЛГУ: „Здесь не место подобному подонку от науки!“ Молодого человека выдворили из зала, и Натан Яковлевич сделал свой доклад. Это — явное следствие пущенной кем-то в „самиздат“ перепiski Н. Эйдельмана и В. Астафьева. Недавно даже „Правда“ прошлась по поводу этой перепiski. Имена не названы, но смысл ясен. В конце января там появилась статья о литературной критике „Позиции и амбиции“, в которой так, между прочим, говорится о плохом примере, который подают старшие литераторам молодым. Один литератор послал другому провокационное письмо и, получив несдержанный ответ, пустил переписку в мир. Это, во-первых, не этично, так как переписка частная (цензура — ничего, она своя, родная, о ней в „Правде“ ни слова). А во-вторых, это — настоящая „эпистолярная гапоновщина“. Напрашивается вывод, что в „широком тиражировании“ (как пишет „Правда“) была заинтересована какая-то третья инстанция с целью учинить литературный скандал...

Цена на кварталный „Посев“ на черных рынках городов Советского Союза:
Москва — 10-15 рублей
Ленинград — 15-18 рублей
Таллин — 20 рублей

● По расчетам специалистов министерства торговли США, закупки зерна Советским Союзом в 1986-87 сельскохозяйственном году составят около 23 млн. тонн. Это самая низкая цифра за последние 8 лет. Рекордная величина зерновых закупок была в 1984-85 гг. — 55 млн. тонн.

● Советский Союз закупил у Англии 1,5 млн. тонн пшеницы и 1 млн. тонн ячменя. Подготовлен договор на закупку дальнейших 0,5 млн. тонн зерновых. Таким образом, открыт новый поставщик зерна на европейском континенте. Следующими, надо полагать, будут еще ближе расположенные Финляндия и Австрия.

● Кофе продолжает оставаться в СССР продуктом для привилегированных. Ввиду высоких цен на мировом рынке Советский Союз вот уже 1,5 года отказывается, экономя валюту, от дополнительных закупок кофе. В результате дефицитным стал также и чай, что позволило некоторым официальным лицам приписать его возросшее потребление успеху антиалкогольной кампании.

● В конце марта страны Общего рынка продали Советскому Союзу 181.500 тонн масла, более 18 месяцев пролежавшего в хранилищах и признанного негодным к употреблению в пищу.

Это была самая крупная партия проданного масла за все время торговли ЕЭС с СССР. Продававшая сторона была заверена, что масло будет использовано для приготовления кормов для скота, но несколько европейских парламентариев обвинили советскую сторону в том, что порченное масло просто-напросто поступило в широкую продажу.

Анекдоты

Чукча вернулся из Москвы. Его спрашивают:

— Ну что там? Как идет перестройка?

— Все как в тайге: верхушки шумят, а внизу тихо.

*

1987

Сын, узнав о повышении цен на водку, говорит пришедшему с работы отцу:

— Вот, папка, теперь пить меньше будешь!

— Дурак, — отвечает отец, — это ты меньше жрать будешь!

Шанс короля Захира

Восьмой год длится война в Афганистане, почти вдвое дольше, чем германо-советская война. И еще ярче, чем при нападении на Финляндию, выявилась для вожаков КПСС сила народного сопротивления, вдохновляемого свободолюбием, национальным самосознанием и патриотизмом.

По всем данным, Горбачев со товарищи ищут уже не окончательной победы, а любого „мира” как выхода из катастрофического положения, полного материальных и моральных, психологических и политических трудностей и потерь. Всем известно с детских лет, что если в драке кто-то закричал „Мир!”, то это значит, что он сдается. И речь идет лишь о том, как благим предлогом прикрыть дурной исход и смягчить печальные последствия.

Вряд ли советское руководство может надеяться, что оно продиктует выгодные для себя условия окровавленному, усталому, но несломленному народу, а также рассчитывать, что его красные кислинги останутся у руля правления после ухода советских войск. Нет, когда закоренелый гегист Наджиб теперь ходит в мечеть и обращается к Аллаху, то он, скорее всего, молит о спасении себя от народного гнева.

С другой стороны, силы афганского Сопротивления раздроблены идейно и организационно, и не видно, как они смогли бы создать общенациональный государственно-политический стержень, способный перенять власть и установить порядок в стране. Не превратится ли освободительная война против общего врага в братоубийственную войну всех против всех? И не дает ли это уже сейчас козырь Москве и Кабулу?

Но государственные интересы нашей страны, при нормальных условиях, диктуют необходимость иметь у своих границ спокойного и, по меньшей мере, нейтрального соседа. А в нынешней международной политической обстановке у ведущих сил тоже основная забота — тушить очаги конфликтов. Но где найти тот переходный „модуль”, который бы обеспечил или хотя бы смягчил необходимые преобразования (как в Испании такую функцию выполнил король)?

Думается, для афганских условий такой стабилизирующий фактор следует, в первую очередь, искать, опираясь на исторические данные, питающие национально-патриотические устои народной психологии. При всех исторических перипетиях, которыми изобилует прошлое любого народа, коммунистический режим, и особенно с его опорой на иностранную интервенцию, воспринимается афганским народом как исключительное искажение органического развития, как противоестественный обрыв культурной преемственности, как разрыв в логической последовательности исторических ступеней, разрыв истории. И тогда естествен поиск того, что еще осталось из связей с прерванным прошлым.

Афганская история насчитывает тысячелетия, и первое на афганской территории государственное образование Бактрия возникло за десять веков до Рождества Христова. Оно соприкасалось с древнейшими культурами Индии и Средиземноморья; последующие государственно-политические структуры, на протяжении трех тысячелетий, дробясь или сплавиваясь, попадая в зависимость или высвобождаясь, сохранили стержневую культуру страны и пронесли ее самобытность до нашего времени.

В прошлом веке объединенный Афганистан оказался в опасном положении между индийскими владениями Британской империи и туркестанскими владениями Российской империи. В двух войнах афганцы отстаивали свою самостоятельность от англичан, и в конце концов обе империи пришли к выводу, что выгоднее сохранить буфер между ними.

Самобытность не исключает заимствования; следы оставили и Александр Македонский, и Сельджуки, и Великие Моголы. Двадцатый век поставил страну перед необходимостью некоторого включения в новую стадию развития мировой цивилизации, и при эмире Хабибулле (1901-19) были сделаны первые шаги „европеизации”: городская промышленность, специализация сельского хозяйства, светское образование, литературно-публицистические течения. Эти процессы

усилились при эмире Аманулле (1919-29) с его открыто реформистским курсом.

Аманулла сразу же провозгласил полную внешнеполитическую независимость страны, отменив соответствующие прежние договоры с Англией. Короткий третий военный поход англичан был безуспешным, и уже в 1919 году Англия признала полную независимость Афганистана. Но в том же году советское правительство установило дипломатические отношения с Афганистаном, в 1921 году был заключен ряд соглашений, а в 1926 году — „Договор о нейтралитете и взаимном ненападении”.

В 1923 году была провозглашена первая конституция Афганистана и при советской поддержке ускорилось проведение реформ, нарушавшее ритм органического общественного развития. Восстание, которое возглавил некий Бачаи Сакао, вынудило Аманулла в 1929 году отречься от престола и эмигрировать. Но в том же году бывший военный министр у Амануллы Надир овладел Кабулом и был провозглашен королем. Им в умеренном темпе были продолжены реформы, в 1931 году принята новая конституция, создан выборный Народный совет с совещательными правами.

Король Надир умер в 1933 году, и на престол вступил его сын Захир (1914 г. р.). Внешнеполитический нейтралитет, умеренная индустриализация, дорожное строительство, техническое переоснащение при общем курсе „руководимой экономики”, торговые связи со странами различных систем, свободная пресса и общественно-политическая деятельность — все это, казалось бы, положительно характеризовало 40-летний период конституционной монархии короля Захира.

Но в 1973 году его честолюбивый шурин, бывший премьер-министр Мухаммед Дауд вынудил его отречься от престола и эмигрировать. Дауд сначала объявил себя каким-то неопределенным „главой государства” и премьер-министром, а в 1977 году — „президентом” новой республики. Государственная система была дестабилизирована, коммунисты усилили свое влияние, учяли возможность захвата власти и получили на это благословение Москвы.

В апреле 1978 года произошел переворот, принц Дауд с его родственниками и сотрудниками, общим счетом 38 человек, были расстреляны сразу в подвале дворца по всем

правилам чекистской техники. Установлена коммунистическая диктатура под вывеской „Демократической Республики Афганистан”, и начались „социалистические преобразования”, и началось народное сопротивление режиму.

Возглавитель переворота и режима диктатуры, Тараки, оказался не в силах стабилизировать режим, и в сентябре 1979 года начальник госбезопасности, Амин, совершил новый переворот, захватил власть и похода расстрелял Тараки с его сторонниками, общим счетом уже около 50 человек.

Амин недолго правил. Видимо, его линия была осуждена в Москве, и в конце декабря 1979 года советские войска вступили в Афганистан. Амин и его приближенные, теперь уже около 150 человек, были „ликвидированы” его же методом. Главой государства, правительства и компартии интервенты поставили Кармалю, привезенного с поста посла в Чехословакии.

Волею народного Сопrotивления, события в Афганистане пошли совсем не так, как предполагали оккупанты, годы изматывающей партизанской войны вынудили их искать пути выхода из кровавой трясины, пути к „миру”, к „примирению”, прикрывающему капитуляцию. Роль „примирителя” поручена очередному гебисту Наджибу, продвинутому на место Кармали. Но он обречен, и советская дипломатия, по многим признакам, ищет иного посредника для решения „афганской проблемы”.

И есть основания полагать, что таким посредником мог бы стать экс-король Захир, проживающий в Риме. В рядах Сопrotивления симпатий к нему не видно, но в мире есть силы, склонные и способные добиваться компромиссов, а компромисс, как говорят, есть решение, когда каждый недоволен, но вынужден идти на уступки. В этом шанс короля Захира, который мог бы зачеркнуть все, что было без него.

А. Колин

РЫБАКОВ Владимир

Тиски. Армейские очерки
С предисловием Георгия Владимова
1985, 250 с.

28 нм

Спектакль продолжается

Переговоры между коммунистическим афганским режимом и Пакистаном возобновились в Женеве 9 марта. До начала этого нового раунда переговоров генсек ЦК НДП Афганистана Наджиб заявил, что на них Афганистан займет более гибкую и конструктивную позицию и „поэтому можно ожидать, что этот раунд переговоров станет последним”, однако добавил, что успех переговоров зависит „от Пакистана, которому приходится испытывать давление США”.

Эти переговоры действительно отличаются от прежних прежде всего тем, что фоном им служит широкое дипломатическое наступление советского руководства. Оно, которому, разумеется, вторит афганский режим, не устает теперь повторять, что разрешение афганской проблемы проходит и может проходить только через объявленное им „национальное примирение”. Перечисляются уступки, на которые пошло советское руководство (официально — афганское):

1. Прекращение огня.
2. Обсуждение в рамках программы национального примирения с представителями оппозиционных группировок конкретных предложений по составу демократического коалиционного правительства.
3. Амнистия.
4. Объявление ислама государственной религией.
5. Вывод всех советских войск из страны.

Так же неустанно приводятся данные о достигнутых успехах: 22 тысячи беженцев уже вернулись домой, 10 тысяч членов вооруженных формирований сложили оружие, освобождены 5 тысяч заключенных и так далее.

На переговорах в Женеве все пункты советского дипломатического наступления подвергаются серьезному обсуждению, но основной пункт был и есть последний: вывод советских войск, вернее, определение сроков вывода войск. Советская сторона считает, что ей нужно 4 года, а пакистанская — что советскому руководству для вывода войск нужно столько времени, сколько ему понадобится для вторжения, то есть несколько дней. В крайнем случае пакистанцы согласны предоставить советской стороне несколько

месяцев. Что касается Афганского сопротивления, то оно, отказавшись от „национального примирения”, требует, во-первых, немедленного вывода советских войск и, во-вторых, свержения марионеточного коммунистического афганского режима.

В сущности, первое вытекает из второго: афганцы, пакистанцы и Запад надеются, что в случае быстрого вывода советских войск афганский коммунистический режим долго не продержится, и опасаются, что за три-четыре года советское руководство достаточно укрепит марионеточный афганский режим, чтобы без особой опасности для его существования вывести советские войска из Афганистана.

Но возможен и иной сценарий: объявив всему миру о своем стремлении „мирно урегулировать” афганский вопрос, советские руководители действительно через некоторое время выведут из Афганистана 80 тысяч человек (или даже 90 тысяч) и займут о полном выводе „ограниченного контингента”. В действительности они оставят разбросанные по всей стране две-три отборные дивизии, укомплектованные, в основном, сверхсрочниками и офицерами, передетыми в афганскую форму. А на советско-афганской границе (на советской стороне границы) сосредоточат основные десантные силы — до 30 тысяч человек — и главные силы ВВС 40-й армии. Этих сил будет в принципе достаточно для продолжения военных действий на афганской территории, поскольку из 120 тысяч наличного состава оккупационной армии в боевых операциях непосредственно участвует не более 40 тысяч человек. С одной стороны, война будет стоить дороже, поскольку придется воевать „из-за границы”, но, с другой стороны, она станет более безопасной, если основные базы будут перенесены на советскую территорию.

Главной же выгодой для тоталитаризма будет крупномасштабный обман Запада, мусульманских стран, всего мира. Средства массовой информации всех стран планеты будут передавать „полный” вывод советских войск из Афганистана, и официально война в Афганистане станет „гражданской”, как и была до советского вторжения, со

всеми выгодными для советского руководства и горбачевской „перестройки“ политическими, экономическими, дипломатическими, тактическими и даже стратегическими последствиями. Между тем советская оккупация будет практически продолжаться, и со-

ветские граждане будут по-прежнему умирать и погибать на афганской земле... почти в том же количестве погибать.

В. Надеждин

Еще о наших пленных

Прошлым летом радио „Свобода“ взяло интервью у Бурхануддина Раббани, руководителя одной из крупнейших партий афганского сопротивления „Джамиат ислами“. В частности, его спросили следующее: „Безутешно горе любой матери, потерявшей своего сына на войне — матери и советской и афганской. Радио „Свобода“ слушают в Советском Союзе. Не исключено, что среди наших слушателей есть люди, которые отнесутся к Вашему интервью, как к интервью убийцы, как к интервью человека, ответственного за убийство их сына. Что бы Вы могли сказать этим людям?“

Бурхануддин Раббани ответил: „Мы глубоко и искренне сочувствуем несчастным молодым людям, которых против их воли под угрозой штыков посылают на смерть. Их посылают на смерть советские палачи, в чей власти они находятся и внутри Советского Союза, и в Афганистане. Эту войну начал Советский Союз. Он уничтожает наш бедный угнетенный народ, желающий только одного — свободы. Советские считают это желание преступным. Молодым солдатам и матерям я хочу сказать, что глубоко им сочувствую. Я хотел бы спасти этих молодых людей, чья судьба находится в преступных руках. Советским военнопленным мы сохраняем жизнь, мы говорим им: „У вас есть выбор — либо вы возвращаетесь домой к своим родным, либо, если хотите, можете попросить политическое убежище в стране, где вы хотите жить. Матерям советских солдат мы хотим сказать, что палачи их детей — не мы, а кремлевские руководители. Это они посылают их детей в Афганистан на смерть. Советские матери должны помнить о том, что миллион афганцев, в том числе женщины, старики, дети, были убиты в Афганистане“.

Прошло около года. За это время ни один из взятых в плен афганскими партизанами советских военнослужащих не увидел свободы. За 7 лет войны из многих сотен советских пленнх вернулось в СССР или оста-

лось на Западе едва ли 20 человек. О судьбе многих сотен пленнх ничего не известно, и можно предположить, что большинство их — убиты.

Отнюдь не все перебежчики (о которых стало известно) получили свободу, некоторым не была, очевидно, сохранена жизнь, поскольку они исчезли из поля зрения организаций, стремившихся их спасти.

Мы уже писали в „Посеве“, что любая партизанская война — в любые времена и во всех частях света — характерна уничтожением пленнх. На эту жестокость партизан, будь они русскими в 1812 году, или в 1941—1944 годах, или афганскими в 1980—1987 годах, толкает в первую очередь отсутствие надежного тыла и необходимость перебрасывать бойцов с места на место по труднопроходимой местности в рекордный срок (пленнх, которого нужно кормить и охранять, — чаще всего недопустимая обуза). Это — жестокая правда, и скрывать ее не только вредно, но и морально недопустимо и бессмысленно: советское общество узнает ее непосредственно от демобилизованных, как и то, что афганские партизаны, мстя за убитых и замученных родных, пытаются некоторых пленнх, в особенности офицеров. Именно поэтому НТС с самого начала войны и до нынешнего времени отказывался призывать советских военнослужащих к сдаче в плен или к переходу на сторону афганских партизан. И пока афганские партизаны и их союзники не решат, что советский военнослужащий в Афганистане — также жертва войны, жертва политики коммунистического руководства нашей страны, и что, следовательно, будучи жертвой войны, он является потенциальным его противником (со всеми вытекающими из этого заключения практическими выводами) — НТС будет придерживаться своей прежней политики по отношению к вопросу о наших пленнх и перебежчиках.

В. Надеждин

Стратегия США и СССР

В. РЫБАКОВ

28 февраля 1987 года Горбачев предложил США ликвидировать на территории Европы американские и советские ядерные ракеты средней дальности — от 1000 до 5000 километров.

Это предложение можно считать важнейшим этапом процесса, начавшегося еще 10 лет назад... Кризис, связанный с современными ядерными ракетами средней дальности (их называют еще евrorакетами), начался в 1977 году, когда советское руководство приступило к их установке в Европе. В 1979 году главы государств и правительств США, Великобритании, Франции и ФРГ приняли решение установить на западноевропейской территории в противовес советским СС-20 (кодовое название НАТО) американские „Першинги-2” и крылатые ракеты. Одновременно советскому руководству было предложено начать переговоры: НАТО отказывается от установления ракет, если Варшавский договор убирает свои. В 1980 году советское руководство поставило возможность переговоров в прямую зависимость от отказа НАТО от намерения установить ракеты средней дальности.

В 1981 году Рейган предлагает „нулевой вариант”, то есть ликвидацию на территории Европы и американских и советских ракет средней дальности.

Начинаются американо-советские переговоры. В 1982 году советское руководство объявляет, что отказывается от своего намерения довести до конца программу по размещению СС-20, затем — что Варшавский договор сохранит в Европе столько ракет средней дальности, сколько их имеется у Франции и Великобритании.

В 1983 году Франция, ФРГ и Великобритания подтверждают, что являются сторонниками размещения в Европе „Першингов-2” и крылатых ракет. Советское руководство заявляет, что в случае размещения американских ракет оно примет нужные „контрмеры”. Начинается установление ракет НАТО. В ответ советское руководство отказывается от переговоров о ракетах средней

дальности и „замораживает” переговоры о стратегических вооружениях.

В 1985 году советское руководство соглашается с необходимостью возобновления переговоров о космическом, стратегическом и промежуточном ядерном вооружении. Став генсеком, Горбачев отказывается от „контрмер” и останавливает размещение СС-20. Затем изъявляет готовность начать отдельные переговоры о промежуточном ядерном вооружении. В 1986 году советское руководство соглашается не учитывать в подсчетах промежуточного ядерного вооружения французские и английские ракеты, но при условии, что они не будут модернизированы, а их количество — не увеличено.

Затем в Рейкьявике, во время встречи с Рейганом, Горбачев соглашается не учитывать французские и английские ракеты, даже если они будут модернизированы и их количество увеличено; принимает „нулевой вариант” Рейгана, но при условии, что США откажутся от дальнейшей разработки СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), то есть от программы противоракетной космической обороны с элементами наземного базирования (СОИ еще называют „космическим щитом” и „звездной войной”). Рейган отказывается.

В 1987 году (28 февраля) Горбачев соглашается с „нулевым вариантом”, не включая в него СОИ, но с условием, что соглашение должно подписать „безотлагательно”. Эта советская мирная инициатива расценивается советским руководством как „уникальный шанс избавить Европейский континент от значительной доли ядерного груза”.

„Равновесие” сил

Последние предложения советского руководства удивительны на фоне его агрессивной ядерной политики последних 10 лет. Тем более, что ныне преимущество в Европе в области ракет средней дальности на стороне СССР. Здесь в настоящее время разме-

шны 270 СС-20, дальность действия которых доходит до 5000 километров; для того, чтобы достичь цели, расположенной в 5000 километрах, СС-20 нужно 15 минут. К ним следует добавить 112 СС-4, дальность действия которых — 2000 километров. У НАТО в Европе 233 крылатых ракеты, дальность действия которых всего 2500 километров (кроме того, им нужно 4 часа, чтобы преодолеть это расстояние) — плюс 108 „Першингов-2”, дальность действия которых не превышает 1800 километров (правда, их скорость равна скорости СС-20).

Что останется

После ликвидации в Европе ракет средней дальности останутся ракеты ближней дальности (от 200 до 1000 километров). Этого класса ракет у НАТО в Европе — 72 „Першинга-1А” (дальность действия 750 километров), у СССР — 96 СС-12 и СС-22 (дальность действия 900 километров), а также 606 СС-23 и СС-1 (СКЮД), дальность действия которых варьирует от 300 до 500 километров. Есть еще тактические ракеты с дальностью действия от 40 до 130 километров. У НАТО их в Европе 108, у СССР — 715. Кроме того, у НАТО и Франции имеется около 700 самолетов, способных нести ядерное оружие, у СССР их — около 2 500.

Следовательно, после ликвидации ракет средней дальности у СССР останутся 1500 ракет, способных разгромить силы НАТО в Европе, в то время как у НАТО останутся всего 180 ракет, недостаточных не только для нападения, но и для дельной обороны.

Стратегия США

У США — традиционная тяга к мирным переговорам: еще в 1973 году американское правительство предложило объявить канадские Великие озера, ставшие границей между американской республикой и английской тогда Канадой, „демилитаризованной зоной”. А в 1946 году США, обладающие монополией на атомное оружие, предложили Сталину поделиться этой монополией при условии, что все атомные средства будут переданы под контроль Международного агентства. Сталин, убежденный, что это ловушка, отказался. Вероятнее всего, стремление США к миру объясняется несколькими фактора-

ми, из которых основными, пожалуй, можно считать, что США — бывшая колония и страна эмигрантов и что протестантизм, будучи основной исторической религией этой страны, внедряет с большой силой и упорством идею „закона, меняющего сущность общества”. В силу этих причин американская конституция приобрела в сознании населения США силу культа; отказ от имперских амбиций переходит иногда в сильное стремление к изоляционизму; соблюдение заключенных договоров воспринимается как священный долг.

В течение всех десятилетий переговоров США с тоталитарным руководством нашей страны американцы не переставали убеждаться в том, что „советские ловчач”, но тем не менее, не видя иного пути, продолжали переговоры. В настоящее время в американском руководстве существует два подхода к переговорам. 1) Советская сторона во всех переговорах о контроле стратегических вооружений „ловчила” с самого начала, во всяком случае со времени подписания ОСВ-1 в 1972 году. Чтобы добиться результатов, нужно открыто, не боясь скандала, предъявлять доказательства систематического обмана. 2) Советская сторона „ловчила” с самого начала, но необходимо терпеливо продолжать дипломатическую работу и не допускать разрыва переговоров.

Президент Рейган в своей политике пользовался до сих пор то первым, то вторым „подходом”. По-видимому, первый Рейган считает более действенным, но его резкие формулировки мало понятны большей части американского общественного мнения и, следовательно, депутатам Конгресса.

Для многих американцев „резкость” — синоним „воинственности”: они уверены, что раз война, тем более ядерная, подобна апокалипсису, то никто не может желать гонки вооружений. А так как собственная власть им знакома и зависит от их волеизъявления, а тоталитаризм ощущается ими весьма абстрактно, то они, естественно, видят в неудачном процессе долгодетных мирных переговоров прежде всего ошибки своего руководства. И это прекрасно понимает и всячески эксплуатирует советское руководство.

Зимой 1983 года, после неудач в Ливане и до экономических успехов своей внутренней политики, Рейган отказался от первого „подхода”: в 1985 году он предложил советскому руководству сократить стратегическое

вооружение на 50 процентов, в 1986 году — на 100 процентов. Горбачев пошел Рейгану навстречу: в Рейкьявике он предложил полную ликвидацию ракет средней дальности в Европе (каждая сторона сохраняет на своей территории — СССР в Азии — по 100 ракет), сокращение в течение 5 лет ядерных зарядов до 6000, ракет и стратегических бомбардировщиков до 1600 и полное уничтожение ядерного оружия в десятилетний срок. Рейган тогда радостно воскликнул: „Мы за 24 часа добились больших успехов, чем за 6 лет переговоров!“ Затем Горбачев внес поправку: США должны отказаться от СОИ. И Рейган, закончив переговоры, заявил: „Именно СОИ заставила советских пойти на уступки. Именно СОИ есть гарантия, что советские сдержат слово“.

В этих словах сосредоточена сущность американской стратегии: опираясь на американский огромный технологический перевес, заставить советское руководство выполнить взятые обязательства. Спутники космического шита будут безошибочно обнаруживать советские ракеты, размещенные сверх установленной нормы. Специалист по космической разведке американский адмирал Гэйлер недавно заявил: „Я абсолютно уверен в том, что нам удастся обнаружить на советской территории любой объект, имеющий существенное военное значение“. В 1987 году американские расходы на спутниковые программы достигнут 7 миллиардов долларов, и половина этой суммы уже идет на разработку, изготовление и запуск новых фоторазведывательных спутников „Кийхол твелф“ („Замочная скважина-12“). Этот спутник оборудован телескопом диаметром 2,5 метра и способен обнаруживать на земле объекты меньше 8 сантиметров в перпендикуле. Специалисты считают, что через 10 лет видеоспутники, находясь на геосинхронной орбите на высоте 36 тысяч километров над Землей и держа в поле своего зрения одновременно почти половину поверхности земного шара, смогут прочесывать с рекордной скоростью один за другим участки площадью в 70 квадратных километров и обнаруживать на них подозрительные объекты. Эти спутники — лишь одна из составных частей огромного американского космического шита; с его помощью (в частности) США хотят заставить советское руководство перестать „ловить“ в деле, от которого зависит будущее человечества.

Во время встречи Горбачев — Рейган в Рейкьявике страны Западной Европы встали, и не без причин. Для них уничтожение или эвакуация с европейской территории натовских и советских ракет средней дальности означало бы рост советской военной угрозы. Расчет простой: в случае необходимости США будет трудно вновь переоборудовать свои ракеты из-за океана, советским же ракетным батареям будет легко пересечь границу между советской Азией и советской Европой, тем более, что по соглашению СССР будет иметь право сохранить на своей азиатской территории 100 СС-20. Кроме того, у СССР останется в Европе подавляющее превосходство в области тактических ракет ближнего действия, а также в области химического оружия — у СССР его запасы, согласно натовским экспертам, могут достичь 700 тысяч тонн, в то время как у США они едва достигают 40 тысяч тонн.

Поэтому западноевропейские страны, особенно обладающие ядерным оружием Франция и Великобритания, — сразу заявили, что, во-первых, они будут продолжать развивать свои программы ядерной обороны, а во-вторых, что переговоры о сокращении и ликвидации ракет средней дальности должны распространяться на ракеты ближнего действия и на химическое оружие.

В ответ на это 10 апреля Горбачев во время своего официального визита в Чехословакию заявил: 1) СССР прекратил производство химического оружия и строит специальный завод для уничтожения запасов химического оружия. 2) СССР готов начать переговоры о сокращении с последующим уничтожением ракет с радиусом действия от 500 до 1000 километров. 3) СССР готов дать все нужные гарантии для того, чтобы могла осуществляться на местах самая строгая проверка правильного соблюдения подписанных соглашений.

Очевидно, советское руководство готово идти почти на любые компромиссы, чтобы в самом скором будущем было заключено соглашение о ракетах средней дальности. И Западной Европе будет трудно отказаться от горбачевских предложений, даже если западноевропейцы будут продолжать указывать, что, кроме угрозы ядерного оружия, существует еще угроза классических вооружений — в настоящее время советская армия насчи-

тывает более 5 миллионов солдат и офицеров, 50 тысяч танков, 20 тысяч артиллерийских орудий, 5200 боевых вертолетов и 3500 самолетов. Если переговоры будут успешными и ракеты средней дальности ликвидированы на европейской территории, то западно-европейским странам будет необходимо сделать то, от чего они отнекивались десятилетия и к чему США их призывали десятилетиями: резко увеличить свои военные бюджеты. В настоящее время американский гражданин в среднем тратит в год на оборону своей страны и стран союзников 1218 долларов (в США 240 миллионов жителей), в то время как западноевропейские страны-союзники НАТО — 210 долларов (эти страны насчитывают 373 миллиона жителей).

Стратегия советского руководства

Вероятнее всего, что новая стратегия советского руководства, — эта внешне неожиданная резкая уступчивость во время переговоров на высшем уровне, это стремление Горбачева добиться во что бы то ни стало практических результатов в области сокращения и ликвидации разных видов ядерного вооружения, — вписывается в общую стратегию перестройки. Если основная цель перестройки — спасти СССР как сверхдержаву и основной центр международного коммунистического движения, то есть, не меняя тоталитарной сущности СССР, отказаться от второстепенных по своей сути социально-политико-экономических табу и технологически хотя бы приблизиться к концу века к высокоразвитым странам Запада, то основная цель переговоров о ядерном вооружении — помешать Западу во главе с США продолжать качественное улучшение его ядерных сил, в особенности противоракетной обороны (СОИ). Если США установят свой космический щит и если он будет действенным хотя бы на 70 процентов, то большая часть советских ядерных ракет превратится в политический металлолом; именно политический, поскольку наличие ядерных стратегических сил, достаточных для полного уничтожения жизни на территории потенциального противника, и дают советскому руководству возможность почти безнаказанно расширять на земном шаре свое идеологическое, политическое и военное влияние. Например, мож-

но, что во время Вьетнамской войны США разгромили бы северовьетнамского коммунистического агрессора на его собственной территории и оккупировали бы Ханой, если не существовала бы опасность начала ядерной войны с союзником коммунистического Вьетнама — Советским Союзом. Другими словами, весьма возможно, что если во время Вьетнамской войны у США был бы космический щит, то весь Индокитай не стал бы тоталитарным.

Расчет советского руководства, возможно, следующий: пойти на невиданные в истории СССР уступки в области разоружения, чтобы заставить в конце концов США если не отказаться от космического щита, то оттянуть во времени его практический ввод в действие и тем самым спасти от политической гибели оставшуюся после разоружения часть своего ядерного арсенала — и остаться таким образом сверхдержавой. Шансов на успех у этого плана довольно много.

НЕЗНАНСКИЙ Фридрих

Операция ФАУСТ

1986, 312 с.

28 нм

Новый приключенческий роман Ф. Незнанского (вектор известных, переведенных на многие языки детективов «Журналист для Брежнева», «Ярмарка в Сокольниках» и др.) — написан на этот раз в редкой для русского писателя форме политического «криминала».

Расследование террористического взрыва в метро приводит следователя Московской прокуратуры Турецкого к раскрытию военного заговора, в котором принимают участие воюющие в Афганистане «спецназовцы».

В соответствии с лучшими традициями жанра — раскрытие одного из главных преступников «неожиданно» происходит буквально на последних страницах книги... Турецкий и другие чины прокуратуры и МВД мучатся между здравым смыслом, желанием выполнения долга и — мертвыми тисками тоталитарной машины, коверкающей их сознание.

Ярмарка в Сокольниках. Детективный роман

1987, 336 с. 2-е изд.

28 нм

Следователи К. Меркулов и А. Турецкий расследуют очередные преступления в Москве. Неподдалеку от главного павильона международной ярмарки в парке «Сокольники» убит ответственный сотрудник Внешторга Виктор Ракитин. В кулаке убитого обнаружен обрывок стодалларовой купюры... В тот же вечер в гостинице «Центральная» находят труп женщины... Оба эти убийства совершены, по-видимому, одними и теми же людьми. Что стоит за этими преступлениями?..

Южноафриканская проблема

6 мая в Южно-Африканской Республике состоялись парламентские выборы. ЮАР — ныне единственное государство в мире, построенное на узаконенном расовом неравенстве. В стране последовательно проводится конституционный принцип „апартеида“ (или „апартхеида“) — „раздельного развития“ расовых групп, причем негры, составляющие более 75% населения, лишены избирательных прав.

В населении страны из 33 млн. человек (1983) — 4,7 млн. белых, 2,7 млн. метисов, 0,8 млн. азиатов (преимущественно индийцев), 25 млн. негров.

В результате проведенных реформ парламент состоит ныне из трех палат: в палате белых 178 депутатов, в палате метисов 85, в палате азиатов 45. Кроме того, при президенте республики (избираемом парламентом) существует президентский совет (с рекомендательными функциями), в котором — белых 41, метисов 7, азиатов 8. Решающее слово в этой системе — у белых; негры отсутствуют.

На прошедших выборах в белую палату из 166 избираемых депутатов (12 добавляются позже, для выравнивания фракционных пропорций) правящая Националистическая партия (умеренные реформисты) президента Питера Боты провела 125 (в 1981 году 116), оппозиционная антиреформистская Консервативная партия — 20 (17), прореформистская Прогрессивно-либеральная партия — 19 (25). Сразу после выборов президент Бота заявил, что он будет продолжать прежнюю политику его партии: шаг за шагом, в организованном порядке, проводить реформы, не давая пока неграм право выбирать власть. В отношении внепарламентских оппозиционных движений правительство намерено держаться „твердого курса“ то есть политики силы.

В середине XVII века на самом юге Африки, вокруг мыса Доброй Надежды, голландская Ост-Индская компания основала Капскую колонию („кап“ — мыс). Голландские колонисты „буры“ („бауэры“ — фермеры) использовали местных негров в качестве рабов для плантаций. Но в начале XIX века

Капскую колонию захватила Англия, и большинство буров ушло на север, за реки Оранжевую и Вааль. Там были основаны бурские республики Оранжевая и Трансвааль.

К середине XIX века англичане продвинулись вдоль восточного берега и основали колонию Наталь. А в итоге англо-бурской войны 1899—1902 гг. и бурские республики были покорены англичанами (борьба против остатков рабства играла пропагандно-психологическую роль). В 1910 году был создан, в качестве британского доминиона, Южно-Африканский Союз, куда вошли четыре провинции: Капская, Оранжевая, Трансвааль и Наталь. Эта структура сохранена поныне, только доминион, из-за расовой политики, вышел из Британского Содружества в 1961 году и объявил себя независимой Южно-Африканской Республикой.

В попытках решения (или смягчения) расовой проблемы правительство ЮАР создало 10 „бантустанов“ — автономных территорий для разных негритянских племен, где они получали полное самоуправление. В дальнейшем эти бантустанам, одному за другим, стали предоставлять независимость, но во внешнем мире она не получала признания.

Территории бантустанов кое-где оказались неестественно-причудливыми по конфигурации, даже раздробленными. В них проживают 47% негритянского населения, но они занимают лишь 13% общей площади ЮАР. Экономически они самостоятельно развиваться не могут, а их жители, уезжая на заработки в города и области белых, рассматриваются там уже как „иностранцы“.

Эти мероприятия, а также частичные реформы не удовлетворили большую часть негритянского населения, скорее обострили расовую проблему и усилили тенденции к радикальным методам борьбы. Это способствует поляризации сил и толкает негритянские массы в объятия экстремистских движений. Горизонт непрерывно багровеет.

Консервативные круги обоснованно предупреждают мир о коммунистической опасности, но на деле сами способствуют росту этой опасности. В нашей истории государственный реформатор Александр Второй радикально

обновлял социально-политическую систему сверху, дабы она не была сломлена силой снизу.

Перемены неизбежны, и лучше внять латинской мудрости: добровольно следовать велению судьбы, пока она не потащила силою. И тут видится одна возможность мирного решения: предоставление всем гражданам ЮАР одинаковых политических прав, включая избирательные права, реализация которых определялась бы для всех образовательным уровнем. Схематически дело выглядело бы так:

В низовых селениях избирают все, но кандидатами могут быть лишь люди, имеющие, минимум, начальное образование, скажем, 4 классов (по крайней мере должны уметь читать, писать, считать). В дистриктах (уезд, районах) и небольших городах в управительные органы избирают граждане с начальным образованием, а кандидаты должны иметь не ниже 8 классов. В провинциях и больших городах для избирателей необходимы 8 классов, для кандидатов — 12. При выборах в общегосударственный парламент: для избирателей — минимум 12 классов (полное среднее образование), для кандидатов — высшее образование (депутату, по нынешним временам, иначе не обойтись).

Образовательный ценз — альтернатива, которая, в принципе, не противоречит демократии, поскольку требования и ограничения общие. А повышение культурного уровня — веление времени. Но в данном случае замысел сводится к постепенному разрешению большой и острой политической проблемы. Переходный период для достижения полной справедливости потребовал бы времени, и это необходимо для главных перестроек. Разумеется, одно из главных мероприятий — обеспечение общедоступности образования (20% негров ныне неграмотные).

Южноафриканская проблема давно перестала быть внутренним делом страны и постепенно стала проблемой мировой, невралгическим узлом международной политики. Вокруг нее разгорелись страсти по всей планете, в частности и в особенности охватив третий мир, за влияние в котором идет судьбоносная борьба между демократической и коммунистической системами; события в ЮАР и вокруг нее почти непрерывно занимают Организацию Объединенных Наций и ее специализированные учреждения. Решение ее неизбежно, только какое?

Покойный британский премьер Макмиллан четверть века назад, объезжая бывшие английские колонии на юге Африки, убеждал правящие круги белых учесть „ветер перемен” во всем мире. Там, где этому вовремя вняли, ветер ослабел, а где упрямятся, там он перерастает в бурю и ураган.

А. Колин

ЮАКП и АНК

Давая в апреле 1987 года интервью французскому еженедельнику „Валер Актюзль”, израильский генерал Эйтан, отвечая на вопрос, касающийся трудностей в американо-израильских отношениях из-за Южно-Африканской Республики (ЮАР) — США хотя бы, чтобы Израиль занял четко антиапартеидскую позицию — сказал: „Американское правительство оказывает такое давление на Израиль только потому, что оно само находится под сильнейшим давлением своих средств массовой информации. В Белом доме прекрасно понимают, что настоящей проблемой ЮАР является не апартеид, а все усилывающееся советское проникновение”.

Соответствует ли ответ израильского генерала действительности, правда ли, что основное оружие советского проникновения в ЮАР достаточно мощное, чтобы под прикрытием борьбы против апартеида стремиться с успехом к созданию в ЮАР коммунистического строя? Этим орудием не может быть численно слабая и не очень популярная в ЮАР Южно-африканская коммунистическая партия (ЮАКП). Самой же сильной антиапартеидской организацией ЮАР является Африканский национальный конгресс (АНК). Советские ежегодники характеризуют АНК следующим образом: „Осн. в 1912 г. Революционно-демократическая партия. С 1960 г. действует нелегально. Возглавляет борьбу за ликвидацию режима апартеида и создание в стране демократич. государства”.

*

Основанная в 1921 году Южно-африканская коммунистическая партия (ЮАКП) получила указание Коминтерна проникнуть в АНК, занимавшийся тогда легальной борьбой за установление в стране гражданского

равноправия, и овладеть им тихой сапой. Задача была трудновыполнимой, поскольку ЮАКП насчитывала очень мало членов (в 1928 г. у нее было в общей сложности 1.750 членов), а в АНК руководители были традиционными племенными вождями; кроме того, у АНК было сильное реформистское крыло. Тем не менее, ЮАКП эта операция удалась: в 1927 году председатель АНК Гюмедз, слышавший упорным антикоммунистом, заявил в Брюсселе на Международном съезде Антиимпериалистической лиги: „Я рад, что в Южной Африке есть коммунисты. Сам я не коммунист, но опыт доказал, что коммунистическая партия единственная партия, стоящая с нами плечом к плечу” В том же 1927 году Гюмедз был приглашен в Москву на празднование 10-й годовщины Октябрьского переворота и был принят с почестями, оказываемыми обычно главам государств. Вернувшись в ЮАР, он воскликнул: „Я видел наступление нового мира там, где он зародился. Я пошел к новому Иерусалиму”

Началось тесное сотрудничество между ЮАКП и АНК. Руководители компартии стали членами АНК, коммунист был избран генеральным секретарем АНК. Реформистские силы АНК сумели в 1933 году разорвать союз ЮАКП—АНК, очистив АНК от нескольких коммунистических лидеров; но в 1937 году коммунистам вновь удалось укрепиться в высших инстанциях АНК, а в 1934 году ЮАКП удалось, изменив статуты АНК, исключить из этой организации традиционных вождей-реформистов.

Однако национальные силы в АНК были еще чрезвычайно сильны, несмотря на глубокие социальные изменения, происшедшие в ЮАР во время Второй мировой войны. Воюя на стороне антигитлеровской коалиции, ЮАР пришлось в военные годы сделать огромное промышленное усилие, следствием которого было быстрое превращение большого количества сельского негритянского населения в промышленных рабочих. Эта свежеспеченная рабоче-промышленная масса стала активным и плодотворным полем деятельности для ЮАКП. Все же в отчете ЦК ЮАКП от января 1950 года можно прочесть: „Мы не должны более позволять буржуазным элементам национальных движений нападать на движение рабочего класса, оскорблять нашу партию и занимать отрицательную, даже враждебную позицию по отношению к интернациональным силам рабочего класса”

Трудно с уверенностью сказать, чем бы закончилась борьба внутри АНК между коммунистами и националистами, если бы в 1950 году в ЮАР не был принят закон, объявляющий компартию вне закона. По этому закону сама принадлежность к ЮАКП могла караться сроком заключения до 10 лет. Одним из последствий этого закона был массовый уход коммунистов в АНК и стремительное усиление коммунистических тенденций внутри АНК. Другим последствием было объявление властями в 1960 году АНК (как орудия в руках ЮАКП) вне закона.

В настоящее время вооруженные отряды и террористические группы АНК имеют свои базы на территории соседних с ЮАР просоветских режимов и получают всяческую помощь и поддержку от СССР. Из 30 членов Исполнительного национального комитета АНК 23 — члены ЮАКП.

Эти факты достаточно ясно показывают, что АНК под прикрытием борьбы с апартеидом стремится на самом деле к созданию в ЮАР просоветского тоталитарного строя, при котором гражданских и политических прав не будет ни у негров, ни у белых.

Последствия победы СССР в ЮАР

Победа АНК будет победой советской политики в Южной Африке. Для того, чтобы понять стратегическое значение Южной Африки, в особенности Африканского Рога, достаточно бросить взгляд на карту. Стратегическое значение ЮАР объясняется не только тем, что морской путь из Индийского океана в Атлантический (и обратно) контролируется южноафриканским мысом Доброй надежды, но и тем, что ЮАР обладает с СССР монополией на многие стратегические металлы, без которых ныне немыслимо существование высокоразвитой державы. Высокоразвитые страны Запада и Япония покупают у ЮАР 98 процентов необходимой им платины, 90 процентов ванадия, 77 процентов марганца, 64 процента золота, 84 процента хрома. Основные залежи титана расположены на территориях СССР и ЮАР. Для того, чтобы в США построить стратегический бомбардировщик Б1, необходимо 92 тонны титана, Боинг-747 — 33 тонны титана. США получают из ЮАР 88 процентов необходимого им хрома. Было подсчитано, что если экспорт хрома из ЮАР в ФРГ сократится на 30 процен-

тов, то количество безработных в ФРГ увеличится на 2,5 миллиона человек. Эту цифру достаточно, чтобы представить себе, чего достигнет СССР, захватив руками АНК ЮАР: это будет самой блестящей победой тоталитаризма над демократией со времени захвата Сталиным Восточной Европы, но вместе с тем победой самой опасной для мира со времени окончания Второй мировой войны.

Невозможно себе представить, что высококоразвитые страны во главе с США дадут себя экономически душить руководителями

Советского Союза, то есть дадут возможность тоталитаризму, контролируя полностью мировые запасы основных видов стратегического сырья, вызывать в той или иной высокоразвитой стране острейшие экономические кризисы, следовательно, кризисы социальные и политические. Не приходится сомневаться, что захват советским руководством ЮАР был бы гигантским шагом вперед к развязыванию Третьей мировой войны.

В. Рыбаков

Цена четырех островов

А. ОКУЛОВ

В январе Японию посетил министр иностранных дел СССР Шеварднадзе. Основная цель визита — расширение торговых связей между двумя странами; японские кредиты и оборудование были бы очень нужны для освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Но ощутимого сдвига в отношениях между Японией и СССР пока не намечилось.

Японский премьер-министр Накасонэ совершает турне по Восточной Европе и... минует Москву. В канун 1987 года в утвержденном проекте государственного бюджета на очередной финансовый год военные расходы Японии определены в размере 3.518 млрд. иен, что на 5,2 процента превышает соответствующие ассигнования 1986 года. Это — первое повышение традиционного „потолка” японских военных затрат, равного одному проценту валового национального продукта. Конечно, японские „Силы самообороны” еще несравнимо малы, но что касается технической оснащенности — здесь „Страна восходящего солнца” даст сто очков вперед всем соседям.

(Хотя, когда на Японию нацелены 108 расположенных в Восточной Сибири ракет СС-20, два-три миллиарда иен военных ассигнований погоды не делают...)

А 7 февраля в Японии состоялось традиционное празднование „Дня северных территорий”, вызвавшее, опять-таки традиционное, неудовольствие в Москве „возбуждением реваншистских чувств в японском обществе и разжиганием милитаристских тенденций в японской внешней политике”.

„Северные территории”, „Чисима ретто”, „Курильские острова” — вот он камень преткновения на пути сближения между двумя странами.

Цепь, протянувшаяся на 1.200 километров от Камчатки до Хоккайдо, естественная граница Охотского моря. Тридцать шесть островов, омываемые холодным Курильским течением, множество мелких островков и просто скал. Общая площадь — 15,5 тысяч квадратных километров. Климат холодный, муссонный. Зимний муссон и циклоны полярного фронта приносят частые метели и штормы, нередко случаются землетрясения, иногда сильные.

Но в то же время — вокруг Курил расположена одна из богатейших рыболовных зон в мире, на Южных Курилах растут бамбук и магнолия, есть целебные источники, на горячих ключах построены водолечебницы и дома отдыха, куда приезжают отдыхать многие жители Дальнего Востока, именующие Южные Курилы „Курильским Крымом”. Экономическое значение островов также немало: залежи серы на островах Кунашир и Итуруп используются в целлюлозной промышленности Сахалина, имеются залежи титана и магния, есть запасы медных руд, серебра и золота. Вблизи островов проходят миграционные пути китов.

Курилы или Чисима? Чьи они? Не по праву силы, а юридически? Путаница начинается с освещения истории островов.

Так, Большая советская энциклопедия 1937 года утверждает, что „Острова откры-

ты в 1634 году голландцем Де-Фризом, исследованы русскими в 1713—18 гг.". БСЭ 1973 года говорит другое: „Первые сведения о Курильских островах сообщил в 1697 русский землепроходец В. В. Атласов". И ни одно из изданий не вступает в полемику о том, какие именно острова именовать Курильскими: они — от Камчатки до Хоккайдо. Расхождение с японской точкой зрения — ровно на четыре острова.

Сам первооткрыватель Де-Фриз считал, что остров Уруп был частью Северной Америки. Ранние русские карты включали в грядку и японский остров Хоккайдо. Французский исследователь Лаперуз определил, а царь Александр I признал в 1821 году остров Уруп — как самый южный из Курил и границу русских владений.

Острова исследовались, начиная с XVIII века, русскими — с севера и японцами — с юга. Каждая сторона была заинтересована во включении этих территорий в свои владения, коренных жителей — айнов-рыболовов — тогда мало кто спрашивал, но они и не собирались оказывать сопротивления ни тем, ни другим.

Рано или поздно столкновение было неизбежно. В 1807 году два русских военных корабля подошли к берегам острова Итуруп, в короткой стычке было сожжено две хижины японских сторожевых постов. В ответ на это — в 1811 году японцы арестовали капитана русского судна, причалившего к берегам того же острова за провизией. Через год у тех же берегов русскими был захвачен японский купец. В 1813 году произошел обмен пленниками.

Примерно в то же время русские и японцы проводили колонизацию острова Сахалин (по-японски — Карафуто) . . С целью предотвратить возможные столкновения Россия пошла на подписание с Японией „Договора о торговле, навигации и определении границ" в 1855 году. Согласно этому договору, все острова к югу от острова Уруп объявлялись владениями Японии, остров Сахалин должен был находиться под совместной русско-японской оккупацией. Это юридически подтвердило право Японии на владение четырьмя островами вплоть до 1945 года.

В 1875 году Япония отказалась от притязаний на Сахалин и эвакуировала оттуда своей войска — в обмен на все Курилы.

После русско-японской войны 1904—1905 годов Россия уступила Японии Южный Саха-

лин — к югу от 50 параллели. (Можно было бы добавить к истории этого региона и факт англо-французской оккупации острова Уруп во время Крымской войны, но он в данном контексте существенного значения не имеет.)

...Во время Курильской операции Дальневосточного фронта 17 августа — 1 сентября 1945 года советский десант, поддержанный Тихоокеанским флотом, высадился на Курилах. Японцы сосредоточили здесь свыше 60 тысяч человек, а также артиллерию, танки и авиацию, но силы уже были неравны. Особенно кровопролитные бои велись на островах Шумшу и Парамушир и завершились захватом островов Шикотан, Кунашир и Хабомаи. В ближайшие год-два все японское население занятых территорий было выселено в Японию.

Началось заселение Курил переселенцами (в основном — из центральных областей России). Заселялись все острова, включая Кунашир (Кунашири), Итуруп (Эторофу), Шикотан и группу небольших островов, по-японски — Хабомаи, которые переименованы в „Малую Курильскую гряду". В настоящий момент на островах живет около 16 тысяч курильчан-переселенцев.

Выселенные японцы, в основном — рыбаки, поселились на Хоккайдо, расположенном всего в нескольких километрах от Кунашири и Хабомаи. Паломничество на мыс, откуда открывается вид на бывшую японскую территорию, стало одним из местных обычаев. Кроме того, рыбаки продолжали ловить рыбу в близлежащих с островами водах и посещать (с позволения советской администрации) могилы родственников. После 1945 года несколько тысяч японцев было задержано и больше тысячи судов конфисковано за нарушение государственной границы СССР.

Советская сторона утверждает, что все Курилы были определены как советская территория по Потсдамской конференции 1945 года, а посему — вопрос решенный. Японцы же со своей стороны заявляют, что четыре южных острова никогда не входили в состав Курил, а посему — являются законной собственностью Японии. Бесконечные переговоры на эту тему всегда наткнулись на упрямую позицию Советского Союза: „Курилы — наши, вопрос решен".

Для Японии, несмотря на перенаселенность страны, требования о возврате ей четырех островов являются скорее делом

принципа. Но как далеко заходит эта принципиальность, можно судить по фактам. Несмотря на явную заинтересованность японских деловых кругов в участии в проектах по освоению советского Дальнего Востока, на серьезном уровне этого все еще не произошло. Был подписан китайско-японский договор о взаимном сотрудничестве, в котором содержатся статьи о совместном противостоянии „гегемонизму“, явно направленные против СССР.

И это в то время, когда страны Западной Европы и США уже подумывают о введении резких ограничений на японский экспорт (их торговый дефицит в торговле с Японией в минувшем году составил около 60 миллиардов долларов), и новые рынки сбыта были бы очень нужны третьей экономической державе в мире.

По вопросу „северных территорий“ складывается позиция почти всех крупных политических партий Японии, включая коммунистическую (из-за этого делегаты КПЯ неоднократно отказывались от приезда на съезды КПСС). Надеяться, что „Страна восходящего солнца“ вдруг забудет о четырех отнятых у нее островах, — пожалуй, не стоит.

Но не стоит преуменьшать и стратегическое значение Курил — естественной границы Охотского моря, которая фактически превращает его в „советское озеро“. Не стоит забывать и о полезных ископаемых и морских богатствах этого района. Как быть с курильчанами? Их выселение обратно было бы немалой проблемой для государства.

Да и общая площадь четырех островов (4.996 квадратных километров) — более чем в два раза больше острова Окинава, возврат которого американцами в 1972 году отмечался в Японии как национальный праздник. Правда, для 1/6 части земного шара такая „потеря“ вроде невелика, но следовать примеру американцев СССР покуда не собирается.

Острова Кунашир и Итуруп просто нашпигованы станциями слежения за передвижениями японских ВВС и ВМС и слежением за водными путями между Японией и США. Неподалеку — на острове Симушир — расположена база подводных лодок. Возврат островов мог бы открыть „тихоокеанские ворота“ СССР.

Вдобавок, не возбудит ли возможная уступка аппетиты прочих претендентов: Гер-

мании — на Кенигсберг, Финляндии — на Выборг, Китая — на Забайкалье?

Думается, однако, что есть и другой выход из положения, кроме бесконечного политического упрямства и безоглядой уступчивости.

Кондоминиум? Англии и Франции на Новых Гибридах это не мешало. Время, когда марокканский город Танжер был международной демилитаризованной зоной (1912—1956), было временем небывалого процветания этого города.

Базы, правда, тогда придется демонтировать или перенести в другое место, но ведь можно демилитаризовать и весь район, не допуская чужого военного проникновения на Курилы.

Можно разрешить японским переселенцам обосноваться на островах, введя при этом квоту, и оставить там русских переселенцев, права которых будет защищать русская администрация, делящая власть с администрацией японской. Можно обеспечить хождение на островах двух валют или создать особую денежную единицу.

Объявление Южных Курил зоной беспешлиной торговли несказанно повысит жизненный уровень и создаст для СССР источник притока западной валюты, каким является Гонконг для Китая. Совместная разработка полезных ископаемых на приемлемых для обеих сторон условиях — не только принесет стране немалый доход, но и может стать „школой“ для отечественных экономистов и менеджеров, столь мало знакомых с опытом западной экономики. Что же касается рыбного промысла, то Советский Союз и сегодня ловит рыбу у берегов других стран (и подчас не без дипломатических осложнений), почему бы тогда не разрешить это Японии в разумных и оговоренных пределах?

...Пойдут ли на это японцы? Гибкость, проявленная во внешней политике, не обязательно есть проявление слабости, и она же требует ответной гибкости со стороны партнера по переговорам. В каждом отдельном случае хороший политик должен искать максимальную выгоду для своей страны. Прошли те времена, когда могущество того или иного государства определялось его территориальными захватами, тем более если их удержание приносит стране материальные убытки, и убытки немалые.

Война между Ираном и Ираком

В. РЫБАКОВ

Среди многочисленных кризисов, имевших место на Ближнем Востоке в 80-е гг. и продолжающихся до сих пор, необходимо особо выделить войну между Ираном и Ираком. Официально она началась 17 сентября 1980 года, когда президент Ирака, глава правительства, главнокомандующий и генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения С. Хусейн объявил о денонсации договора 1975 года о границах и добрососедских отношениях с Ираном и приказал своим войскам перейти иранскую границу. Борьба двух стран за спорный (с Первой мировой войны), богатейший нефтью бассейн реки Шатт-эль-Араб переросла в кровопролитную войну.

В течение первых двух лет иракские войска добивались успехов на иранской территории, но затем иранцы сумели вытеснить противника за свои государственные границы — только небольшой отрезок Центрального фронта проходит в настоящее время по территории Ирана. Затем война приняла позиционный характер, напоминающий стратегически фронты Первой мировой войны. Основной фронт проходит теперь перед крупнейшим, расположенным на реке Шатт-эль-Араб, портом — городом Басрой (это крупный центр добычи и переработки нефти и второй по значению и численности населения город Ирака).

В ходе кровопролитных боев в 1984 году иранцы смогли захватить в устье Шатт-эль-Араб иракский полуостров Фао с одноименным городом. Настойчивые попытки иранских войск захватить Басру не достигли успеха. Последнее иранское крупномасштабное наступление на Басру началось в январе 1987 года — иранским частям до сих пор как будто не удалось выйти на шоссе Багдад-эль-Кувейт и полностью перекрыть узкий перешийек, дающий Ираку выход к Персидскому заливу. Все же иранцы захватили на иракском берегу плацдарм и стараются укрепить на нем.

В ходе войны обе стороны потеряли примерно до полумиллиона убитыми и до миллиона человек ранеными. Кроме того, стремясь терроризировать население противника и ослабить его экономически, обе стороны используют все доступные им военные

средства: бомбят и обстреливают ракетным огнем города, в том числе и столицы, уничтожают нефтяные сооружения и нефтеналивные суда... Известны случаи применения химического оружия.

Обе стороны постоянно трубят о своих победах и о скором окончательном поражении врага, так что трудно точно определить успехи и неудачи как иранцев, так и иракцев. Приведем два мнения. Первое принадлежит французскому генералу Галуа, одному из ведущих специалистов Франции в области стратегии. Он считает, что даже захватив Басру, город с миллионным населением, иранцы вряд ли смогут его удерживать, так как между Басрой и районом больших озер (к северу от города) есть незаболоченные места, где иракская армия сможет развернуть свою артиллерию и вынудить иранцев оставить свои позиции в захваченном городе. Генерал Галуа вообще считает наступление на Басру обманным маневром, имеющим целью оттянуть иракские силы на юг, чтобы затем, прогнав линию севернее фронта, пойти на Багдад. Но и в таком случае иранское наступление севернее больших болот натолкнется на сильнейшее сопротивление иракских бронетанковых сил — у иракской армии гораздо больше танков, чем у иранской. В целом, генерал Галуа думает, что война закончится без решительной победы одной из сторон.

Второе мнение принадлежит египетскому генералу Мусалламу. Он считает, что, пока иракская артиллерия способна обстреливать захваченный иранцами плацдарм, иранские войска не смогут развить свой успех; кроме того, у иракской армии достаточно сил, чтобы нанести контрудар. Если в войну не вмешаются арабские страны или высокоразвитые страны Запада, она продлится еще около пяти лет, то есть ровно столько времени, сколько потребуется Ирану, чтобы свести на нет иракское превосходство в боевой технике, прежде всего в количестве самолетов, вертолетов и танков. После чего Иран сможет победить.

Иран

В сущности, несмотря на свои масштабы и кровопролитность, война между Ираном и

Ираком была бы узко региональной, если бы в 1979 году не произошла в Иране Исламская революция.

В Иране государственная религия — шиизм. Шииты не признают власть суннитских халифов, то есть практически светской власти, и считают законными преемниками пророка Мухаммеда и толкователями ислама лишь династию 12 имамов — Алидов (Али и его прямых потомков от брака с дочерью Мухаммеда — Фатимой). В начале 70-х годов шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, благодаря резко возросшей цене на нефть и газ (страна добывала в среднем в год 280 миллионов тонн нефти и от 45 до 55 миллиардов кубических метров попутного газа), смог превратить свою страну в самую мощную после Израиля военную силу региона. При шахе иранская армия насчитывала более 400 тысяч человек и была снабжена самой современной, в основном американской, боевой техникой. Только США с 1972 по 1978 год продали Ирану вооружения на 12 миллиардов долларов. Иран мог бросить в бой 1 800 средних и тяжелых танков, 1 300 бронемашин, 460 боевых самолетов, среди которых — „Фантом” и „Ф-14”.

Однако стремление иранского шаха модернизировать страну и открыть ее влиянию европейской цивилизации было однобоким и, возможно, слишком стремительным — население не было к нему подготовлено. Кроме того, не были проведены социальная и аграрная реформы.

Как самозащита от новшеств — в Иране резко усилилось влияние шиитского духовенства, прекрасно организованного, проделавшего в подполье огромную работу по созданию тайной активистской шиитской сети и по распространению антишахской пропаганды. Во главе этого революционного шиитского движения стоял аятолла Хомейни, живший в изгнании с 1965 по 1978 год в Ираке, потом — во Франции.

Деньги на подготовку своих кадров Хомейни получал не только из Ирана, но также из Ливана и Ирака, стремившегося ослабить режим шаха: воевать со слишком мощным для него Ираном Ирак тогда не мог.

Кстати, КГБ в те годы косвенно помог шиитскому духовенству окрепнуть и организоваться. Советское руководство стремилось, с одной стороны, максимально укрепить иранскую компартию (Туде), с другой, — ослабить режим шаха и американское влия-

ние в Иране. Немало студентов „марксистов-ленинцев” прошли через террористические тренировочные лагеря на Кубе, в Ливии, Южном Йемене и Северной Корее — и были затем брошены на подрыв режима. Убийства, саботаж, ограбления, нападения на жандармские посты отвлекли внимание шахского авторитарного режима от подготовки шиитского духовенства к захвату власти. С 1970 по 1976 год около 150 подпольщиков погибли во время совершения террористических актов и около 100 были казнены. За это время хомейнисты подготовили в Ливане (на базах ООП и шиитской организации Амал) более 700 террористов. Но им было приказано ничего против режима шаха не предпринимать, а заняться всецело расширением организационной сети, а также улучшением своей идеологической и военной подготовки. Таким образом, когда в 1976 году иранский режим уничтожил действующие на его территории 5–6 „марксистско-ленинских” террористических групп, в шиитском подполье была уже готова к действию религиозно-политико-военная сила, взявшая во время революции 1979 года власть в свои руки.

Распространенные по всему Ирану магнитофонные кассеты речей и воззваний аятоллы Хомейни, а также его брошюра „Исламское правление” (написанная им во время эмиграции в Ираке) были основным религиозно-идеологическим оружием шиитского духовенства. Брошюра написана простым, доступным всем языком. Основной тезис, выдвигаемый Хомейни, также предельно прост: вся власть от Бога. Аллах часть своей власти передает пророкам; их задача — управлять людьми согласно законам Божиим, которые были установлены раз и навсегда. Мухаммед был последним пророком, управляющим людьми по непосредственному указанию Аллаха. Он был не только Его посланцем, объясняющим людям законы и обязанности людей перед Богом, но также главой государства и главнокомандующим. У Аллаха было около 124 000 пророков, начиная с Адама, но только некоторые из них, избранные („Олол-Азм”), могут править именем Аллаха. Среди них были, в частности, Моисей, Давид и Соломон. Иисус Христос тоже им был, он поднял, как другие, меч, но не успел учредить свое правление.

Весь труд аятоллы Хомейни пронизан (вплоть до ссылок на Платона) утверждени-

ем необходимости правления теократии и заканчивается довольно ясным стремлением создать Всемирное исламское государство.

В Иране на эту брошюру почти не обратили внимания и, во всяком случае, ее недооценили светская интеллигенция, средняя буржуазия, а также просоциалистические, прокоммунистические и коммунистические организации. Они примкнули к революции, помогли ей, чтобы затем быть разгромленными теократией, которая руководствовалась „Исламским правлением” аятоллы Хомейни.

Как бы то ни было, высшее шиитское руководство так ловко прятало концы в воду, так ловко направляло усилия шахского режима на борьбу с другими оппозиционными организациями, что в феврале 1978 года лица, ответственные за борьбу с оппозицией, докладывали правительству, что движение Хомейни есть „потенциальный союзник в борьбе с коммунизмом и терроризмом”. Между январем 1978 и первым февраля 1979 года (в этот день Хомейни, торжественно встреченный ликующими толпами, вернулся из эмиграции в Тегеран) властями было арестовано более 10 000 человек, из которых лишь двое были муллами — да и то не поддерживающими тесных контактов с шиитским подпольем. Только за шесть или семь недель до падения режима правительство узнало о настоящем положении дел в стране. Но было поздно.

Придя к власти на гребне революции, шиитское руководство объявило Иран Исламской республикой и, учредив теократическое правление, приступило к систематической ликвидации оппозиции, начиная со сторонников шаха, офицерства, высшего и среднего чиновничества и кончая бывшими союзниками, в том числе коммунистами. США были объявлены „сатаной”, американцы изгнаны, американское посольство оккупировано, дипломаты и служащие посольства взяты заложниками — вследствие чего были порваны дипломатические отношения между Ираном и США.

Именно ломка иранской государственной машины, революционный хаос, террор, обрушившийся на офицеров и этим чрезвычайно ослабивший иранскую армию, изгнание американцев (в США считали, что для полной боеспособности иранской армии нужно будет довести в 1980 году число американских военных советников и техников в Иране до 50 тысяч человек) толкнули 14-миллионный

Ирак на риск начать военные действия против 44-миллионного и значительно лучше вооруженного Ирана. Возможно, что большую роль при этом сыграл страх перед Исламской революцией в Иране, понимание, что она не останется в своих границах, а неизбежно хлынет в мусульманский мир и прежде всего в соседний Ирак (часть населения которого — шииты), а не только стремление вернуть спорные нефтеобильные территории.

Возможности Ирана

Немудрено, что иранская армия, оставшись без квалифицированного офицерского состава, без американских военных советников и американского технического персонала, а также без запчастей для своей боевой техники (после разрыва дипломатических отношений США наложили эмбарго на продажу Ирану или для Ирана боевой техники), начала терпеть поражения. Однако у нее было все же достаточно сил и военного оснащения, чтобы организовать мало-мальски сносную оборону. Кроме того, исламский террор, с одной стороны, и исламский фанатизм, с другой, — также позволили иранской теократии выдержать наступление противника: в бреши на фронтах бросались необученные и почти небооруженные толпы (десятками тысяч), включая стариков и детей. Им, идущим на смерть, давали перед уходом на фронт пластмассовые ключики от рая (по слухам, ключики эти изготавливаются в Израиле). После года военных неудач, убедившись, что ополченцами и плохо обученными отрядами „стражей революции” перейти в наступление невозможно, теократия решила „амнистировать” большое количество офицеров, в том числе высших штабных, вернуть им командование и ослабить власть господствовавших до тех пор в армии „революционных комиссаров-мулл”.

Революция, хозяйственный хаос, с нею связанный, и война, хотя и нанесли чувствительный удар по добыче и экспорту нефти, но все же парализовать их не смогли. Обладая большими валютными резервами, теократия направила в обход эмбарго своих эмиссаров на поиски и закупку вооружения, боеприпасов и запчастей. А так как эти эмиссары платят тройную цену (и вдобавок — наличными), — им, в общем, не так трудно добыть желаемое, хотя далеко не в достаточном количестве.

На войну Иран тратит в год в среднем от 4 до 6 миллиардов долларов. Многие частные фирмы, руководствуясь принципом „деньги не пахнут“, заключили и продолжают заключать, несмотря на риск судебных преследований, невыгоднейшие сделки с Ираном. Но не только они: некоторые правительства, как американское, и некоторые режимы, как советский, стали поставлять (преследуя свои политические цели) вооружение Ирану. Все это привело к тому, что после двух лет неудач переорганизованная иранская армия сумела перейти в успешное наступление.

Экономика Ирана — в катастрофическом состоянии. Некоторые экономисты считают, что Иран должен победить Ирак в рекордный срок, в противном случае — больше двух лет ему не выдержать. Кроме того, кризис может вызвать широкое народное возмущение — ныне большинство не фанатично религиозных иранцев оглядывается на уровень жизни при шахе, как старик на свою молодость.

В 1986 году продажа нефти принесла режиму (примерно) от 8 до 9 миллиардов долларов. В 1985 году — 15 миллиардов. Для того же, чтобы сохранить в стране минимальный уровень жизни населения и вести войну, правительство должно было потратить в 1985 году 18 миллиардов долларов на выплату основных долгов, на вооружение, сельскохозяйственные продукты, медикаменты, запасы для промышленности (иначе большинство заводов страны станет), сложные нефтепродукты. Режим попытался в прошлом году увеличить экспорт ковров, фишашек, кожи, хлопка, серы, но сумел выгнать всего около 600 миллионов долларов. Иранские деньги стали неконвертируемы. Дело дошло до того, что пришлось запретить 150 тысячам верующих совершить традиционное паломничество в Мекку, так как за самолетные билеты иранцы должны отныне платить твердой валютой, и на оплату паломничества пришлось бы выложить около 120 миллионов долларов.

О состоянии тяжелой промышленности Ирана красноречиво говорит тот факт, что стране нужно было в прошлом году импортировать полтора миллиона тонн железа и стали, но смогла закупить она всего 300 тысяч тонн.

Создается впечатление, что вследствие войны и революции Иран довольно быстро

возвращается на... средневековый уровень. Но действительно ли страна не в состоянии выдержать и дальше груз войны и революции? Вероятнее всего, что теократия сумеет сконцентрировать на войну все богатства и усилить население, пренебрегая другими жизненно важными секторами, будь то сельское хозяйство или здравоохранение. Что касается народного возмущения — все силы оппозиции либо уничтожены, либо находятся в плохо организованном подполье. Население, особенно сельское, вряд ли найдет в ближайших годах возможность организоваться. Одни надеются на возрождающуюся армию, на возможность военного переворота. Это надежда слабая, поскольку в армию внедрен и бдительно за нею наблюдает институт религиозно-политических комиссаров, за которым стоит 350-тысячный корпус „стражей революции“. Другие делают ставку на смерть 86-летнего аятоллы Хомейни, после которой в стране может возникнуть смута, возможно, даже гражданская война за власть той или иной шиитской группировки. Это весьма вероятно, но вряд ли смута, умрет или нет в ближайшее время Хомейни, разрастется, пока не закончится война с Ираком. Так или иначе можно с большой долей уверенности предположить, что иранская теократия сможет продолжать войну еще долго.

Положение Ирака

Начиная войну с Ираном, диктатор Ирака С. Хусейн не рассчитывал, очевидно, оккупировать все 1 648 тысяч квадратных километров иранской территории и дойти до Тегерана: он хотел вернуть спорные территории и, воспользовавшись революционным хаосом у врага, эти отбитые территории укрепить и сохранить. В настоящее время Хусейн и правящая иракская Партия арабского социалистического возрождения думают только об одном: как бы выжить. Периодически иракское руководство обращается к иранскому с предложением заключить перемирие и сесть за стол переговоров. Ответ один: режим Хусейна должен рухнуть, сам Хусейн должен быть наказан. Всем ясно, что за иранским ультиматумом кроется решимость иранской теократии не только свергнуть Хусейна, но — объявить Ирак исламской республикой.

Добыча нефти в Ираке составляет в среднем в год 45 миллионов тонн, — что прино-

сит режиму от 8 до 9 миллиардов долларов; Ирак, как и Иран, может воевать благодаря своему нефтяному богатству. Однако, в первых, Ирак до войны не создал военной машины, наподобие доставшейся в наследство иранской теократии от шаха. Во-вторых, иракский режим, обладая, сравнительно с Ираном, небольшим количеством бое-способного населения, должен восполнять свою слабость закупкой огромного количества самого современного вооружения. В результате, несмотря на огромные нефтяные доходы, Ирак в настоящее время стоит на грани банкротства, влез в гигантские долгосрочные долги. Кроме того, осложняет положение Ирака тот факт, что 57 процентов его населения — шииты. Иракские курды во время войны подняли вновь голову и начали кое-где военные действия против режима Хусейна. Но действия иранских курдов против режима аятолл уравнивают этот пренеприятнейший для Багдада фактор.

Главный козырь Ирака — стремление почти всех мусульманских режимов Ближнего Востока, всех высокоразвитых стран и даже тоталитарных во главе с СССР не допустить решительной победы Ирана. Поэтому можно предположить, что, будет Ирак кредитоспособным или нет, он будет получать и впредь нужную ему финансовую и военную помощь. Надежд победить у него нет, есть только надежда окончить войну вничью или отделаться потерей небольшой части своей территории и заплатить большую денежную контрибуцию (говорят о 50 миллиардах долларов). Разумеется, как всегда в войнах, существует еще надежда на редко совершающееся чудо.

Страны Ближнего Востока

Режимы стран Ближнего Востока, будь они суннитские или светские, — страшатся победы Ирана, так как Исламская революция, победив Ирак, может с большой скоростью распространиться по всем мусульманским странам. Чрезвычайно мощное и разветвленное движение „Мусульманские братья“ существует почти во всех мусульманских странах и борется всеми доступными ему средствами за „очистение“ ислама от „всяческой скверны“. А так как для „мусульманских братьев“ все светские и суннитские режимы Ближнего Востока отошли от истинной веры и поэтому подлежат уничтожению, то им в настоящее время в общем по пути с иранской теократией. Хорошо это

понимая и опасаясь за свое существование, ближневосточные режимы активно помогли и продолжают помогать Ираку. Однако в течение последних двух лет войны они стали приходить к выводу, что шансов на победу у Ирака все меньше. Следовательно...

Когда в октябре 1986 года иранский министр нефтепромышленности предложил королю Саудовской Аравии, самой богатой страны Ближнего Востока, уменьшить добычу нефти и повысить на нее цены (другими словами, перестать быть активным нефтяным конкурентом Ирана), подчеркнув, что его отказ будет воспринят как объявление войны Ирану, — король Фахд ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд послушно выполнил все требования своего потенциально злейшего врага. Он уволил всеисильного министра нефти шейха Ямани и повернул нефтяную политику страны на маловыгодные для нее рельсы. Кувейт, маленький богатый эмират, также живет в страхе: в настоящее время иракские войска стоят в 25 километрах от его границ. Обладая всего лишь 15-тысячной армией, Кувейт ненавидит Ирак, притязающий на часть его территории, но вместе с тем — из страха перед Ираном. — надеется, что иракская армия победит, и служит Ираку перевалочной базой; при этом он держит свой порт открытым для всех желающих, в том числе для СССР и США. Подчеркивая свою нейтральность, кувейтский режим организовал в своей столице очередное совещание стран, входящих в Организацию Исламской конференции. Совещание было, как обычно, безрезультатным. Иран отказался вообще при-слать делегацию на том основании, что Кувейт поддерживает Ирак, ливиец Каддафи — потому что присутствовала египетская делегация (Египет подписал мир с Израилем), и так далее и тому подобное.

Бахрейн также боится. Половина его населения — шииты. У Катара всего 5% населения шииты, но несколько проведенных на его территории террористических актов указывают, что и он может быть легко дестабилизирован.

В Египте в феврале этого года каирские жандармы восстали против правительства, и армии понадобилось несколько дней, чтобы подавить мятеж.

У Сирии более сложные отношения с Ираном — они базируются не только на страхе. В начале ирано-иракской войны просоветский режим сирийского диктатора Асада стал на сторону Ирана. И это несмотря на

то, что Сирия — арабская страна. Цель — ослабить максимально Ирак, соперника Сирии. Ирак, как и Сирия, стоит на просоветских позициях. В обеих странах правит Партия арабского социалистического возрождения — только у Сирии, стремящейся первенствовать на Ближнем Востоке, нет нефти. Сирия даже закрыла проходящий через ее территорию иракский нефтепровод, нанеся тем самым сопернику сильный удар. Ираку удалось увеличить проходимость своего второго нефтепровода, заканчивающегося в Турции, но все же он с большим трудом смог экономически выправиться после сирийской поджоги. Убедившись, что, во-первых, проиранские силы воюют в Ливане не для того, чтобы передать его затем Сирии, а чтобы объявить Ливан исламской республикой, а, во-вторых, что Ирак достаточно ослаблен, — президент Асад заявил 30 сентября 1986 года, что „лучшим способом закончить ирано-иракскую войну было бы объединить Сирию и Ирак”. И добавил: „Это я помешал иранцам напасть на страны Персидского залива... И я не позволю им захватить хотя бы клочок арабской земли”.

Так или иначе все арабские страны боятся решительной иранской победы и, одновременно, не верят в возможность победы Ирака.

США

Сверхдержавы, очевидно, сделали аналогичный анализ: Ирак, увы, победить вряд ли сможет. Следовательно, нужно заранее обеспечить себе возможность как можно скорее — после окончания военных действий — повлиять на ход будущих мирных переговоров и завязать с Ираном (в особенности после смерти Хомейни) как можно более тесные дипломатические отношения.

Преследуя эти цели, США стали тайно снабжать Иран нужными запчастями и боеприпасами. Для США революция в Иране была особенно тяжким ударом — шах был верным союзником, к тому же обладающим самой мощной армией региона. Политика президента Картера оказалась гибельной для шаха и вредной для США. В настоящее время президент Рейган пытается слепить черепки, но демократия есть демократия: конгресс, враждебно настроенный к иранской теократии (как и американское общественное мнение в целом), в штыки принял известие о продаже Ирану американского оружия. Так

что исполнительной власти США чрезвычайно трудно выиграть дипломатически.

Если Иран победит и Исламская революция захлестнет Ближний Восток, то США и другим высокоразвитым странам придется туго: им нужно будет всеми силами защищать свои стратегические, политические и экономические интересы, в первую очередь обеспечить экспорт нефти. Кроме того, следует учитывать, что если ныне Израиль, в общем, весьма доволен ирано-иракской войной (воюют враги), то победа Ирана может быть ему опаснее иракской победы: угроза со стороны революционного ислама, будь он шиитским или суннитским, — будет более опасной для его существования, чем угроза со стороны религиозно умеренных и подчас враждующих между собою арабских стран. А единственным настоящим союзником Израиля являются США. Однако у США и других высокоразвитых стран есть один главный козырь: если революционный ислам по сути враждебен европейской цивилизации, то сами по себе мусульманские государства не могут в настоящее время обойтись без производимой ею технологии (в особенности военной).

СССР

Положение советского руководства не проще. Победа Ирана может лишить его почти всех завоеваний — идеологических, политических и стратегических — в этом регионе. Его основные союзники Ирак и Сирия могут выбыть из игры, став исламскими республиками. Правда, в отличие от американских лидеров, СССР без всяких затруднений продает оружие как Ираку, так и Ирану, посылает своих дипломатов с дружескими заверениями в Багдад и Тегеран, с удовольствием наблюдает, как некоторые арабские страны, не надеясь больше на США, возлагают на Советский Союз свои последние надежды сохранить в будущем свою независимость. Но СССР знает: поражение Ирака будет в значительной степени и советским поражением. Ведь в отличие от США, Советский Союз не обладает для обеспечения своего политического и стратегического будущего на Ближнем Востоке достаточно мощной и современной экономикой.

Иранская революция опасна и вредна всем, но никто не уверен в возможности ее скорой ликвидации.

Топор и маятник

Судьба китайских реформ

Проще всего свалить все на студентов. Мол, поспешили, по молодости лет слишком рано и громко стали требовать гражданских свобод, гласности и ответственной подотчетности власти. Вот и занесен топор над всеми китайскими реформами, не только над задуманными, но и над теми, которые были уже осуществлены.

Так ли это? Были ли китайские студенческие демонстрации причиной нынешнего зажима в стране или просто поводом начать кампанию, уже задуманную и подготовленную большинством руководителей КПК? Все правление Дэн Сяопина отмечено качанием маятника внутренней политики. Он был вознесен к власти на плечах демонстрантов на пекинской площади Тяньаньмынь, вдохновляемых смелыми дацзыбао. Укрепив свои позиции, Дэн Сяопин запретил демонстрации и „стениздат“. Например, в 1977 году были арестованы три автора знаменитого кантонского манифеста, выступавшие под общим псевдонимом „Ли Ичжэ“*.

Когда маятник качнулся в сторону „пекинской весны“, в 1979 году, их освободили, чтобы через два года снова арестовать и приговорить к 14 (!) годам заключения. В 1983 году против политики „открытых дверей“ была начата кампания борьбы с идеологическим загрязнением, через несколько месяцев, однако, свернутая. Все эти зигзаги и качания отражали разногласия в руководстве партии между консервативным крылом и сторонниками быстрых и радикальных реформ экономической и политической жизни Китая. Однако — несмотря на качания маятника — экономические реформы неуклонно продолжались. Начатые в деревне, они все глубже проникали в промышленность и городское хозяйство, затронули финансовую систему и внесли существенные перемены в экономические взаимоотношения между Китаем и капиталистическими странами. Китайскому обществу реформы принесли не только рост материального благосостояния; жители стали свободно передвигаться по

стране, все большее и большее число районов открывали двери иностранцам, все чаще китайцы стали ездить за границу — учиться, закупать, путешествовать. Буквально миллионы зарубежных китайцев гостили у своих родственников в Гуандуне, Сычуане, Шанхае.

У многих китайцев, особенно среди молодежи, зародились сомнения в преимуществах и достоинствах марксистского социализма.

Расширение частного и артельного сектора хозяйства, повышение прав и ответственности директоров и децентрализация управления позволили китайцам больше полагаться на собственные силы и меньше надеяться на подачки и милости сверху. Немудрено, что многие партийцы (преимущественно на среднем уровне правительственного эшелона) почувствовали, что власть начала ускользать из их рук. В середине 1985 года в КПК возникли серьезные расхождения и споры о размерах, целесообразности и дальнейшем пути реформ. На партийной конференции в сентябре вновь громко зазвучали предупреждения об опасностях идеологического загрязнения и морального разложения под влиянием просачивающихся в Китай буржуазных идей. Правда, в январе 1986 года, на так наз. „Собрании 8000“, реформисты, казалось, укрепили свои позиции. Резкой критике подверглись пережитки „феодалогического фашизма“ (термин, кстати, скорее введенный уже упомянутой тройкой диссидентов Ли Ичжэ для обозначения крайнего маоизма и Культурной революции). На собрании был выделен „Отряд особого назначения“ для разрешения проблем, вызванных реформами. Отряд возглавили члены Политбюро и ЦК КПК, имевшие репутацию сторонников дальнейшей либерализации Китая. В число проблем, требующих решения, входили:

— нарушение хозяйственного равновесия, особенно в области капиталовложений, вызванное слишком быстрым ростом экономики, достигшим в 1985 году 18%;

— снижение посевной площади зерновых, так как масличные злаки, овощи и животноводство были во многих районах более выгодными для крестьян;

— утечка валютных фондов, вызванная ослаблением контроля над внешней торговлей;

* Под этим псевдонимом скрывались три автора: Ли Чжэнтянь, Хуан Сичжэ и Чэнь Иян, см. „Грани“ № 132, с. 299.

— сопротивление партийной и ведомственной бюрократии предоставлению большей самостоятельности предприятиям;

— обгоняющий заработки рост цен в городах;

— разрыв между заработками рабочих государственных предприятий и заработками рабочих, занятых в частном и кооперативном секторе (например, шофер такси „заколачивал“ гораздо больше шофера автобуса, хотя работа последнего тяжелее и требует больших навыков);

— взяточничество и другие проявления коррупции в партийном аппарате и в государственных учреждениях.

Эти явления давали повод консерваторам говорить, например, что разрыв в заработках различных хозяйственных секторов ведет к недовольству и толкает рабочий класс к забастовкам. Один из пяти заместителей премьера Госсовета Тянь Жиюнь возражал: „Требования одинаковой степени богатства для всех неизбежно ведет к эгалитаризму и всеобщему обнищанию“.

На пленуме ЦК КПК в сентябре 1986 года появились первые признаки значительного укрепления позиций консерваторов. Когда на пленуме бывший начальник отдела пропаганды и один из инициаторов возрождения политики „двойной сотни“, Лу Диньжйи, запротестовал против употребления в резолюции термина „буржуазная либерализация“, Дэн Сяопин резко оборвал его словами: „Этот термин необходимо оставить и он нам еще будет служить по крайней мере 20 лет“. Помимо указаний на опасности „буржуазной либерализации“, постановление пленума провозгласило верность „четырем принципам“:

- социалистическому пути развития;
- демократической диктатуре народа;
- руководящей роли коммунистической партии;
- идеологии марксизма-ленинизма и Мао Цзэдуну.

Был упомянут также „меч народного правосудия“, беспощадно карающий враждебные элементы, причем под это понятие были умело подведены противники социализма, нарушители хозяйственного порядка, а также наркоманы, проститутки и распространители порнографии.

Частичная победа консерваторов на сентябрьском пленуме не положила конец дискуссии об экономических и политических реформах. Еще 13 октября 1986 года ежене-

дельник „Пекинское обозрение“ с благословения члена Политбюро Ван Ли, писал, что дискуссия в рамках „двойной сотни“ не должна, как утверждали раньше, ограничиваться академическими вопросами, но может и должна касаться вопросов политических. А 17 ноября тот же журнал сообщил о симпозиуме по вопросам конструктивных политических реформ, в котором участвовало свыше 100 человек. По словам „Пекинского обозрения“, большинство участников симпозиума высказалось за проведение политических реформ, которые должны были бы послужить гарантией успешной перестройки экономики и социальной структуры. Некоторые участники считали, что экономические и политические реформы можно проводить независимо друг от друга, но на этом совещании они оказались в меньшинстве. По мнению участников симпозиума, в Китае желательны дальнейшая децентрализация управления промышленностью, повышение роли собраний народных представителей и сокращение непосредственного и повседневного вмешательства партии в хозяйственную жизнь и государственное управление. Партия должна руководить страной косвенно, без назойливой опеки, — говорили на этом симпозиуме.

Двумя неделями позже, в „Пекинском обозрении“ была помещена заметка о другом идеологическом симпозиуме. Тема — исторический материализм и реальность. Здесь говорили о верности устоям марксизма, сетовали на то, что реформы, покоящиеся на принципе материальной заинтересованности, могут привести и к культуре личной выгоды в ущерб интересам общества, а для усиления эффекта — передовая в том же номере еженедельника была посвящена опасностям, таящимся в погоне за прибылью. Вскоре после этого симпозиума студенческие демонстрации дали повод консерваторам начать кампанию против „буржуазного либерализма“.

Первыми пострадали несколько интеллектуалов, например, заместитель председателя Союза китайских писателей Лю Пиньянь и „китайский Сахаров“, астрофизик Фан Лючжи, помощник ректора научно-технического института в Хэфэе. Они были смещены со своих постов и исключены из партии. За этим последовало увольнение с поста генерального секретаря КПК Ху Яобана, признавшего 16 января 1987 года на расширенном заседании Политбюро совершенные им

серьезные ошибки, в частности, попустительское враждебной идеологии. Обязанности Ху Яобана временно перенял премьер Госсовета Чжао Цзяян.

После падения Ху Яобана, одного из главных проводников начатых в 1978 году китайских реформ, Чжао Цзяян и другие члены правительства неоднократно выступали с заверениями, что смена на верхах и начавшаяся кампания борьбы с „буржуазной либерализацией“ — это дела сугубо внутрипартийные и они не угрожают ни уже осуществленным реформам, ни политике открытых дверей. А еще за несколько дней до расширенного заседания Политбюро генеральный секретарь Госсовета, Чэнь Жуньшэнь, в статье в газете „Жэньминь жибао“, на примере Южной Кореи и Тайваня, пытался доказать, что для успехов экономики, допускающей свободные рыночные отношения, совсем не обязательно наличие свобод либеральной демократии.

Но вопреки заверениям со стороны Чжао, Чэня и других, все громче звучат тревожные сигналы намерений консерваторов коснуться уже осуществленных реформ. Например, на созванном 22 января 1987 года Госсоветом экономическом совещании один из заместителей премьера, Ли Пэн, сказал: „Мы теперь вводим систему ответственности директоров заводов, однако ответственность секретарей партийных производственных организаций не только не уменьшится, но станет еще большей“. Правда, в резолюции совещание игнорировало эти слова Ли Пэна и предложило углубить реформы промышленных предприятий и расширить их самостоятельность.

Роберт Дельфс, пекинский корреспондент гонконгского журнала „Дальневосточное экономическое обозрение“, отмечает в статье от 5 февраля 1987 года заметный рост влияния консервативного крыла КПК и, в частности, одного из его вождей — Пэн Чжэня, председателя постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Такой успех консерваторов Роберт Дельфс объясняет тем, что в их руках многие средства массовой информации и они сильны в Отделе пропаганды ЦК КПК. Дельфс также отмечает, что хотя в рамках политики „двойной сотни“, согласно высказываниям китайских правителей, в силе остаются слова: „Пусть расцветает сотня разных цветов, пусть состязаются сотни разных

идей“, интеллектуалам дали недвусмысленно понять, что марксизм в этих состязаниях не участвует. Его первенство не должно ни у кого вызывать никаких сомнений.

А 9 февраля 1987 года руководство китайских профсоюзов объявило, что главным стимулом повышения производительности труда и бережного отношения к народной собственности китайскому рабочему должен служить „трудолюбивый энтузиазм сознательного строителя социализма“.

Дальнейшая судьба реформ в Китае зависит от того, насколько серьезно — не на словах, а на деле — поражение прагматиков-реформистов, к которым относятся и новый генсек КПК Чжао Цзяян и, до некоторой степени, сам Дэн Сяопин. Последний в прошлом не раз обезвреживал противников тем, что сам принимал предлагаемые и заранее намеченные ими шаги, до того как их требования становились слишком громкими. Многого будет зависеть от расстановки сил на назначенном на сентябрь-октябрь 1987 года XIII съезде КПК. Тогда станет ясным, останутся ли китайские перемены очередным махом маятника или они падут под ударами топора.

Г. Ю р ь е в

Умер рейхскомиссар Украины

В Польше, в тюрьме города Барчево, в конце 1986 года, в возрасте почти 90 лет умер один из самых жестоких преступников эпохи национал-социализма: Эрих Кох, бывший рейхскомиссар Украины. После войны ему удалось скрыться, но в 1949 году англичане его поймали и выдали советскому правительству. Все ожидали громкого показательного процесса. Но произошло невероятное: Сталин отдал Коха остолбеневшим от неожиданности польским коммунистам. Те, естественно, приговорили рейхскомиссара к смертной казни. Но затем вдруг помиловали и заменили казнь пожизненным заключением. По своей воле сделать это они никак не могли: такого преступника, да еще в те годы, мог спасти от смерти только один человек — Сталин.

Пусть нынешнее поколение о Кохе почти забыло. Но для истории чрезвычайно важно получить правдивый и точный ответ на вопрос, почему преступник, по воле которого

расстреляны, повешены, умучены, умерли от голода сотни и сотни тысяч людей на Украине, чье прозвище было „палач Украины”, вдруг попал в руки поляков, которые его выдачи не требовали? И почему он был вдруг помилован? Какое у него было „смягчающее вину обстоятельство”?

Сегодня на этот вопрос западные специалисты предлагают несколько ответов. Мы никак не можем судить о степени их достоверности. Но об одном из них, на первый взгляд наиболее невероятном, хотелось бы рассказать: существует подозрение, что Кох был советским агентом!

Теперь вдруг вспомнили, что когда Кох поступил в Национал-социалистическую рабочую партию (это было в 1922 году, Кох обладатель партбилета № 90), то он был сторонником большевистских методов работы, в особенности нравилось ему советское воспитание молодежи. Эти симпатии он сохранял все 20-е годы — известно, что он очень одобрял советскую коллективизацию.

После того как он был назначен рейхскомиссаром Украины, Кох, как мы знаем, оказался одним из наиболее жестоких палачей. Вследствие его политики население занятой Украины — немалая часть которого встречала немцев как освободителей — стало относиться к оккупационным властям все хуже и хуже: начиная с 1943 года, в партизаны стали уходить даже некоторые украинские „полицай”.

Распространенное мнение, что при Гитлере все рейхскомиссары и вообще все высшие начальники шагали по струнке и вели себя совершенно одинаково, буквально выполняя приказы, — неверно. Жестокость проявляли все, но степень ее была разная, и будь на месте Коха другой, он в определенных рамках мог бы проводить несколько иную политику.

Тем более, что не все помощники Гитлера считали крайнюю жестокость полезной для Третьего рейха. Даже такой человек, как Розенберг, предлагал добиваться симпатий населения оккупированных областей и для этого распустить колхозы, поддержать верующих и создать систему самоуправления.* Действия Коха он считал вредными, вбиваю-

щими клин между населением и оккупационными властями.

Не только Розенберг, но и Геббельс понимал, насколько вредны для национал-социалистов действия обладателя партбилета № 90, заявлявшего в Киеве, что „мы пришли сюда не для того, чтобы сеять манну небесную” и что „мы народ господ и должны понимать, что самый последний немецкий рабочий в расовом и биологическом отношении в тысячу раз ценнее, чем местное население”. Геббельс уже в начале войны настаивал, чтобы Гитлер обратился к русскому народу и обещал хотя бы часть свобод, отнятых большевиками. Летом 1943 года Геббельс жаловался в своем дневнике: „Мы занимаемся слишком много войной и слишком мало политикой. В нынешнем положении, когда наши успехи не так уж велики, было бы неплохо обратить внимание на инструмент политики. Когда мы боролись за власть, то обнаруживали в этой области и масштабность и изобретательность; почему бы нам сегодня снова не использовать этот инструмент!”

Он, очевидно, не понимал, что Кох „инструментом политики” пользовался в полную силу — но не так, как хотел бы Геббельс. Гитлер, в своей одержимости, политику Коха, как мы знаем, одобрял и поддерживал. Но что заставляло самого Коха проводить эту политику? Был ли он тоже одержим, как фюрер, национал-социалистическим безумием? Или расправлялся с пленными и с местным населением для того, чтобы озлобить их против немцев и помочь этим Сталину? Прятался же после войны оттого, что виссмарл: такого свидетеля, как он, Иосиф Виссарионович вполне может ликвидировать.

Большинство самых тайных секретов становятся когда-то явными. Подождем — увидим. Но вполне законно — и вовсе не из любви к сенсациям — уже сегодня задать вопросы: по какой причине Коха не судили в Советском Союзе? Почему бургомистров, полицейских и других, бывших на службе у немцев, расстреливали, а если находят, то расстреливают и сегодня, а их верховного начальника помиловали, поместили в польскую, а не советскую тюрьму и дали помереть своей смертью?

Я. Марков

* Факты и цитаты здесь и ниже из книги английского историка, проф. Alan Bullock. „Hitler”. Fischer Verlag, Frankfurt a. M., 1964.

Возвращение к нравственности

Н. КОРЖАВИН

С нравственных позиций

Аргументация нравственностью и порядочностью в СССР вошла в литературу, в газетную публицистику и в частные беседы вовсе не с приходом к власти Горбачева, как некоторым издала кажется. Еще в начале семидесятых, незадолго до моего отъезда, помню частный разговор в одном журнале о том, что теперь быть непорядочным стало невыгодно, что порядочность — в цене.

На протяжении всей брежневской эпохи в „Литературной газете” наравне со всем похабством ее международного отдела жил, действовал и выходил на газетные страницы другой отдел — „коммунистического воспитания”. С неприятным для нашего слуха названием, он, тем не менее, был занят отнюдь не похабством. Руководил им в течение многих лет талантливый и честный журналист Евгений Богат, ныне, к сожалению, покойный. Я не собираюсь здесь расписываться ни за Богата, с которым не был знаком, ни за участвовавших в работе его отдела журналистов в том, насколько кто из них воспринимал это название как мимикрию, а насколько действительно полагал, что „боролся за нового человека”. Но как бы они ни объясняли себе свою деятельность, — они выступали с нравственных позиций. А причины, по которым они в своих статьях и очерках ставили знак равенства между своими нравственными позициями и сущностью государственной идеологии, вряд ли нуждаются в объяснении. Это было правилом игры, без соблюдения которого можно было бы, пожалуй, выступать только в эмигрантских изданиях. Правила эти, конечно, были понятны и читателю, к которому они обращались с нравственной пропагандой. Переоценить значение этой деятельности в стране, где практически были запрещены даже религиозные проповеди и где до большинства населения не только „там-”, но и „самиздат” не дохо-

дит, — невозможно. Кроме того, их публикации ставили себе еще целью добиваться справедливости в конкретных случаях, когда дело было особенно вопиющим. И иногда им даже удавалось спасти невинных от расстрела. В значительной мере именно эти люди „реабилитировали” и снова ввели в обиход слово „порядочность”. Поразительно, что это происходило в газете, которой руководил один из самых непорядочных людей нашей страны — Александр Чаковский.

Сошлюсь и на деревенскую прозу 70-80-х годов. Она развивалась в самый разгар брежневской стагнации и утверждала прежде всего нравственные критерии. То, что сейчас пишет Виктор Астафьев — я имею в виду его художественные произведения, а не побочную продукцию. — безусловно, новый этап его творчества. Но в смысле отношения к жизни и правде он просто продолжает то, что делал раньше. Ему нечего пересматривать, зачеркивать, стыдиться. „Царь-рыба” содержит не меньше правды, чем „Печальный детектив” и рассказы в „Нашем современнике” № 5 за 1986 год. Разве что формулировка порезче...

Те, с кого началось

Так что разговоры о нравственности — не новое в советском обиходе. Новое же в том, что теперь о нравственности заговорили официально, с высоких трибун. Со стороны это должно выглядеть странно. Было бы даже смешно, если бы правительство демократического государства вдруг начало призывать свой народ и самого себя к нравственности. Но речь идет об ином государстве. И сейчас, после всего пережитого, ни в чьих глазах это не выглядит странным, а тем более смешным: ни нам, ни тем, кто это делает, — не до смеха.

При общем отвращении ко всем большевистским формациям и их выразителям я не отношусь к тем, кто весь советский период воспринимает как нечто неизменное, не имеющее своей истории, в чьих глазах мрачный

Расширенное изложение доклада, прочитанного на тридцать восьмой конференции „Посева” 16 ноября 1986 г. в Нью-Йорке.

бонвиван и циник Брежнев по фанатичности своих устремлений выглядит форменным Троцким, жаждущим бурь мировой революции. Ленина я ненавижу даже, пожалуй, больше и персональней, чем остальных, но он для меня все же не то же самое, что Сталин или Хрущев (о Горбачеве я пока вообще избегаю высказываться), а палач Дзержинский все же нечто иное, чем палачи Ягода и Ежов. Но что есть безусловно общего у всех советских формаций и их выразителей — это война с общечеловеческой естественной нравственностью и попытка заменить ее иной, частной, „партийной”. И в этой войне „заслуги” „бессребреников” Ленина и Троцкого гораздо выше заслуг не скажу Сталина, но уж точно любого взяточника типа Брежнева. Атаку на элементарную нравственность повели именно такие „бессребреники”. Конечно, вместе со Сталиным, моральные качества которого многим из них были неприятны, но считались полезными делу революции.

Обвинение в безнравственности — расхожая монета во взаимоотношениях политических противников. Марксизм с его классовостью морали дает для подобных обвинений достаточные основания. Но природа большевизма коренится не в одном марксизме или в какой-то другой теории, а в общем подчинении всех ценностей насущным тактическим задачам. Нарушая все заповеди, от религиозных до интеллигентских (а когда надо, и марксистских; например, ленинская „диктатура политики над экономикой”), коммунистические лидеры объективно и субъективно нуждались в нарушении и даже разрушении „общепринятой” морали. Субъективно — для собственного спокойствия, объективно — для того, чтобы заставить других делать то, что нужно было делать во имя превращенных в религиозную святыню „интересов партии”. То есть в сущности, для укрепления и удержания власти ее лидерами — к чему постоянно и не для всех заметно и сводилось все „великое дело”.

Какие-то нормы приличия внутри партии в какой-то степени соблюдались года до двадцать второго, но потом Сталин медленно, но верно (а глядя из нынешнего дня, и не так уж медленно) начал распространять методы, которые прежде считались допустимыми, но только по отношению к нечлену партии. — на само партийное сообщество, на них самих. Курьезно, но все члены существовавших или разгромленных оппозиций вре-

меними, в своем, во всяком случае, кругу, искренне взывали к морали и порядочности, возмущались неизменным цинизмом, к которому прибегал Сталин. Конечно, личная аморальность Сталина проявлялась и на отношениях внутри их преступного сообщества и выделялась даже на его фоне. Но люди, связавшие мораль с интересами партии и даже вступавшие до этого в беспринципные союзы с тем же Сталиным (как Зиновьев и Каменев), вряд ли имели право его в чем-либо обвинять — разве только в нарушении законов своего сообщества.

Единственным, но зато в их глазах абсолютным оправданием такого обращения с моралью была сияющая конечная цель. Она в их представлении была такова, что мелко и даже аморально было противопоставлять ей порядочность и мораль, если они мешали тактическим планам по ее достижению. Она оправдывала все.

Не знаю, насколько искренни были в такой наивности большевистские вожди. Допустим, в момент, когда ложью, обманом и развязыванием низменных инстинктов они брали власть, некоторые из них действительно плохо представляли, что делают. Но потом, когда для удержания ее они вынуждены были столько раз холодно и цинично использовать небывалую по масштабу ложь и жестокость? Нет, уж слишком много „диалектики” потребовалось бы им для естественного сохранения такого непонимания.

Большинство тогдашнего второго эшелона этим тактическим фанатизмом, фанатизмом по отношению к партии и к удержанию ею власти, были проникнуты достаточно искренне. Культ единства партии, превращения его в религиозный принцип, владел ими вполне. Вероятно, была в этом и корысть, но она не осознавалась. Впрочем, потом и эта партийная, частная, незаконная мораль, как и всякая другая, была все равно смята во время коллективизации, раскулачивания и ограбления нэпманов. Даже те старые члены партии, для которых это было уже слишком, — а таких было немало, — хранили молчание. Они уже были вконец разложены предшествующими упражнениями в нравственной диалектике, и вне партии, единственного места, где их основанная на этом предыдущая деятельность не выглядела преступной, существовать не могли. Какой бы она ни становилась. Теперь этой „партии” (то есть Сталину) перебить их всех поодиночке не со-

ставляло никакого труда. Что он вскоре и проделал. Иногда — даже при деятельном их соучастии.

Безусловно, сообщество это преступно с самого начала и вполне заслуживает своей участи. Но хорошего в таком — именно в т а к о м! — „горжестве справедливости” было мало: исчез постепенно даже самозванный форум, где хоть кто-то, хоть исходя из патологических соображений, считал себя за что-то ответственным и мог хоть в каких-то интересах что-то открыто обсуждать. Но, в сущности, Сталин только воспользовался плодами их победы над моралью.

А уж его выдвигенцы просто воспринимали созданную предшественниками аморальную обстановку как естественную среду обитания и активности. Или как температуру в теплице, которую они зачем-то (зачем — знает Сталин) призваны поддерживать. Этим уже все было нипочем. Издевательства богорочестве и подлые гонения на Церковь начала двадцатых годов — ничто по сравнению с более спокойным, но почти полным ее уничтожением в начале тридцатых. Да тут уж не в богорочестве было дело, хоть и его хватало. А больше так: „сказано — сделано”.

И даже коллективизация многим из них была нипочем — руки на ней нагревали, хоть часто сами были крестьянского происхождения. Это о них в 1936 году в ужасе говорил Бухарин Николаевскому, что самый страшный результат коллективизации — это создание типа функционеров, для которых террор — единственный способ обращения с массами и которые с самого начала привыкают видеть в себе бессмысленные зубья страшной машины. Высказывание это интересно еще и тем, что исходит из уст человека, которого Н. Я. Мандельштам назвала „теоретиком террора”. По-видимому, террор как одно из средств обращения с массами этот самый гуманный из таких теоретиков продолжал еще и тогда считать вполне допустимым. По непроверенным слухам, только в тюрьме он впервые признал то, что все „мещане” знали с рождения, — что существуют абсолютные, объективные моральные ценности. Мысль, несмотря на обилие научных слов, не такая сложная и не так трудно постижимая, ибо в основе ее — естественное отношение к вещам. Гораздо больше труда, образованности и напряжения, а также возгорженной экзальтации требует усвоение истин противоположных, противополоствен-

ных. Однако трудов на это такие люди не жалели — слишком высоко было вознаграждение: наполнение жизни радостью исторического „творчества”. Во время коллективизации, а потом „чисток” Бухарин впервые столкнулся с плодами этого „творчества” и, в отличие от большинства своих коллег, не только испугался за себя, а и ужаснулся содеянному.

В большинстве своем эти люди, как и все большевики, практически оказывались беззащитными перед Сталиным не только внешне, то есть политически, но и внутренне, то есть духовно. Как сопротивляться, если источник нравственности — интересы партии, а партия группируется вокруг своего генсека? Это и привело ленинскую партию к ее парадоксальному и жалкому концу, к тому, что она себя сама оболгала, посадила и расстреляла.

Как это было возможно?

Как это могло произойти? В этом смысле чрезвычайно интересны воспоминания оберчекиста Александра Орлова. Интересны не тем, что разоблачают фиктивность антибольшевистских сталинских процессов (кто в этом сегодня нуждается?), а тем, что рассказывают, как и как именно они организовывались. Причем наиболее достоверен в его книге как раз рассказ о начале этой сталинской акции — о первых таких процессах, когда еще сам Орлов был своим человеком в чекистской верхушке и другом тех, кто эту акцию проворачивал.

Почему Сталину было необходимо уничтожить старую гвардию — понятно. Но ведь ему нужны были сообщники. Причем, из железных рядов ОГПУ, привыкшего тогда еще себя ощущать органом партии, точнее, частью партократии. А тут им должны были предложить поднять руку на саму партию, на ее романтизируемых старых бойцов, на собственных друзей? И кому это можно предложить? Как? В каких словах?

Оказалось — это было проще пареной репы. Им просто по секрету „разъяснили”, что международная обстановка требует удара по Троцкому, а для этого следует скомпрометировать Зиновьева и Каменева. И этого хватило. „Солдаты партии” тут же проявили невероятную, я бы сказал, нечеловеческую „сознательность” и, гордые доверием, бросились проявлять инициативу и изобрета-

тельность — таскать для Сталина каштаны из огня. Они к тому времени настолько привыкли к удобной для них диалектике пользы дела, что уже никакая фальсификация им не казалась чудовищной. Наверно, только до времени — пока это обрушивалось на других. Никто не узнает, что они думали, когда это обрушилось на них самих. Потому что ни один из членов занимавшейся этим делом особо доверенной следственной спецбригады (приставка „спец” традиционно для большевизма придавала любой подлости привкус особой важности, доверенности и романтичности) не выжил, не дожид даже до реабилитации, а тем более, до справедливого суда за свои преступления.

Тут поражает фантазмагория и тотальность безнравственности, некоторая ее освещенность даже. Это не безнравственность профессиональных уголовников — в ней ни вызова, ни открытости, ни сознания своей отверженности. Наоборот, сознание своей аристократической причастности. Они были первыми, кто обрушил удар на свою партию, пусть сначала и на бывших оппозиционеров. Их быстро убедили, что для пользы дела это необходимо. Но очень скоро выяснилось, что для той же пользы дела ими ограничиваться нельзя. Пришлось для пользы дела еще привлечь к этому процессу в качестве обвиняемых уж и вовсе ни в чем не виновных — перед преступной властью — „честных коммунистов”. Привлечь вроде как по договоренности, — правда, несколько односторонней, у привлеченных согласия не спрашивали... Но с ними в тюрьме обращались как с товарищами, более того, как с товарищами, почетно приобщенными к сложной политической тайне. Как к товарищам, которым во имя интересов *дела* доверено и поручено на зло врагам взваливать на себя и других всякую напраслину. Нравственные представления были настолько искажены, что естественная неуютность самоощущения (все-таки следствие и процесс шли совсем в иных выражениях) перебивалась польщенностью. Какой коммунист не хочет быть причастным к высоким хитросплетениям во имя блага!

Правда, их еще уверяли, что приговор, а тем более смертный приговор, таким самоотверженным борцам может быть вынесен только понарошке — для обмана врагов. Как ни странно, в этом, несмотря на прожженность, уговаривавшие были искренни. Ведь такое витиеватое отношение к делу и к мо-

дали соответствовало партийной логике — действительно, зачем убивать своих? Пусть эта партия была мафией, но ведь и мафия не устраивает фиктивных показательных процессов против своих верных членов. Но для Сталина „своих” не было — разве только пешки и слепые исполнители, которым этой акцией он и начал расчищать дорогу. По первоначалу эти уговаривающие, видимо, и сами не представляли, что происходит, какое употребление сделает Сталин из их привычки к витиеватой аморальности. Не знали они и того, что вовсе не были для него своими. При всей их готовности к злу, они все же привыкли себя чувствовать в нем равными соучастниками, а не пешками, не слепыми исполнителями, а только таких он и мог перепеть возле себя. Задачей его сейчас как раз и было заменить такими всех „своих” и всех „самоотверженных борцов”. И поэтому вскоре оказалось, что „понарошке” на этих процессах были только эти витиеватости, а расстреливали же после них — всерьез. Для упоминавшихся „самоотверженных борцов” такой оборот был неприятной неожиданностью. Неожидан он был и для уговаривавших. Впрочем, они не поняли, что это изменил их статус, и только недоумевали, продолжая „честно” служить и дальше. Отчужденные от моральных незыблемостей, они запутались в своей собственной казуистике и потеряли ощущение реальности. И года через два их собственный расстрел был для большинства из них еще большей неожиданностью.

Сталинские „вытащенцы”

Таковыми были те, с кого началось. Потом Сталин привел таких людей, которые уже ни на какое понимание не претендовали. Им и на необходимость фальсификации намекать не приходилось, надо было только намекнуть, что в таких-то и таких-то кругах таится измена и ее необходимо раскрыть. И попробуй не раскрыть. Фальсификация из этого происходила как бы сама собой, не только без участия вождя, но и без его разрешения. То, что нужно было Сталину, делалось как бы исподтишка, тайком от него, чуть ли не под страхом разоблачения (а подчас и действительно „разоблачали”, как того же Ежова!). Но это были уже сталинские выдвиненцы, точнее сказать вытащенцы (то

есть люди, неожиданно для них самих вытщенные Сталиным за шиворот (к власти), которым никогда и не предлагалось быть чем-то большим, чем слепое орудие, а не, так сказать, люди идеи. С них, вроде, и спросу меньше. Идеологические объяснения им какие-то, конечно, тоже давались, но, как и всем советским людям, не для убеждения, а для повторения и усвоения. В основном же они должны были обходиться смекалкой: на лету понимать намеки „хозяина” — так они и называли его между собой. Какой бы его доверенностью они ни бывали при этом обласканы, какими бы привилегиями, бляшками и звездочками на погонах эта доверенность ни сопровождалась, они не становились от этого даже младшими соучастниками, но оставались слепыми исполнителями. Обоснованием, в том числе и нравственным, любого их деяния была сама эта степень доверенности, которую следовало оправдать преданностью.

Почему, собственно, следовало быть данным Сталину? Этот вопрос даже не ставился. Конечно, альтернативой этому было — исчезновение. Но выдвинутые им люди были ему еще и благодарны. И объяснения все-таки давались. Большинство пробавлялось тем, что он был наследником Ленина и революцией, самым умным и правильным продолжателем великого дела. Более дотошные добавляли — продолжателем в более сложных условиях. Это было удобно: оправдывало любую фальсификацию и любую подлость, как вынужденные этими условиями. Но это уже было опасным вольнодумством. Дотошность не поощрялась: он велик, потому что велик. И те, кто видел в нем единственное оправдание своего внезапного вознесения и связанных с этим преступлений, вполне довольствовались тем, что он просто вождь народов и вообще корифей. В этой среде, пронизанной наущничеством, называемым бдительностью (Сталин вовсе не стремился, чтоб его клеветры представляли собою нечто единое и цельное), это было наиболее безопасно. Безусловно, все это способствовало превращению этих случайных людей в бессмысленную банду, эмпирически даже еще более страшную и опасную для окружающих, чем те, кого они смели и заменили.

Но не следует забывать, что первую и наиболее результативную атаку на нравственность и подрыв авторитета нравственности осуществили не сталинские вытщенные, а их предшественники. Кстати, то немногое, что

оставалось от ленинских времен в сталинских, — это как раз диалектическое отношение к нравственности. Это долго не осознавалось. Интеллигентная молодежь предвоенных лет в своих внутренних исканиях не всегда сознательно противопоставляла нынешним грязным временам „чистые и бурные” двадцатые годы. Или (в сущности, это то же самое) изо всех сил стремилась в нынешних временах видеть продолжение тогдашних — особенно в смысле мировой революции. Мировая революция — единственное цельное, что она знала и что эту безнравственность как бы оправдывало. Сталин по этой логике был узурпатором, который употребил это право на безнравственность всеу — так сказать, для личных нужд.

Но в неправду коллективизации, выдвинувшей новую формацию партийцев, старая формация, „старая гвардия” была вовлечена не меньше, как бы к этому ни относились отдельные ее представители. Даже Бухарин, хорошо понимавший, какие разрушения несет коллективизация, и первым определивший, какой опасный для жизни тип „работника” она породила, не вышел из-за нее из партии. Пребывание в партии все еще было для него гораздо более важной духовной ценностью, чем последствия ее деятельности. Слишком он сроднился с ее преступлениями, слишком научился принимать их и оправдывать — участвовать в них, — чтобы остаться со всем этим грузом вне ее. Поэтому мистика партийности в его сознании перекрывала и реальности коллективизации.

Но и люди, менее вовлеченные в этот грех, осознавали случившееся совсем не сразу. Говорят, что, когда отрезает трамваем ногу, шок так велик, что боль ощущается только через несколько минут. Для общественного сознания шок от коллективизации был настолько велик, все связанное с ней было настолько страшно и огромно, настолько несовместимо и несовместимо с внушаемой оценкой происшедшего (а революционный пафос еще действовал, и внушениям еще многие верили), что осозналось оно только через десятилетия. Конечно, если иметь в виду молодую интеллигенцию — простые люди, не вовлеченные в революционный пафос (например, мой отец), понимали это с самого начала однозначно. Впрочем, не всегда. Особенно молодежь. Иногда даже дети раскулаченных (как видно, например, из воспоминаний брата А. Т. Твардовского Василия, маг-

нифондону запись которых я слышал перед отъездом из Москвы) воспринимали тогда постигшую их участь как частную несправедливость по отношению к ним и как трагедию неразделенной любви к советской власти. Даже оппозиционная мысль (когда она после смерти Сталина проявилась) не сразу обратилась к коллективизации — тогда все заслонял маразм последних лет сталинщины.

А в конце тридцатых — в расцвете сталинщины — будущие ее носители, молодые идеалисты (конечно, как-то уже чувствовавшие, что все идет не так, но защищавшиеся от осознания своих чувств при помощи восторга) и вовсе представляли коллективизацию мероприятием пусть жестоким, но высоким и героическим — расширяющим внутренний мир человека, освобождающим его от замкнутости и гнета „проклятой” частной собственности. В коллективизации им даже виделся последний всплеск революционности, ностальгия по которой или усиленное стремление видеть продолжение которой в окружающей их сталинской бессмыслице было тогда единственным содержанием их духовной жизни. О другой у большинства не было ни представлений, ни помышлений. Тогда, в конце тридцатых, даже оппозиционность принимала форму требований более правильного и честного построения светлого будущего, в сущности, большей ортодоксальности.

Любопытный термин — „перегиб”

Конечно, признавалось, при этом, что в этом великом деле иногда допускались и „перегибы” — местными, конечно, властями. Любопытнейший это термин, должен сказать. Он намекает на положительность самого явления, по отношению к которому допускались эти самые „перегибы”. И это уже само по себе ложь. Последствия этих „перегибов” видны всем и до сих пор жестоко сказываются на всей стране. А последний якобы имевшего место самого явления (положительных, по этой логике) — никто никогда не видел. По-видимому, к „перегибам” это явление и сводилось.

В „перегибах” охотно сознавалась и центральная власть, Сталин о них даже „Головокружение от успехов” написал. Как известно, был это обычный сталинский трюк: циничное сваливание своей вины на тех, кто послушно выполнял его директивы (а те из

страха за себя или за единство партии вынуждены были молчать). Более того, он и не думал отказываться от своего головокружительного наступления на жизнь: и после этой статьи исполнители продолжали получать секретные спецпакеты, в которых „головокружение” это предписывалось им столь же строго, как и до нее — разве только мелкую живность разрешили оставлять крестьянам. И об этих директивах тоже надо было молчать. И брать все на себя, делать вид, что вождь — большой либерал.

Коллективизация, кроме всего прочего, несла с собой дальнейшее углубление большевистского аморализма и дальнейшее погружение общества в ложь и прострацию — в сталинщину, которая тогда только начиналась.

Конечно, молодые идеалисты последующих лет (да и не только они — на то и спецпакеты) не все об этом мероприятии знали. Но нас сейчас интересует не глубина их осведомленности, а само слово „перегибы”. И не то, насколько оно соответствует реальности, а проявляющаяся в его, так сказать, эмоциональном содержании система моральных ценностей.

Прежде всего, оно сразу переносит сочувствие с тех, в отношении кого „перегибают”, на тех, кто это делает, и даже на само дело, при совершении которого эти „перегибы” допущены... Дело это априори оказывается чем-то важным и достойным, раз на его фоне какие-то деяния выглядят, как „перегибы”. То есть как нечто несущественное по сравнению с самим делом. Чего ж тут особенно беспокоиться — во всяком деле есть издержки, бывают ошибки: не ошибается только тот, кто ничего не делает. Так что „перегибы” оказываются чем-то неизбежным при всяком большом деле и потому простительным, почти желательным. А попутно и как-то очень естественно допускается, что миллионы человеческих судеб, их жизнь и смерть, могут быть не только материалом, но и издержками творчества отдельных групп и лиц. Допускается не тем, что об этих миллионах такое говорится, а тем, что о них вообще не упоминается. Произносится только — „перегибы”, и эти миллионы выносятся за скобки и там забываются: лес рубят — щепки летят. Получалось, что одни люди даны другим в пищу. Но такой была моральная атмосфера времени, что этого не замечали и этим объяснением утешались —

даже те, кто по своей человеческой сути явно не был склонен к людоедству.

Моральные разрушения, связанные с коллективизацией, касаются всех людей — даже тех, кто сам не раскулачивал, не раскулачивался и не видел, как раскулачивают. Не все сознавали, но все чувствовали, что это — величайшая несправедливость, и искали ей оправдания и объяснения. Это было многообразное насильственное протаскивание людей через разврат: развратись или исчезни — вот альтернатива, стоявшая перед каждым.

Этому же служили и лагеря. Каждый, кто тогда жил, особенно если был ребенком (знаю по своему опыту), воочию увидел, что можно стать жертвой „перегиба“, то есть попасть в категорию, отнесенную к издержкам, которую не жалко, которая на фоне великих свершений почему-то автоматически теряет право на несчастье и сочувствие. Подсознательный страх оказаться в этой категории — особенно тяжкий для веривших в эти свершения — определил многое в жизни нескольких последующих поколений, определил облик всей страны.

Сталин сознательно стремился, чтобы все вокруг него потеряли нравственный облик и достоинство — и клевреты (будут преданы, как собаки) и все остальные (будут легче управляемы). С некоторыми ему это полностью удалось, с некоторыми нет, но совсем незадетых этой порчей почти не осталось. Грех, свойственный большевистской диктатуре вообще, особенно углублен грехом коллективизации. Без осознания этих грехов никакого возвращения к недиалектической, обычной, необходимой для жизни нравственности быть не может.

Коммунистическая идейность — что было

Грех этот крепко сидел в нас. Как уже сказано, изменение оценки этого явления в целом произошло даже не сразу после смерти Сталина, а чуть позже, и связано оно с общим крушением не только сталинщины, а и вообще как официальной, так и оппозиционной коммунистической идеологии.

Для меня лично оно началось после подавления Венгерской революции 1956 года. Именно не в связи с подавлением, а после него. Когда я прочел в „Правде“ статьи трех венгерских коммунистов, которые серьезно и полемизируя друг с другом разбирали, как они называли это, „уроки

контрреволюции“. Статьи эти были написаны явно не советским политико-канцелярским слогом (Sowjetparteisprache), а вполне грамотным, марксистским, идейным языком. Это значило, что их авторы явно были не случайными выдвиженцами, а людьми коммунистической традиции. Поразили меня эти статьи каким-то жестоким безразличием к реальности.

Только что иностранными войсками было в крови задавлено народное восстание против скомпрометированной — даже с точки зрения чистого коммунизма — власти. Наглость и brutality советской интервенции потрясли весь мир, а тем более всех вокруг меня. От стыда и боли некуда деться — особенно потому, что коммунизм в нас еще не совсем изжит. Ведь расстреляли попытку возродить его подлинность, попанную Сталиным. Его только что официально судили за это на XX съезде. Что ж творится? Как жить?!

Но для них этого всего просто не существовало. Существовала только власть их партии, священная при любом ее поведении, потому что партия называется коммунистической и автоматически представляет прогресс, то есть единственное, что надо представлять. Конечно, лучше если народ при этом живет хорошо, но это — факт второстепенный. Главное — власть партии. Все, что стремится ее поколебать, автоматически относится к абсолютному злу — реакции и контрреволюции — и по существу вообще не рассматривается. Рассматриваются только „ошибки“ правительства Имре Надя (уже обманом захваченного, но еще не расстрелянного), сводящиеся к попустительству, которое позволило этому злу проявиться в том и „уроки“. А сама интервенция — акт безусловно положительный, потому что восстанавливает власть партии. Остальное их просто не интересовало.

Это меня потрясло. Я почувствовал, что эти деятели так рассуждают не вопреки, а благодаря своему мировоззрению, которое я до этого как будто разделял. Выходило, что и самая распрокоммунистическая идейность — что было: она ничем не дорожит, даже сама собой. Ибо ориентиры ее ценностного мира — вполне подвижны, это случайности тактических соображений. И что завести она может куда угодно: естественных тормозов в ней нет. Это привело меня не только к откату от коммунизма, но к осознанию необхо-

димости абсолюта, к пониманию значения человеческих моральных ценностей. А отсюда уже до стыда за всеобщее равнодушие к коллективизации — меньше, чем один шаг.

Кстати, тогда лично меня, да и многих других, перестало оскорблять, что наши тогдашние вожди индифферентны к идейному коммунизму. Правда, это привело к противоположной ошибке — показалось залогом того, что мы станем нормальными, не ориентированными на утопию или ее имитацию государством. Это само по себе было утопией, чего я и те, кто со мной соглашались, не знали. Но для искусства и мысли этот временный самообман был полезен. Разумеется, пока был честен. Ибо в связи с этим политические вопросы отходили на второй план, а на первый выходили вопросы духовного наполнения бытия, нравственности.

Поворот к нравственным абсолютам

Думаю, что подспудный, еще неявный поворот к абсолюту, к религиозным поискам начался уже тогда. Тогда, в начале шестидесятых, это еще не было широко осознано, но в этом уже нуждались. И связано это теперь было уже не с новыми событиями, даже не с откровениями XXII съезда КПСС, а просто с тем, что толчок внутреннему развитию был дан, и оно происходило само собой.

Надо сказать, что правительственного сопротивления нравственной и моральной пропаганде практически не было. Наверно, и потому, что она поначалу в силу вышесказанного и не была направлена против строя. Во вторых, сам строй чем дальше, тем больше сталкивался с последствиями того аморализма и релятивизма, которые раньше пропагандировал, а в повседневности требовал от своих работников и практически от всего населения. Нравственные ресурсы тратились еще беззаботней, чем естественные. Во имя своих ближайших интересов щедро расплачивались будущими — хотя и во имя будущего. И теперь это будущее наступило. Воспитанные строем качества стали обращаться людьми не только друг против друга, но и в еще большей степени против него самого. Они стали, в частности, проявляться в отношении людей к труду, к своим обязанностям и к государственному имуществу. Получалось, как с водкой: сокращение ее продажи сказывалось на бюджете, а увеличение — на производительности труда. Так и здесь. Высокие

моральные качества делали людей неуправляемыми в одном смысле, а низкие — в другом. Но так или иначе, власть сопротивления нравственной пропаганде не оказывала, а в „Литературной газете“, как я уже говорил, она даже шла под эгидой коммунистической воспитания...

Власти допустили и восславили и „деревенскую прозу“, хотя они, скорее, должны были бы ее запретить, чем разрешить и восславить. Правда, ее хулители говорят, что для начальства деревенщики и почвенники в отличие от „западников“ — свои. Свои? Может быть, отчасти. Но тогда, как представители режима, начальники эти самим себе не свои. И режим — сам себе не свой. Это не шутка, это патология режима. Почти все эти начальники пережили трагедию русской деревни, а некоторых задело и коллективизацией. У них это — болит. Вот и смотрят сквозь пальцы, так говорят хулители.

Что ж, так оно, вероятно, и есть. Но что здесь плохого? Можно обвинять этих начальников (если они в том повинны), что они запрещают другое или даже нечто подобное, но написанное другими, но не в том, что они напечатали это. Я не утверждаю, что такие начальники — обязательно светлое явление. Люди это, скорее всего, разные и мотивы их действий тоже, вероятно, не одинаковы. Возможно, в других случаях некоторые из них будут выглядеть отнюдь не приятно. Но за то, что они „допустили“ „деревенщиков“, можно им быть только благодарными. Слишком это нужно было нашей стране...

Кончилась сталинская эпоха

Судя по всему, сегодня в СССР есть возможность опубликовать многое, ранее невозможное, разрешено ставить вопросы глубже, чем когда-либо. Особенно в публицистике. И, главное, более откровенно заговорили на трибунах и в массовой печати. Все это очень важно. Это попытка изменить атмосферу в стране. И, конечно, в литературе. Но в литературе кое-что в этом направлении делалось и раньше.

Что вообще произошло в СССР после смерти Черненко? На этот вопрос я отвечаю однозначно: кончилась сталинская эпоха. Приход Горбачева изменил весь стиль советской жизни. Стиль — это еще не суть, а „кончилась“ — еще не означает, что жизнь пришла

в норму или хотя бы произошли существенные перемены. Более того, это не значит, что есть гарантия от многих сталинских методов. Но это значит, что кончилась эпоха выдвиненцев. Началась эпоха „карьеристов” (в западном, неоскорбительном, смысле этого слова). У новых руководителей нет комплекса людей, которые сами не знают, как оказались наверху. Они прекрасно знают, как это произошло. Они, по-западному же говоря, — *selfmadepeople*. И это проявляется во многом. Их, например, не оскорбляют модернистские упражнения. В Ленинграде разрешен модернистский литературный клуб, даже сборник ему разрешили издать. В сущности, это было бы выгодно и старикам. Это удобная канализация беспокойных юношеских честолюбий и комплексов. Более того, подобного рода „творцы” часто создают атмосферу, в которой люди, озабоченные действительными жизненными проблемами, начинают выглядеть недостаточно возвышенно, их даже можно третировать с высот чистой гениальности. Кругом бы выгода была. Но старики решиться на такое не могли: раздражало умничанье и чудились намеки.

Великое дело — возраст! И отнюдь не только в биологическом смысле. За гorbачевцами нет ни коллективизации, ни тридцать седьмого года. Поэтому даже если отрицать их добрые намерения, просто не всякая критика системы их задевает или должна задевать лично, как задевала их предшественников. А от этого уже легче. Кроме того, они достаточно компетентны, чтобы понимать, что есть вещи пострашнее критики, и стремиться их избежать.

Но если даже их добрых намерений не отрицать и считать, что они столь хороши, какими я их сейчас довольно теоретически хотел бы видеть, то все равно сделать все то, что минимально необходимо для спасения, им будет очень нелегко. А они отнюдь не безупречны, как показывает их внешняя политика. Пока они просто с молодой энергией продолжают старую, а старая, помимо своей неблагоприятности (впрочем, и благодаря ей), была плоха еще и тем, что выгодна она только одной державе в мире — КНР. Внешнюю политику изменить нелегко, но это самое легкое из того, что им предстоит сделать. И то, что они и этого не могут, даже из Афганистана еще никак не могут уйти (все мухлюют, чтоб всех обмануть и, уходя, остаться),

— симптом тревожный. Все равно, держит ли их в плену собственная ограниченность или они не могут преодолеть ограниченность аппарата, генералов, КГБ или кого-либо другого. Сопrotивление брeжневщины.

Кстати, брeжневщина — это сталинщина на свободе, сталинские выдвиненцы, освобожденные от страха перед сталинской плеткой и получившие возможность проявить свою подлинную сущность. И неудивительно, что естественней всего она проявляется в коррупции. Ведь то, что они делали для Сталина, тоже было насквозь безнравственно, тоже в человеческом смысле было коррупцией. Их и выдвигали за способность к этому, она стимулировалась, воспитывалась, широко использовалась, но жестко держалась в узде — чтобы не забывались, чтобы помнили, кому должны служить в первую очередь. При Брeжневe все это освободилось от всякой узды, и наглядней проступила ее подлинная суть — разложение.

Воля — тоже нравственная категория

Может быть, гorbачевцы пришли слишком поздно — во всяком случае для того, чтобы все прошло без крайнего напряжения. Им бы прийти вместо Хрущева и в его время. Тогда еще не все резервы доверия (не только к власти, а, может, и к жизни) были растрачены, оставались еще Иваны Денисовичи, желавшие и умевшие пахать. На них и выезжали.

Сегодня ситуация хуже. Сказывается усталость, в том числе и духовная. В процессе обновления, по моим сведениям (письмо, полученное друзьями), участвуют, стремятся его использовать и закрепить, только представители старших поколений, люди, которым сейчас вокруг пятидесяти-шестидесяти, помнящие „оттепель” 56-го года. Молодежь, даже интеллигентная, безразлична. Даже огуляется иногда, когда ее призывают действовать (отнюдь не в смысле подготовки к баррикадам). Интересуется только атрибутами „красивой жизни”: магнитофонами, автомобилями. Это, конечно, тоже реакция на бессмысленный идеологизм в прошлом, но реакция неплодотворная. Такой реакции способствует многое. Правду, о которой теперь разрешено говорить вслух (что кругом коррупция и что причины ее — в самой системе советской экономики), — все, кого это интересовало, знали и раньше. Это может по-

каяться делом житейским, даже не слишком интересным. И действительно — откровения Горбачева, несмотря на свою важность и серьезность, вероятно, поражают воображение не так, как хрущевские о сталинском терроре, о котором тоже догадывались, но который в полном объеме мало кто представлял.

Откровения Горбачева рассчитаны на озобоченную мысль, и если ее не хватит, если мы слишком уж приспособились к нашим противостественным условиям, к гибельности — дело худо. А между тем, как говорится в том же письме, против нововведений Горбачева, которых практически еще и нет, уже образовалась мощная коалиция — от крупных комсомольских функционеров до подзаборных алкашей. Как бы кто из нас к этим нововведениям ни относился, факт это неприятный. Конечно, дело не в алкашах. К тому же в глубине души они сами знают, что даже по поводу водки прав Горбачев, а не они. Но комсомольские функционеры другое дело. Это — худшие из карьеристов (уже не в западном, а в советском значении этого слова). Занимаясь только фикцией, они вообще почти не представляют, что бывает сопротивление материала и последствия решений. Даже Брежнев и другие старики имели об этом более отчетливое представление. Учиться на своих ошибках у них нет не только охоты, но и возможности, так как их деятельность не связана с реальностью. Они мечтают о сильной власти, но знают ли они сами, что они с ней собираются делать? Пахать ведь ею нельзя. Пока я очень сомневаюсь, чтобы знали, — просто верят в нее, как в панацею, и чувствуют ее сладость. Но возможность применить свою безответственность у них может появиться. Они опасны. Тем более, говорят, они теперь тоже модернизированы, книжки читают. Так что на „банальную” нравственность — во всяком случае свою (другое дело — внушать ее „народу”) — эти комсомольские *Ubergenschi* не претендуют. Об их нацистских симпатиях в эмигрантской прессе уже писалось. Кажется, в „Посеве” тоже.

Работает на них и то обстоятельство, что, судя по всему, пока какие-то льготы получила только творческая интеллигенция. Я отнюдь не считаю, что это малозначительно, от нее иногда многое зависит. И уж точно — когда ее начинают подминать, подминают мысль и голос страны. Но, во-первых, она то-

же разная, во-вторых, если так будет продолжаться, всю активность лучшей ее части легко можно будет выдать за развлечение гражданки Куликовой из анекдота (она задала „рязанскому радио” вопрос: „Что такое сольфеджио?” и получила возмущенный ответ: „Гражданка Куликова! Людям жрать нечего, а вы выпендриваетесь!”). А это легко использовать как против интеллигенции, так и вообще против свободы. Несвобода плоха сейчас не только сама по себе, а и потому, что страну из тупика она не выведет.

Впрочем, очень многое зависит от того, как будет применяться и трактоваться „Закон об индивидуальной трудовой деятельности” (а составлен он так, что позволяет самые разные, даже противоположные толкования). От характера его истолкования зависит и характер последствий для страны. Диапазон их широк — от спасительных (он позволяет широко допустить личную инициативу) до гибельных (позволяет и ничего не допустить, а жестким контролем сковать даже допускающуюся явочным порядком до этого). Документ этот несет на себе отпечаток незавершенной борьбы и камуфляжного компромисса разных групп и тенденций. Мне кажется, что от ее исхода зависит не только характер политики, но и судьба страны.

И необходим какой-то необычайно сильный нравственный стимул. Но стимул не обманливый. Савонароловские порывы секретаря МК Б. Ельцина могут даже импонировать кому-то (я почему-то думаю, что он хороший человек), но веры в результативность своего труда они никому не прибавят. А на войне с завмагами далеко не уедешь — только еще больше разладить снабжение и обслуживание. Необходимо не штурмовать небо (достаточно этим занимались), а, помня при этом Бога, по-земному заняться своими земными делами. Ибо нравственность должна проявиться прежде всего в отношении к ним. Государство было безнравственным прежде всего по отношению к труду людей. Если это изменится, люди постепенно начнут верить и работать. И даже будут снова способны на жертвы. Слишком частая, бессознательная и бессмысленная эксплуатация этой способности постепенно привела к почти полной ее атрофии.

Абстрактные же разговоры о нравственности, безусловно, тоже необходимы и важны, но ограничиваться ими нельзя. Сами по себе они слишком мало к чему обязывают и по-

этому слишком многих устраивают. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, надо, однако, преодолеть болезнь воли, неверие в нужность своих движений. Неверие, воспитанное не только террором, но и воспоминанием о том, к чему однажды некий порыв воли нас уже привел.

Но без этого не обойтись. Я имею в виду отнюдь не баррикады. Надо, чтобы до них не дошло. Эта воля — тоже нравственная кате-

гория. В воссоздании и воскрешении ее русская литература свою роль сыграла и продолжает играть. Она поддерживает жизнь, мысль, надежду. Но боюсь, что для того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, этого уже недостаточно. Нужно еще что-то — более земное. И разумное, действенное, даже административное. А что касается небесного — нужно много верующих и мудрых священников. Но это нужно всегда.

СССР: альтернативы реформ

Б. ПУШКАРЕВ

Вопрос об изменении советской системы стоит на повестке дня мировой истории не первый год. Еще в конце 50-х годов, спутнику вопреки, на Западе раздался голос, что в век научно-технической революции советский режим становится анахронизмом. А к концу правления Брежнева, когда вопрос о реформах стал коренным для советской внутренней политики, все больше западных советологов стали конкретно взвешивать их возможность и вероятность в СССР.

В частности, Совет по международным отношениям — американская общественная организация, занимающаяся вопросами внешней политики, в октябре 1982 г. провела серию семинаров, посвященных возможности перемен в Советском Союзе. Суммировать результаты этой работы было поручено канадскому ученому Тимоти Колтону; это и положило начало рецензируемой здесь книге.* Ее первое издание задержалось и подверглось переработке сначала из-за смерти Брежнева, а потом — Андропова. Второе издание, написанное уже после смерти Черненко и после XXVII съезда партии, — в значительной мере посвящено началу правления Горбачева.

*

Колтон начинает свою книгу с определения *шести политических возможностей*, применимых к любому обществу.

* Timothy J. Colton. The Dilemma of Reform in the Soviet Union. New York, Council on Foreign Relations. First edition 1984, revised edition 1986.

Революция. Коренное, быстрое и насильственное изменение существующего политического строя.

Радикальная реформа. Коренное, но постепенное изменение существующего строя; сродни революции тем, что целиком меняет как структуру центральных политических учреждений, так и легитимирующие их мифы.

Умеренная реформа. Изменение системы распределения поощрений и взысканий в обществе, не затрагивающее центральных политических учреждений и мифов, но могущее на них влиять.

Минимальная реформа. Изменение политики и административной практики, не затрагивающее ни политических основ режима, ни структуры общества.

Консерватизм. Сохранение существующего положения.

Реакция. Возврат к ранее существовавшему положению.

Разложив этот „веер“ определений (которые бы следовало выучить во избежание терминологической путаницы каждому пишущему на советские темы журналисту), — Колтон сперва применяет их к восемнадцатилетнему правлению Брежнева. Он находит этот период весьма неоднозначным: хотя господствовал консерватизм, были и элементы реакции, и минимальных реформ.

Консервативной была прежде всего идея „стабильности руководства“, „доверия к кадрам“, которая вылилась в чуть ли не пожизненное право руководящих работников занимать свои места.

Здесь видна попытка правящего слоя как-то компенсировать ту неуверенность в завт-

рашнем дне, которую породили и сталинские чистки, и хрущевская чехарда. Консервативной была доктрина „развитого социализма” и идея „научного подхода” к политическим вопросам.

Реакцией, или шагом назад был отказ от решительной десталинизации и усиление преследований инакомыслия, равно как и возвеличивание подвигов давно прошедшей войны.

Среди минимальных реформ брежневского периода Колтон выделяет:

а) Дезавуирование Трофима Лысенко и предоставление научным работникам значительной свободы мысли в своих профессиональных отраслях, что создало возможность обсуждения вопросов, относящихся к „научно-технической революции”, к охране исторического наследия и, косвенно, к политике.

б) Введение более 50 законов по охране окружающей среды.

в) Улучшение правового и экономического положения колхозников, введение для них паспортов и пенсий, пятидневная неделя для промышленных рабочих.

г) Ослабление гонений на Церковь.

д) Расширение связей с Западом, относительное снятие стилевых ограничений в сфере массовой культуры.

Колтон напоминает, что с 1970 по 1980 год число советских семей, имеющих холодильники, повысилось с 32 до 86 процентов, телевизоры — с 51 до 83 процентов, стиральные машины — с 52 до 70 процентов и автомобили — с 2 до 9 процентов. Одновременно с таким заметным подъемом жизненного уровня был осуществлен еще более внушительный подъем вооруженной мощи страны: начиная от самых разных видов ракетного оружия и кончая выходом мощного военноморского флота в мировой океан. Все это существенно как фон, на котором стали разыгрываться события 80-х годов.

*

Где-то около 1976 г. брежневская модель режима достигла своего апогея. Но тут-то и начали проступать на поверхность экономические и социальные проблемы, которые советская пресса ныне описывает достаточно красноречиво и которые Колтон перечисляет для западного читателя.

Ни один строй, даже самый репрессивный, не может существовать без молчаливого со-

гласия большинства, и Колтон рассматривает, как изменялся „социальный договор” советского режима. Сталин требовал безоговорочной политической лояльности и за это обещал бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, право на труд и на несколько квадратных метров жилища — с перспективой победы коммунизма во всем мире.

Смязлив социальный утопизм и остановив провозглашенный сталинским периодом, Хрущев, по существу, призвал население судить советский государственный строй по тому материальному благополучию, которое он создаст. В этом, а не в конкретных цифрах — был смысл партийной программы 1961 года. „Социальный договор” Брежнева оказался еще мельче: мы гарантируем каждому право на рабочее место и на более или менее одинаковую плату. Таково наше понимание социальной справедливости. Ну а кому этого мало, выкручивайтесь сами, мы будем смотреть сквозь пальцы на взятки и прочие нетрудовые доходы.

Забегая вперед, скажу, что одну из главных трудностей горбачевских реформ Колтон видит именно в нарушении этого „договора” с населением: Горбачев и против уравниловки в зарплате, и против нетрудовых доходов и взяток, и, если экономические рычаги будут по-настоящему задействованы, против гарантированного рабочего места, так как бездельников надо будет увольнять, а убыточные предприятия — закрывать.

*

В книге, написанной частично как учебник, много места уделено персональным изменениям на верхах партии от смерти Брежнева и до XXVII съезда. По подсчетам Колтона — 58 процентов Центрального Комитета сейчас состоит из людей поколения Горбачева (более чем в два раза больше, чем в 1981 году). То есть более половины ЦК ныне уже не причастно к сталинским преступлениям. Тем не менее, у них остается ряд общих исходных позиций: вера в однопартийную власть, в государственную собственность на средства производства, в достижения советской власти, и — страх перед стихийными, неподконтрольными явлениями. Их цель — исправить систему, не отменяя ее. И наиболее вероятный прогноз относительно их деятельности: умеренные реформы — по вышеприведенному определению. На этом прогно-

зе Колтон остановился в первом издании своей книги, и повторил его во втором.

... Он рассматривает вариант революционного крушения режима и приводит цитаты из Ельцина и Лигачева, из которых явствует, что последние его тоже не упускают из виду. Однако он считает этот вариант крайне мало вероятным. Во-первых, потому что недовольство направлено на то, как режим работает, а не на то, что он существует. Во-вторых, потому что организационные и пропагандные ресурсы режима — огромны.

Не очень вероятным считает он и вариант радикальных реформ то ли чехословацкого, то ли польского образца. В обоих случаях требуется демократическая традиция, которая в России, по его мнению, слишком слаба. К тому же радикальные реформы грозят дестабилизацией в отношениях с соседями и с союзными республиками: радикальным реформам мешает опасность распада империи.

Еще более маловероятен возврат к сталинизму, который встречает определенные симпатии в СССР (тяга к „сильному хозяину“).

Сталинизм мог родиться лишь в определенных исторических условиях, безвозвратно ушедших. Если сегодня режим не соответствует требованиям истории, то именно потому, что несет в себе черты сталинизма. В СССР могут быть рецидивы реакции (например, террористические методы борьбы со спекулянтами), но не возврат к сталинизму в целом.

Наконец, консерватизм и малые реформы показали уже свою несостоятельность при Брежневе. Они привели к застою и распаду. Так что единственный оставшийся путь — умеренные реформы, идущие дальше Брежнева, но не Дубчека. Существенные реформы в рамках системы, но не реформы самой системы. Реформы „с позиции силы“, по инициативе власти, а не под давлением событий — как уступки народным требованиям. Частичное использование рыночных механизмов — но не перевод экономики на рыночные рельсы.

Однако путь умеренных реформ отнюдь не усыпан розами, их альтернативы жестко детерминированы.

„Проблемы реформатора начинаются с того, что он сам продукт системы, которую хочет реформировать. Он не уверен, как далеко можно пойти, и боится нанести удар уч-

реждениям, которым сам сохраняет верность. Он не может открыто говорить о своих целях. Он вынужден объясняться двусмысленно, /.../ применяя стратегический обман по отношению к противникам реформы, но не в такой мере, чтобы сбить с толку ее сторонников“.

Неизбежен в советских условиях конфликт между средствами и целями реформ. Без радикальных изменений политической системы, реформист часто вынужден добиваться демократических целей авторитарными средствами и таким образом дискредитировать сам себя. Даже децентрализация проводится централизованным путем, по принципу приказа „заставить проявить инициативу“. Инициатива и предпринимательский дух в обществе, где они 60 лет подавлялись, выйдут на поверхность не сразу, и слишком ретивые административные меры могут их в зародыше задуть.

Еще сложнее вопрос народных чаяний и ожиданий, которые могут без труда обогнать производственные возможности перестраивающегося народного хозяйства. Реформа, направленная на повышение производительности и на поощрение успехов, не может не усилить социальное неравенство и расслоение и тем самым не породит разрушительные чувства зависти и обиды; „мы привыкли к безнаказанности“, — цитирует Колтон Заславскую. Повышение производительности труда требует увольнения непродовольственных рабочих и закрытия убыточных предприятий, а реальная система стоимости — отмены уже привычного занижения цен на некоторые пищевые продукты и жилищлощадь. Не надо забывать, что и в Польше и в Венгрии реформы в большой мере тормозила бытующая в народе эгалитарная этика. Перед реформатором стоит задача „убедить социалистов в пользу неравенства, а пьяниц — во вреде алкоголя“.

Известное время Горбачев может двигаться вперед политически на *символике* „перестройки“ и „ускорения“. Но однажды ему надо будет подойти к решению реальных вопросов, самым большим и самым важным из которых является вопрос рыночных, то есть договорных, цен, пишет Колтон, ссылаясь на Бориса Румера. Вторым по важности вопросом Колтон считает те кадры, на которые Горбачев захочет опереться в будущем: будет ли он к следующему съезду партии в 1991 году продолжать омоложение ЦК, или

остановится на той разношерстной коалиции, которая у него сейчас сложилась? *

Если к началу 90-х годов Горбачев окажется неспособным реально задействовать хозяйственные реформы введением рыночных цен и задействовать политические реформы дальнейшим обновлением кадров, то весьма вероятно, „что при еще одном стареющем вожде с невыполненной политической программой режим не сможет избежать кризиса своей легитимности. Тогда самые крутые варианты — сталинизм, радикальная реформа, революция — уже не будут такими неправдоподобными, как сейчас. И наоборот: если умеренные реформы достигнут известной меры успеха, то будет выигран шанс их углублять: как сказал Евгений Замятин, последней реформы не бывает“.

В заключительной главе, касающейся внешнеполитических отношений, Колтон признает, что решительная позиция Запада, в частности, объявление президентом Рейганом Стратегической оборонной инициативы в марте 1983 года, ликвидация коммунистического путча в Гренаде в октябре того же года и непривычное для СССР сопротивление „национально-освободительным режимам“ в Афганистане, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Камбодже и Никарагуа были, в конечном итоге, на руку реформаторам в СССР. Если бы СССР не потерпел внешнеполитических поражений, труднее бы было отстаивать необходимость реформ.

Советский феодализм

С. ОСТАПОВ

Полученная из страны статья была адресована редакции нашего журнала. Публикуется она нами, однако, не только по этой причине. Несмотря на то, что марксистская трактовка исторического развития, применяемая автором, никак не соответствует нашему мировоззрению, мы в данном изложении видим своеобразное проявление именно политической оппозиционной мысли. Пользуясь приемом марксистского учения (неясно, то ли по убеждению, то ли видя в этом выгодный тактический прием), автор полностью развенчивает существующую систему партократов и „достижения“ ее семидесятилетнего существования.

В этом мы видим некоторое сходство с ленинградским документом „К гражданам Советского Союза“, составленным „Движением социалистического обновления“ („Посев“ № 9, 1986). Публикуя этот документ, мы писали: „Обсуждение и критика поставленных в документе проблем будут способствовать оттачиванию столь необходимой нам политической мысли, рожденной в стране, независимой от власти, но и от Запада“. Свою позицию мы высказали в комментарии к документу: „Для нашей страны наступил переломный момент, который определит не только будущее, но — быть ей или не быть. Радикальные реформы и разрушение идейной, экономической и организационной монополии властвующей коммунистической партии — наиболее верный путь к ее спасению. Это понимают нарождающиеся политические силы, думающие о национально-государственных интересах страны“.

Мы хотели бы, чтобы авторы этих материалов познакомились с нашими позициями и чтобы публикуемые в нашем журнале идейно-политические материалы вызвали дискуссионные отклики в стране.

Иза-размера статья „Советский феодализм“ публикуется нами с некоторыми сокращениями.

Почти семь десятилетий минуло с той поры, когда на нашей планете появилось государство, заявившее, что в основу своего общественного и политического устройства оно кладет учение Маркса /.../ Попробуем же, как выражаются математики, разделить переменные, то есть отделить марксистское учение о социально-экономических явлениях в обществе от советского государства. Более того, попробуем проанализировать социологию, экономику и политику СССР. исходя из учения Маркса, не осложненного последующим эпигонством /.../

Прежде всего следует определить уровень развития производительных сил общества, исследовать характер производственных отношений и потом сделать вывод, каким образом изучаемое общество подразделяется на классы.

Затем нужно определить, в какой форме выступает в обществе необходимый и прибавочный труд, каким путем обеспечивается повиновение угнетенной части общества. Это исследование будет касаться форм собственности и механизма формирования власти в обществе.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности и не предрекая выводов, применим эти предварительные процедуры к советскому обществу.

*

Уровень развития производительных сил советского общества можно количественно оценить по валовому национальному продукту и по числу трудящихся, занятых в производственной сфере. Для того, чтобы оценка была нагляднее для читателя, данные по СССР сравним с данными по США.

	СССР	США
ВВП	1 триллион долларов	2 триллиона долларов
Общее число работающих	130 млн. чел.	110 млн. чел.
Занятые в сфере производства	85 млн. чел.	35 млн. чел.

Обращает на себя внимание непропорционально большое число работающих в сфере материального производства в СССР.

Дело в том, что экономика СССР долгое время развивалась под влиянием стремления советских руководителей обеспечить наиболее высокий возможный уровень материального производства.

Считалось, да и сейчас считается, что самым эффективным способом для этого является отказ от рыночного механизма и перевод развития экономики на принудительное планирование. „Наши планы — это не планы-прогнозы, а планы-директивы!” — говорил еще Сталин.

Пока природные ресурсы были легко доступными и пока можно было черпать из коллективизированных деревень рабочую силу „по потребности”, этот метод срабатывал. В сущности, вся система принудительного труда, описанная Солженицыным в „Архипелаге ГУЛаг”, была создана в плановом порядке в ответ на требование быстрее, любыми средствами построить экономику. Естественно, ни о каком жилищном строительстве, ни о каком сервисе, ни о какой „кибернетике-информатике” и речи быть не могло.

Планирование экономики, как и любая организаторская деятельность, требует для своего успешного завершения, во-первых, целей планирования (к чему стремиться?), во-вторых, начальных условий (из чего исходить?).

К чему стремятся советские руководители, ясно видно из лозунга, который еще 7—8 лет назад повторялся крупными буквами по всей Москве: „Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!” Соответственно этому лозунгу формируются цели развития экономики — больше металла, нефти, угля, цемента, линкоров, ракет, танков. Советский Союз должен обладать такой мощью, чтобы все страны убедились в неизбежности поворота к „светлому будущему” — не добровольно, так принудительно, не мытьем, так катаньем. Соответственно распределяются и деньги; самыми высокооплачиваемыми людьми в обществе стали управляющие бюрократы, военнослужащие и работники „основных” отраслей промышленности — металлургической, горной, нефтяной, оборонной. Самыми низкооплачиваемыми стали представители „непроизводственной” интеллигенции: врачи, учителя, бухгалтеры, научные работники — в особенности академических институтов. В жертву опережающему развитию „основных отраслей” приносятся школы, больницы, театры, магазины, жилища, дороги, столовые, прачечные, памятники истории и культуры, да и просто человеческие жизни. Контрольные цифры плановых директив не предусматривают этих мелочей — важные тонны металла и нефти, кубометры леса и природного газа, мегатонны бомб и число спущенных подводных лодок.

Все эти продукты нужно произвести. Для этого нужно запланировать сооружение и оборудование заводов, нужное количество сырья, технику, электроэнергию и т. п. И здесь, сталкиваясь с вопросом „из чего исходить?”, советские бюрократы-планировщики склонны выбирать те решения, которые уже опробованы и дали в свое время положительный результат. Мол, все эти новомодные фокусы с автоматизацией до добра не доведут — сэкономленные государственные средства все равно в карман не положишь, а за срыв плана можно и с руководящим креслом проститься. И принимаются хозяйственные и проектные решения, повторяющие прецеденты многолетней давности, ставятся барьеры перед разработчиками новой техники, изгоняются активные люди, которые хотели бы и могли бы добиться прогресса, — бюрократ хочет жить спокойно.

Вообще, жизнь бюрократа-плановщика осложняет только одно главное обстоятельство: постоянные дефициты, которые приходится латать на манер тришкина кафтана. (Дефициты в советской экономике, их происхождение, пути распространения и их влияние на функционирование экономики могли бы стать темой отдельного исследования, в особенности, если применить к ним математический аппарат теории надежности.)

Передовая техника

Жесткое планирование порождает еще одно явление, характерное для советской экономики с самого зарождения планового метода и до сегодняшнего дня. Поскольку производитель не имеет права выбирать покупателя, а покупатель не имеет права выбирать поставщика, то все закупки сырья, полуфабрикатов, оборудования, проектной документации и т. п. — предписываются плановыми органами и осуществляются по принципу „Бери, что дают, иначе ничего не получишь”. О качестве товаров в данной ситуации говорить бессмысленно, отсутствует сам предмет обсуждения. Ситуация „поставщик — потребитель” больше всего напоминает ситуацию „повар — арестант” в лагерной хлебоборозке, где ни одному эзку не придет в голову идея „качать права”, ибо в этом случае не только голодным останешься, но еще и в рыло схлопочешь...

А как же передовые технологии, импортируемые из развитых капиталистических стран? Неужели с помощью этого импорта нельзя поднять качество и эффективность советской экономики? На этот вопрос приходится отвечать отрицательно.

Во-первых, за передовую технику надо дорого платить. Советские промышленные товары из-за их низкого качества в уплату не годятся; следовательно, рассчитываться можно только сырьем. Вот и текут за рубеж советская нефть и природный газ, плывут по морям лес, руда и калийная соль. И превращается СССР в сырьевой придаток развитого капиталистического мира, — собственно, давно уже превратился.

Во-вторых, эксплуатация передовой зарубежной техники не приносит тех выгод, на которые рассчитывали при ее закупке. Не говоря уже о том, что качественная техника должна работать на качественном сырье, начинают возникать вопросы обслуживания и

ремонта этой техники. Советские рабочие зачастую не имеют достаточной квалификации для обслуживания импортных машин, на стажировку за рубеж их не посылают, туда ездят министерские бюрократы. На закупку запасных частей чаще всего не выделяют валюты, кроме того, по советским правилам планирования заявки на такую закупку на 1987, скажем, год должны быть поданы в 1985-ом. Кто же может предвидеть за два года вперед, какая деталь импортной машины выйдет из строя? Так что американцы, например, спокойно могли бы продавать в СССР любое „стратегическое” оборудование — все равно там использовать его должным образом не смогут.

Госприемка

Попытки поднять качество введением всеобщей государственной приемки продукции под эгидой Госстандарта с самого начала были мимо цели. Во-первых, нельзя серьезно рассчитывать на то, что, создав еще один тяжеловесный бюрократический механизм, можно решить экономическую проблему. Качество продукции способен оценить только рынок, и при отсутствии рыночного механизма распределения нет реальных способов подъема качества. Нелишним будет напомнить, что испокон веков всю продукцию советской строительной промышленности принимали государственные комиссии — ну, а качество строительства в СССР всем хорошо известно. Во-вторых, вся эта система госприемки неизбежно разложится взятками и подачками со стороны руководителей предприятий, райкомов, обкомов и министерств. Строптивых и принципиальных оттуда быстро изгонят, и в ближайшем будущем госприемку ожидает та же участь, что и министерство внутренних дел, министерство внешней торговли и т. д. Тугой клубок коррупции, кумовства, протекций, вымогательства и нескончаемая вереница уголовных процессов — вот их судьба на ближайшие несколько лет. А к повышению качества продукции все это имеет такое же отношение, как лягушечье кваканье к прогнозу погоды.

Передаточные звенья

Перехода к производственным отношениям в СССР, отметим, что все предприятия, использующие наемный труд, являются фор-

мально государственными, а фактически у каждого такого предприятия есть официальный хозяин — министерство. Можно считать каждое министерство как бы правлением гигантской корпорации, которой принадлежат однотипные предприятия на всей территории СССР.

Дело осложняется тем, что министерство не является действительным хозяином своих предприятий. Оно не вправе его продать, купить предприятие у другого министерства, не вправе само установить нужный объем производства, расширить рентабельное или закрыть нерентабельное предприятие. Все эти функции предписываются министерству надминистерскими органами — Госпланом, ЦК КПСС и, в особенности, Политбюро.

Не имея реальных прав владения предприятиями, министерство выступает в роли передаточного звена, которое получает инструкции сверху и передает их ниже — в объединении и на предприятии. И только если рассмотреть структуру управления с самого верха, то можно приблизительно очертить ту олигархию, которая владеет — в полном смысле слова — национальными богатствами СССР.

На самом верху этой пирамиды находятся Политбюро и генсек. Несколько ниже расположены аппарат ЦК КПСС и Совет министров СССР. Примерно на этом же уровне находятся первые секретари республиканских ЦК.

Ниже расположены союзные министерства и ЦК союзных республик. Еще ниже — обкомы, крайкомы, штабы военных округов, дирекции крупных предприятий и объединений, редакции центральных газет, всесоюзного радио и телевидения, президиум Академии наук.

Весь этот круг людей соответствует тому, что Милован Джилас еще в 1956 году назвал „новым классом”. Этот класс формально не владеет ничем, а фактически владеет всей страной, этому классу подчиняются армия, полиция, суд, прокуратура, в интересах этого класса принимаются, отменяются и трактуются законы. В той или иной степени по заказу этого класса работают писатели, художники и артисты. Этот класс вырабатывает моральные нормы, которые распространяются потом сверху вниз на все общество. Этот класс вырабатывает цели и методы планирования, распоряжается государственными финансами, а кроме того, поддерживает

свою олигархическую целостность, препятствуя вхождению в свою структуру выходцев из нижних слоев общества.

Другой класс советского общества — трудящиеся, независимо от того, где они работают. Все, кто по своему социальному положению находится ниже секретаря райкома или директора завода, могут быть без большой ошибки причислены к этому классу. Отличительная характеристика представителей этого класса — их полнейшее бесправие. В самом деле — типичный советский гражданин живет в государственной квартире, работает на государственном предприятии, ездит на государственном транспорте, учит своих детей в государственной школе, лечится в государственной больнице, покупает еду и одежду в государственном магазине. Если его нужно „прижать”, то этот зажим осуществляется по всем линиям сразу — жестко и безжалостно.

Джилас в своих воспоминаниях „Встречи со Сталиным” пишет, как веселились Молотов и прочие в 1944 году, дав команду в Ленинград не выдавать продуктовых карточек писателю Михаилу Зощенко. Солженицын мог бы многое рассказать о технологии „прижима”, да и академик Сахаров уже на нашей памяти угодил в ту же мясорубку.

Прибавочный продукт

/.../ Тем, кто занимается экономикой и социологией советского общества, нетрудно убедиться в том, что необходимым и прибавочный труд в нем выступают раздельно, и в большинстве случаев можно четко определить, занят ли работник в данный момент необходимым или прибавочным трудом. Для различения этих двух категорий в советском лексиконе есть даже соответствующая терминология. По этой терминологии прибавочный труд называется „общественно-полезным”, а необходимый труд называется „рвачеством”, „легким заработком” или „нетрудовыми доходами”.

Сельский житель, работающий на своем приусадебном участке, занят необходимым трудом, потому что весь продукт этого труда останется в его собственности. Научный работник, разгружающий вагон с картошкой на субботнике, занят прибавочным трудом, так как он за свой труд в лучшем случае ничего не получит, а иногда еще его выберут надсмотрщик из райкома партии. Частный

репетитор занят необходимым трудом, а преподаватель в школе занят практически полностью прибавочным трудом. (Оплата частного труда репетитора в 10–12 раз выше оплаты учителя в школе.)

Практически полностью прибавочным трудом можно считать труд колхозника в общественном хозяйстве, рабочего на заводе, врача в государственной поликлинике. Из каждого рубля произведенной продукции 80–85 копеек составляет прибавочный труд и только 15–20 копеек трудящийся получает в виде зарплаты.

К этому следует добавить множество сборов и налогов. Подоходный налог в пользу государства — вопиющее кощунство при советской экономической системе. Само государство определило тарифы и уровень заработной платы, само организовало предприятия, где платят эту зарплату, и само же еще 13 процентов этой зарплаты вычитает в свою же пользу.

/.../ Не следует забывать и о таком тотальном методе изъятия денег у населения, как смена денежных знаков, скромно называемая „денежной реформой”. В 1947 году таким образом у населения было принудительно изъято 90% наличных денег, так как цены не изменились, а в обмен на 10 рублей старого образца давали всего 1 рубль нового образца. Даже вклады в сберегательных касс, где их сохранность была „гарантирована” государством, подверглись аналогичной реквизиции. Ходят упорные слухи о том, что запланирована новая денежная реформа на март 1947 года, и, судя по финансовому положению советского государства, слухи эти недалеки от истины.

В последнее время появляются свидетельства нового подхода к формам эксплуатации трудящихся со стороны государства. Формальным выражением этого нового подхода стал закон об индивидуальной трудовой деятельности. Используя терминологию времен крепостного права, можно сказать, что наметился переход от барщинной системы к оброчной, дающей больший простор инициативе и предприимчивости, но сути общественно-политического устройства не меняющей /.../.

Право собственности

Возвращаясь к вопросу о правах советских граждан (имеется в виду трудящийся

класс), отметим те искаженные понятия, которые бытуют по этому поводу в капиталистических странах. Так, на Западе считают, что чуть ли не основными должны быть права на свободу создания политических партий, на свободу общения с иностранцами, на свободу эмиграции. Позвольте вас уверить, что эти права волнуют советский народ даже не во вторую или в третью, а в двадцатую очередь. А что действительно волнует советский народ — так это *ограничение права собственности, ограничение свободы предпринимательства, жесткий контроль за передвижениями, ограничение права выбора места жительства* и наличие всевозможных привилегий для некоторых групп общества. О привилегиях мы еще поговорим особо, а сейчас коснемся коренного вопроса — ограничения права собственности.

То положение, которое сложилось в Советском Союзе с вопросом личной собственности граждан, не может быть понято никакими западными исследователями: в нормальном человеческом мозгу эти явления попросту не укладываются. Поэтому, не пытаясь систематизировать, приведем несколько примеров.

Как известно, вся земля в СССР принадлежит государству. В этом случае сельский житель, получая земельный участок под строительство своего дома и под приусадебное хозяйство, не становится владельцем этого участка. Дом принадлежит ему лично, а земля под домом — государственная и может в любой момент быть отобрана без всякой компенсации. Если землю отбирают, что должен хозяин делать с домом? Здесь наш домовладелец по существу беспомощен — ему вручат деньги в сумме страховой стоимости дома и отпускают на все четыре стороны. Если учесть, что страховая оценка примерно в 3–4 раза меньше реальной стоимости дома, то ситуация становится кристально ясной. Сами понимаете, ни профсоюз, ни прокурор, ни пресса даже пальцем не пошевельнут в защиту этого человека.

Еще несуразнее обстоит дело с кооперативными квартирами. Человек вступает в кооператив, получает квартиру, выплачивает полную стоимость этой квартиры, но он не стал ее хозяином. Он не вправе эту квартиру продать, завещать, все его права ограничиваются только теми деньгами, которые он внес в уплату за квартиру. Единственное, что он вправе сделать — выехать из квартиры и по-

лучить обратно от кооператива деньги. Кстати, по нынешним законам он не вправе завещать даже свой паевый взнос. После смерти пайщика кооператива деньги отходят государству, а за наследниками может быть сохранено только право пользования квартирой, да и то при условии, что они в этой квартире проживали еще до смерти пайщика.

Советский гражданин не вправе приобрести грузовой автомобиль, токарный или фрезерный станок, бетономешалку, газосварочный аппарат, в общем, все те изделия, которые могут „использоваться для извлечения частнопредпринимательской выгоды“.

Даже легковой автомашине, купленной за свои деньги, он не хозяин. Он не может ее продать по соглашению другому лицу, а обязан сдать для продажи в комиссионный магазин государственному оценщику. Он не может подарить ее, кому захочет, а имеет право оформить дарственную только ближайшим родственникам — жене, мужу, матери, отцу, брату, сестре, детям. До принятия закона об индивидуальной трудовой деятельности он не имел права даже подвезти попутного пассажира — наш автовладелец рисковал бы неприятностями вплоть до конфискации машины /.../.

С правом собственности тесно связаны другие права, в первую очередь, право свободы предпринимательства.

Ограничения этого права столь чудовищны, что даже прозвучали по советскому телевидению. В передаче „Два взгляда из одного кабинета“ новый секретарь обкома упрекает прежнего в том, что тот бульдозерами сносил теплицы, построенные сельскими жителями на приусадебных участках. Факт этот не выдуман автором пьесы Ф. Бурлацким, подобные действия имели место в Белоруссии, в Краснодарском крае и в Воронежской области. В одной из белорусских деревень дело дошло до убийства — владелец теплицы ломом раскроил череп чересчур ретивому активисту. Рассказывая об этом случае, „Литературная газета“ приводит слова председателя сельсовета: „После этого уже не сносим, побаваемся...“ А официальные теоретики пытаются нас уверить, что противоречия между классами в СССР носят неантагонистический характер!

Новый закон об индивидуальной трудовой деятельности мало что изменяет в этом смысле. Он не определяет ни размера налога, ни

платы за патент, оставляя эти „детали“ на произвол местных бюрократов. Сам список разрешенных занятий построен так, что любое занятие можно в любой момент подвести под категорию запрещенных. А содержащиеся в законе фразы о том, что заниматься индивидуальной трудовой деятельностью имеют право только совершеннолетние граждане СССР, участвующие в общественном производстве, начисто лишают смысла все прочие статьи этого закона. В самом деле, если человек участвует в общественном производстве, то он работает на каком-то государственном предприятии и заниматься индивидуальной трудовой деятельностью может только после работы. Остаются, правда, еще пенсионеры, но много ли они заработают? Вывод один — в самом законе заложена уже необходимость его нарушения, закон не решает те проблемы, ради которых создавался.

О привилегиях

Переходя к вопросу о привилегиях, отметим, что не следует понимать само слово „привилегия“ в очень узком смысле. Привилегией следует называть все то, что разделяет одну прослойку общества от другой, что дает основание для спеси и самодовольства одной группе людей, вызывая в то же время зависть и озлобление у других групп. Если посмотреть с этой точки зрения, то вся структура советского общества основана на мелких привилегиях и ущемлениях различных групп общества. Между этими группами возникают противоречия, взаимная озлобленность, а иногда и открытая вражда. Яркий пример вспышки такой вражды — события в Алма-Ате в декабре 1986 года. Политика „разделяй и властвуй“ принесла свои плоды.

Одна из наиболее одиозных привилегий такого рода — так называемая „московская прописка“ /.../. Для того, чтобы получить законное право жить в Москве, необходимо иметь в паспорте штамп с указанием московского адреса места жительства. Не имея постоянного жительства в Москве, гражданин не может поступить на работу, не может стоять в очередь на получение квартиры, и вообще считается человеком второго сорта.

Привилегия быть москвичом дает немало реальных благ. В Москве самые большие возможности для служебной карьеры, из

Москвы легче всего попасть в заграничную командировку, в Москве самое лучшее снабжение продовольственными и промышленными товарами.

В 70—80-х годах барьеры на пути приобретения заветной московской прописки были частично сняты. Многие московские предприятия и стройки получили право нанимать рабочих из других областей по „лимиту“. Этим „лимитчикам“ предоставлялось общежитие, а по истечении 3—5 лет работы -- постоянная московская прописка и право получения в Москве отдельной квартиры. В результате население Москвы за 10 лет, с 1975 по 1985 год, выросло почти вдвое — с 4,7 млн. до 8,5 млн. человек, и процесс стал по существу неуправляемым. Отработав свои 5 лет, лимитчики уходили на более цивилизованную работу, а предприятие или стройка нанимали все новых и новых людей.

В 1986 году новый состав Московского горкома партии распорядился закрыть доступ в Москву для иногородних рабочих. Но поскольку количество желающих жить в Москве от этого не уменьшилось, то люди начали искать другие пути.

Сейчас московская прописка превратилась просто-напросто в объект купли и продажи. Желание жить в Москве — в основном молодые мужчины и женщины от 25 до 40 лет -- ищут возможности вступить в брак с москвичами и прописаться в Москве. Цены таких браков переменные, в основном зависят от соглашения сторон. Московские конторы регистрации браков весьма усердно препятствуют их заключению -- устанавливают максимальные сроки ожидания, требуют множество головомозных справок. Суды при расторжении браков, где один из супругов был иногородним, имеют инструкцию не просто расторгать такие браки, а объявлять их недействительными. Юридически из этого следует, что супруг, получивший в результате брака московскую прописку, будет ее лишен и выдворен из Москвы.

Привилегии могут быть ведомственными, национальными, могут определяться послужным списком, вхождением в определенный клан и т. п. Приведем несколько разрозненных примеров /.../

Работники системы министерств просвещения имеют право вне очереди получать для своих детей места в детских садах. В то время как другие бы-

вают вынуждены идти на любую низкооплачиваемую работу в детские сады и школы, чтобы устроить своего ребенка.

Грузинский колхозник имеет право на приусадебный участок площадью до 0,5 гектара, колхозник в РСФСР — до 0,35 гектара. Сами понимаете, 0,5 га в Грузии и 0,35 га в Вологодской области — разница существенная.

Если ваши родители жили в деревне, имели дом и приусадебный участок, то вы по наследству имеете право на этот дом и на участок, хотя бы вы сами и жили в городе. Если же умирают деревенские жители, у которых нет наследников, то их дом остается безхозным, купить его вы не имеете права.

Татарский колхозник и башкирский колхозник имеют право содержать в личном хозяйстве лошадь, российский колхозник этого права не имеет.

Житель РСФСР имеет право построить дом с жилой площадью до 60 кв. м, житель Литовской ССР — до 240 кв. м.

В Казахстане живут представители многих национальностей — казахи, русские, татары, немцы, корейцы, калмыки, украинцы. Казахи в этом числе составляют около 45%, зато в высших учебных заведениях Казахской ССР число студентов-казахов доходит до 95%.

Большие привилегии дает работа в системе торговли. Эти люди всегда имеют доступ к дефицитным товарам, они в состоянии обеспечить себе материальный уровень жизни намного выше среднего за счет спекуляции, хищений и взяток. За их счет кормится милиция, в особенности отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности. Милиция никогда не ловит всех жуликов, а соблюдает меру, оставляя себе поле деятельности на будущие времена. /.../

Итого

Советский строй ничего общего с социализмом не имеет. Если пытаться сформулировать название этой системы, то ее следует назвать „клерикально-олигархическим“ феодализмом. Роль господствующей религии здесь играет марксизм, роль папы римского — генеральный секретарь, роль кардинальского синклита — Политбюро, роль Святейшей инквизиции — КГБ, роль молебнов — политзанятия, роль Библии — сочинения Ленина, неоднократно подвергавшиеся стрижке.

Общecerковная собственность называется здесь государственной: суды, милиция и прокуратура соблюдают не законы, а интересы господствующей олигархии (не забывая о своих собственных). Крестовые походы называются здесь выполнением интернационального долга, доносы и предательство воз-

ведены в ранг героизма, проявление свободы мысли расценивается как ересь и называется „идеологической диверсией“.

Крепостное право существует в виде всеохватывающей паспортной системы с ведением личных досек на каждого жителя с момента поступления в школу и до смерти. Место жительства человека определено его пропиской в паспорте и может быть изменено только с ведома и согласия властей. Выезд за границу разрешается только с согласия районного комитета партии на строго установленный срок. При возвращении из-за границы подвергаются таможенной проверке все носители информации; книги, журналы, газеты, видео- и магнитофонные ленты конфискуются — нежелательная информация не должна проникать в страну.

Производственные отношения соответствуют феодальному характеру государства: принудительная работа на субботниках, обязательная отработка в течение трех лет после института по „распределению“ каторжный труд для заключенных, издательские подочные налоги, двухмесячная задержка расчета при увольнении...

Так что если вы читаете в советской газете о том, что выпускники 10-го класса сельской школы где-то в Ивановской области все дружно остались работать в колхозе, то знайте — им просто не выдали аттестаты, а послали на отработку в колхоз. Аттестаты им выдают потом, когда они отработали на этих фермах 2—3 года, а тем временем подрастут новые крепостные, кого можно послать на эту барщину.

*

Вообще говоря, как только произнесено слово „феодализм“, так вся хаотическая мозаика советского образа жизни начинает вдруг выстраиваться в цельную и не противоречивую картину. Словно по мановению волшебной палочки, все кусочки этой мозаики находят свое место и свою роль.

Взять хотя бы чудовищную сессию ВАСХНИЛ в августе 1948 года. Люди старшего поколения хорошо помнят этот разгул мракобесия, нанесший по советской биологической науке удар такой силы, что она от него не оправилась и по сей день. В тюрьме умер академик Н. И. Вавилов, по лагерям и ссылкам прошли академик Н. П. Дубинин, профессор Н. В. Тимофеев-Ресовский и многие, многие

другие. Статья о генетиках в газете „Правда“ могла называться, например, так: „Мухомулы-человеконенавистники“. Любый школьный учитель, хотя бы раз упомянувший перед учениками слова „генетика“, „гены“, „хромосомы“, безжалостно увольнялся.

Поглядите на тех, кто организовал этот шабаш и дирижировал им. — Лысенко, Презента и им подобных. Недоучки, плагиаторы, втершиеся обманом и демагогией в доверие к всеильному диктатору, они выкорчевывали из науки всех мыслящих людей, всех, кто мог представлять для них даже теоретическую опасность разоблачения. Да ведь это в новом обличье те же самые инквизиторы, которые сожгли Яна Гуса и Джордано Бруно, которые провели через все круги унижения Галилея, это те же самые фанатики-муллы, которые всадили нож в спину Улугбеку и обрекли на вечное скитание и бегство Авиценну.

И так продолжается до наших дней.

В журнале „Огонек“ № 7 за 1987 год напечатана история о том, как в здании Министерства внутренних дел Карельской республики в Петрозаводске на протяжении многих лет функционировал пыточный застенок, как советские гестаповцы ломали людям черепа и кости, отбывали почки и селезенки. Символично, что во время войны в этом здании действительно размещалось гестапо (стены, что ли, источают пыточные флюиды?). Герой-прокурор, рискуя собственной жизнью, разоблачил эти злоупотребления. Ау, где вы, герой-прокуроры, которые разоблачат такие же мерзости в Астрахани, Иркутске, Ростове и многих других городах — несть им числа.

...Живет в Москве коммунист Федор Федорович Козырев-Даль. Много лет работал он первым секретарем Краснопресненского райкома КПСС. И была в том Краснопресненском районе овощная база, сокращенно ОРПО. И написала газета „Московская правда“ 7 января 1987 года:

„К длительным срокам лишения свободы за хищение государственного имущества в 1985 году были осуждены начальники цехов Краснопресненского ОРПО Лейкин и Пиманкин, весовщик Макаров. Первые два были назначены на руководящие должности, несмотря на судимость, а Макаров, имевший доступ к товарно-материальным ценностям, был ранее признан судом особо опасным рецидивистом“.

Остается только добавить, что сам Федор Федорович Козырев-Даль в 1987 году получил повышение и теперь занимает должность председателя Московского областного агропрома; по существу, руководит всем сельским хозяйством Московской области. Очевидно, его опыт подбора и расстановки руководящих кадров в Краснопресненском ОРПО признан достойным распространения. Уж он-то кадры подберет, уж он-то их по правильным местам расставит!

И какую уродливую сторону советской жизни мы ни возьмем — бюрократизм, казнокрадство, пьянство, преступность, покорность унетенных и начальственное самодурство, запустение земель и отравление рек, коновалов-врачей и невежд-педагогов — не надо говорить, что якобы „эти явления чужды социализму“. Социализму они, может быть, и действительно чужды, но пока еще мы социализма не видали, а вот при феодализме все эти безобразия просто естественны, — наши все эти уродства, родные, феодальные!

*

Перед тем как закончить эти заметки, сделаем три замечания.

Во-первых, марксизм учит, что отсталый общественный строй неминуемо должен уступить свое место более прогрессивному строю, при котором обеспечивается более высокая производительность общественного труда. Историческая судьба советского феодализма — крах; место его — на свалке истории. Тот факт, что это феодализм советский, существа дела не меняет, конкуренции с капитализмом ему не выдержать.

Во-вторых, как когда-то основы капитализма сложились и вызрели в недрах феодализма, как сейчас прорастают и вызревают они в недрах феодализма советского, так и основы будущего социализма сложатся и будут вызревать в недрах капитализма. Мы не можем сейчас предсказать, какие формы примет этот будущий социалистический строй, ясно только одно — на советский он не будет похож.

Наконец, чем объяснить то, что в свое время довольно убедительно звучала демагогия советских лидеров о „преимуществах социалистической системы плановой экономики“? Здесь сыграли роль два фактора. Первый из них общеизвестен, это исполничные природные богатства Советского Союза, которые бездумно, хищнически транжирились на протяжении 70 лет советского правления. Второй фактор следует отметить особо — это поразительная талантливость и трудолюбие нашего народа. Нет в мировой истории второго такого народа, у которого на протяжении полувека трижды истребляли бы под корень всю интеллигенцию, а этот народ выдвигал бы ее снова и снова. Нет второго такого народа, который был бы согнан с земли, загнан на каторгу, оплетен паутиной предатель-

ства и слезки, но сохранил бы при этом чувство юмора и не озлобился.

Обоим этим факторам приходит конец. Природные богатства разграблены, лес сведен и продан за границу, черноземы истощены и развезены пыльными бурями, нефть переместилась на Крайний Север, реки и озера отравлены, а дальнейшее освоение природных богатств начинает обходиться очень дорого. Что же касается русского народа, то обезземеленный, перестрелянный гитлеровскими фашистами и сталинскими коммунистами, оболваненный марксизмом и отравленный водкой, он в изрядной мере растерял свои качества. Вспомним стихи Некрасова, обращенные к русскому народу:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил,
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?

Ответить на этот вопрос сможет только сам русский народ.

ЛЕВИЦКИЙ Сергей

Очерки по истории русской философской и общественной мысли. В двух томах.

1983, т. 1, 2-е изд., 216 с.

22 нм

От Киевской Руси до XIX века: Киевская и Московская Русь. Первый церковно-идеологический конфликт. XVIII век. Ранние славянофилы. Западники-гуманиты. Западники-отрицатели. Шестидесятники. Русское „просвещение“. Почвенники. Ф. М. Достоевский. Философия жизни и смерти у Л. Толстого. Идеология народничества. Владимир Соловьев.

Проф. С. Г. ПУШКАРЕВ

Роль Православной Церкви в истории России

1985, 128 с.

28 нм

В книге фотоспособом воспроизведены труды русского историка, профессора С. Г. Пушкарева, изданные им в Чехословакии мирного времени: „Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности“ (1938) и „Святыя-Троицкая Сергиева лавра“ (1928). В первой части излагается история и деяния Русской Православной Церкви с X века до революции. Во второй — житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского, история и деятельность основанного им Троице-Сергиева монастыря (с 1744 года Троице-Сергиевой лавры). Книга особенно важна к 1000-летию Крещения Руси (988—1988).

Военно-интеллектуальная сфера

О. АЛЕКСАНДРОВ

В сферу военного дела в Советском Союзе втянуто около 10 миллионов человек. А косвенно, если считать и всю военную промышленность, с ним связано до 30% населения.

Сама Советская армия — явление весьма разнородное. В частности, офицерский состав делится на две обширные категории.

Первая — младшее офицерство: лейтенанты, капитаны, вплоть до майоров. Жизнь их довольно неприглядная: лейтенант, например, зарабатывает от 120 до 160 руб. в месяц, включая надбавки, старший лейтенант — от 140 до 190 руб., капитан — от 150 до 200, майор — от 190 до 250 руб. Заработок же советского полковника колеблется от 240 до 400 руб. в месяц...

Армейский отпуск — 30 дней, но в будни рабочее время практически не нормировано, военнослужащие фактически заняты с утра до вечера. Многие армейские гарнизоны расположены далеко от центров, в глуши. Питание хоть и гарантированное, да скверное.

Вторая категория — это военный истеблишмент Москвы, Ленинграда и других крупных городов, представляющих собою центры военных округов: Минска, Читы, Хабаровска, Тбилиси, Львова, Одессы, Риги, Куйбышева, Киева, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Алма-Аты, Ташкента, Свердловска. Это — сотрудники Генштаба, региональных штабов, военных округов, военные чиновники — офицеры. По данным США — их более миллиона. И оклады у них, конечно, уже совсем другие; это элита советского общества.

Существует и промежуточный слой военных технических специалистов. Вполне естественно, что лучшие из них всеми силами стремятся из рутинной армейской жизни перейти в категорию привилегированных.

Внутри привилегированного слоя особое место занимает Генеральный штаб, учреждение, несправедливо забываемое при анализе структуры советской власти. Ведь Генеральный штаб — не только военное командова-

ние, а в некотором смысле и идейный центр. В нем не только вынашиваются военные планы, но и формируется историческая концепция (что можно использовать из наследия имперской истории, из истории царской армии, как понимать события Октября 17-го года). В Институте военной истории, в военных секциях гуманитарных институтов (например, в Институте истории) за последние годы по заказу Политуправления армии было создано несколько десятков тысяч публикаций на военно-патриотические темы.

Следует отметить, что интеллектуальная роль Генштаба часто недооценивается, вызывая пренебрежение. Более того, в советском „либеральном” сознании в данном вопросе происходит какое-то странное „незамыкание цепи”: вспоминая, например, свои университетские или институтские годы, многие признают, что сплошь и рядом наиболее талантливых студентов сманивали именно в военные учреждения, и вместе с тем считается, что там сидят одни тупицы.

Между тем, интеллектуальные задачи, стоящие перед Генштабом, по-настоящему масштабны. Возьмем, к примеру, задачу создания самолета образца... 2000 года: разве не ясно, что для ее решения требуется координируемая работа десятков научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро со всей их экспериментальной и промышленной базой.

Масштабность такой задачи имеет далеко идущие последствия. Из каких материалов будет построен самолет, каковы будут его двигатели, электроника — в 2000 году? Все это требует от Генштаба и сопричастных и подведомственных ему учреждений сложнейшего перспективного анализа. Так весь, так сказать, футурологический потенциал данного вопроса концентрируется вокруг Генштаба.

Или взять задачу создания или кардинальной модернизации военно-морского флота. Ныне это не просто „флотилия” кораблей, но сложная система с соответствующими наземными базами, береговыми сооружениями и т. д. В данном случае Генштабу необходимо четко объяснить важность новых меро-

---

Статья написана на основе доклада, прочитанного 10 октября 1986 года на собрании рабочей группы „Посева” в Нью-Йорке.

приятий, то есть в конце концов сформулировать государственно-стратегические задачи — перед лицом Высшего Военного Совета (являющегося, по-видимому, одним из важнейших негласных учреждений СССР). Естественно, подготовка такого обоснования занимает не год и не два и втягивает в свою сферу не только военных, но и технических и гуманитарных работников, из которых Генштаб старается отобрать лучших, представляя им большие материальные возможности.

Теперь мало кто знает, что в начале века Россия была ведущей в военно-интеллектуальной сфере. На этом поприще выдвинулись такие блестящие специалисты как начальник Императорского Генерального штаба Н. Н. Обручев, отец известного академика Обручева, или генерал Головин, автор фундаментального труда „Наука о войне“, преподававший после революции во французской военной академии Сен-Сир. И знаменательно, что если на Западе сейчас общая философия военного дела не в фаворе, то в СССР эти дореволюционные традиции, кажется, возрождаются...

Концентрация значительных умственных и интеллектуальных сил в стенах военных учреждений, их умение мыслить в глобальных и перспективных категориях и тянущиеся от них к национальным традициям нити — ставят перед нами вопрос: что мы можем сказать этим людям такого, чего они и без нас не знают? Ответ, по-видимому, лежит в двух планах: большом — долгосрочном и малом — будничном, повседневном.

Начнем с малого и повседневного. Генштаб, естественно, получает западную военную литературу, подписан на такие журналы как „Jane's Defence Weekly" или „Wehrkunde". Однако не следует полагать, что они широко доступны в военной среде или что у многих офицеров есть возможность за ними систематически следить и делать обобщающие выводы.

Поэтому периодические обзоры западной военной печати, написанные с независимых позиций, бесспорно привлекают интерес. Не менее существенно освещение внешних проблем. Здесь картина сильно искажается как советским, так и американским восприятием мира.

Согласно недавнему опросу американского Госдепартамента — в сфере советологии в США в 1958 году было занято около 10.000

человек. Если б разом распахнуть двери всех этих советологических центров, бюро, контор и использовать все имеющиеся данные об СССР, — можно б было составить весьма полную и реальную картину положения в Советском Союзе. Однако в силу сложных причин картина эта раздроблена на множество лишь косвенно взаимодействующих фрагментов; из мозаики не составляется целого.

Потому-то всякая крупная промышленная фирма, получающая военные заказы, вынуждена изыскивать собственные пути информации, содержать свой технический архив и даже... сама добывать интересующие ее разведывательные данные.

Аналогичное явление наблюдается и в свободных от тоталитаризма странах Европы, где частные фирмы, добывающие информацию собственными путями, настолько локально специализированы, что те, кто занимается наземным оружием, мало представляют происходящее, например, в авиации; а располагающие более синтетичными сведениями спецслужбы сидят на имеющейся информации и, как правило, не делятся ею.

В СССР вся информация централизована и подобных проблем существовать не должно; но на деле возникают другие. Из-за централизации преобладают сугубо конвенциональные схемы. Каждая новая модель оружия — всего лишь модернизация существующей; подавлены эксперимент, поиск; решение радикальных вопросов откладывается; гигантские деньги тратятся на пережевывание одного и того же. После многолетних разработок создается модель, которая в принципе уже не нужна: рывка вперед так и не происходит...

В отстойке западных источников информации о советских вооруженных силах очень важную роль сыграло Хельсинкское соглашение. Согласно ему — СССР обязан ставить своих западных партнеров в известность о всех маневрах, в которых участвует более 25.000 человек, и западные офицеры присутствуют на этих маневрах в качестве наблюдателей. Этот порядок существует уже 10 лет; наблюдение на маневрах стало главным инструментом познания того, что происходит в Советской армии. Есть три человека — генерал Франц Хаубель из Австрии, который бывал на всех маневрах и фактически живет в Советском Союзе, Джованни Балди из Италии и бригадный генерал Жан Рене Брессон

из Франции: они стали экспертами по советской военной теме, и вокруг них образовалась группа — человек 250 — западных военных, которые тоже постоянно бывают в СССР. С советской стороны несколько сот офицеров столь же постоянно бывают на западных маневрах. Все это приподняло „железный занавес” и способствовало, между прочим, тому, что советские публикации на военные темы сделались более интересными.

Общее впечатление западных наблюдателей от советских маневров — весьма нелицезное. Например, даже в наиболее дисциплинированном Ленинградском военном округе не бывает случая, чтобы парашютный десант не кончался трагически: цена человеческой жизни в СССР неизменно мала.

Правда, качество советской артиллерии по-прежнему превосходно, но это превосходство сводит на нет слабая тактическая подготовка войск. С точки зрения военного мастерства и общего уровня подготовки, на первом месте среди армий Варшавского пакта сегодня стоит армия ГДР. Неудивительно, что интерес к ней среди советских военных очень высок: многие из молодых стремятся попасть в военную академию имени Энгельса в ГДР.

Советский военно-морской флот на мировом океане находится в непрерывном взаимодействии со своим потенциальным противником, и здесь наблюдение за ним ведется самое непосредственное. Не подлежит сомнению, что гигантский военно-морской флот, остроенный за последние десятилетия фактически с нуля, ложится колоссальным бременем на экономику страны. Флот этот продолжает расти, строится большое количество авианосцев. А ведь когда спускается на воду новый авианосец, то лишь количество сопровождающих его судов доходит до полусотни.

Современный военный корабль должен иметь противолодочное оборудование и систему электроники, которая обеспечивает обнаружение противника на очень большом расстоянии. Эта аппаратура требует много места, что в корне меняет архитектуру корабля. Корабли, спущенные на воду в 90-х годах, будут мало напоминать сегодняшние. Журнал „Jane's” пишет, что в Советском Союзе принята концепция: в два раза больше площади на тонну веса, чем раньше. На 40% возрастает личный состав военно-морского флота, и в корне меняется соотношение меж-

ду рядовым и офицером: штатное расписание команды советского крейсера сегодня — 700 человек, из них 550 офицеры-электронщики. Корабли не только увеличиваются вдвое по своему размеру, но еще должны быть рассчитаны, по советским правилам, на противоатомную защиту, то есть иметь герметизированную надводную часть. Такой корабль уподобляется подводной лодке, у которой внешние отверстия сведены к минимуму. Это усложняет проблему жилых помещений на кораблях и грозит большими психологическими трудностями для экипажа. Корабельное электронное оборудование требует вентиляции, примерно в шесть раз большей, чем в 70-х годах. Как пишет „Jane's”, нынешний советский корабль должен обработать 11 тысяч тонн воздуха в сутки. Что касается авианосцев, то чрезвычайно увеличился вес стартующих с них самолетов. Поэтому если во Второй мировой войне на больших американских авианосцах размещалось от 100 до 120 машин, то сейчас их максимум 10. Все это требует новых конструкций и новых материалов, и в будущем предполагается строить корабли из армированных пластмасс. Однако, как известно, в СССР использование военных достижений в гражданской промышленности едва ли не нулевое, и развитие соответственной новой технологии вряд ли даст экономике большой выигрыш.

Эта проблематика, например, позволяет нам перекинуть мостик — к делам долгосрочным. Начнем с того: зачем столько авианосцев? Опыт Фолклендской войны показал, что любой большой корабль (стоящий действительно колоссальных денег), как его ни защищай, весьма уязвим для ракет. Аналогичный пример с танками. В СССР самый большой парк танков. Содержать его и модернизировать — тоже стоит чрезвычайных затрат, иначе он превратится в горы металлолома. Между тем опыт недавних войн на Ближнем Востоке показал, что современное противотанковое оружие способно выбивать около 60% танков в первые пять минут боя. Спрашивается, зачем же строить и содержать столько танков, которые запускаются и очень скоро устаревают?..

Вот тут, в этом абсурде, и скрывается конфликт военного мастерства, его мобильности, блеска с существующей системой власти. Сверхцентрализованная, рутинная, инертная, она не только не эффективно тратит на-

родные средства и достояние, но и тормозит деятельность и „мозг” Генштаба. Этот конфликт четко виден в Афганистане, где военные операции сводятся к тактике выжженной земли и погоне за партизанами на дорогах стоящих вертолетах. Все это ведет к деградации военного мастерства — в целом.

*

Наше политическое внимание должно быть направлено не на описание пьянства среди солдат (вещь традиционная), воровства среди старшин или того, как развлекаются с девками офицеры (и это в традициях любой армии), а на абсурдность той военной машины, которая сложилась в СССР в силу причин, имманентных коммунистическому режиму, на то нелепое положение, в которое власть ставит военных специалистов.

Если предположить наличие государственных мыслящих конструктивных сил в Ген-

штабе и Советской армии вообще, то есть тех, кто настроен патриотически, деловито и не коррумпирован до конца обстоятельствами, то мы должны показать, что понимаем их нужды, понимаем, что существующая система протитуировала военное искусство (в частности, тем, что в СССР все еще продолжают делать ставку на чудовищное атомное оружие).

Конечно, все это порождает множество мировоззренческих и философских вопросов. Что есть война в жизни человека? Является ли она исконным и имманентным фактором в существовании человечества? Нужно ли думать, что войны будут всегда? Обязывает ли трагическое восприятие действительности к выводу, что от войны никуда не уйдешь, но вести ее надо искусно и малой кровью? То есть пользуясь *правилами и искусством войны*, находящимися в явном противоречии с тоталитарной машиной...

Разве может это противоречие устраивать „конструктивных” генштабистов в СССР?

● ЭКОНОМИКА

Семейный подряд и Столыпинская реформа

О. ХАЗАРОВ

При рассмотрении характера и смысла реформ, которые проводит или собирается проводить Горбачев, подчас делаются сравнения с реформами времен нэпа, а в области сельского хозяйства и... с реформами Столыпина и даже Александра II. Нужно сказать, что политика советской власти в период нэпа переключалась с теми идеями, которые стремился провести в жизнь Столыпин. В частности, возобновился практически прекратившийся после убийства Столыпина процесс выхода крестьян из общин на хутора и отруба.

Особый интерес вызвали появившиеся недавно в советской печати сообщения о введении так называемого „семейного подряда” в сельском хозяйстве, и, в частности, многие видят именно в нем возврат к столыпинской реформе.

Что же такое „семейный подряд”? В общих чертах его можно описать так: одна семья получает от колхоза или совхоза землю или же животноводческую постройку и скот, обычно с землей для выращивания кормов. На этой земле, на этой животноводческой ферме семья хозяйствует на свой страх и риск, как умеет. Она обязана сдать какое-то количество продукции колхозу или совхозу и получает за это какое-то вознаграждение.

*

Опыт „семейного подряда” начинает накопляться, хотя юридического статуса эти объединения еще не получили. И отсюда возникает ряд принципиальных вопросов.

Прежде всего — какова степень свободы хозяйственной деятельности взявшей подряд

семьи? Может ли она сама определять, что и где выращивать? А если она будет связана планом, — насколько этот план будет жестким?

В важном вопросе обеспечения инвентарем и машинами неясными остаются размер и порядок оплаты — натурой или деньгами — за их использование. Известно, что ранее, когда вся сельскохозяйственная техника была в ведении МТС (машинно-тракторных станций), многие колхозы пытались отказываться от их услуг из-за непомерно высокой оплаты, за что председатели колхозов сажили в лагерь „за антимеханизаторские тенденции“.

Затем — какие имеются гарантии, что семья, взявшая подряд, будет обслужена колхозными машинами, если не в лучшем, то хоть в приемлемые сроки? Каковы вообще гарантии, что не будет дискриминации со стороны колхозного хозяйства, за успех деятельности которого руководство колхоза отвечает в значительно большей мере, чем за успех семейного подряда?

Весьма существенное значение имеют как срок договора на семейный подряд (однолетний или многолетний), так и право семьи на его возобновление. Известно, что общинно-передельная система землевладения имела пагубное влияние на урожайность. Даже при больших сроках между переделами (подряда десяти лет) крестьяне не были заинтересованы в поддержании высокой урожайности земли, а в последние годы перед неизбежным переделом просто переходили на хищническую эксплуатацию, и земля катастрофически истощалась. При краткосрочном семейном подряде возникновение такой опасности крайне вероятно, а потому столь же крайне необходимо обеспечить право семьи на возобновление договора. Но так же необходимо юридически защитить семью от произвольного отказа ей в продлении подряда и от возможного вытеснения семьи с подряда (например, путем неоправданного, непосильного завышения плана или обязательства выращивать нерентабельные культуры).

Остается неясным вопрос социальных прав взявших семейный подряд членов колхоза или совхоза. Например, каково их обеспечение в случае болезни, имеют ли они оплачиваемый отпуск, пенсионное страхование? Имеют ли они право принимать участие в выборах колхозного председателя; могут ли пользоваться правом на приусадебный уча-

сток и личный скот? Наконец, будут ли они застрахованы от природных бедствий, из-за которых они не смогут выполнить взятые на себя обязательства?

Поскольку институт семейного подряда еще юридически не оформлен, его приравнивают к бригадному подряду, внося тем самым еще большую неясность в определении специфики нового эксперимента. Прежде всего, семья, берущая подряд, в отличие от бригады, значительно более устойчивая во времени и по составу социальная формация. Она связана не только родственными узами, но и естественными общими экономическими интересами. Бригадный подряд основан на интенсификации труда, на личной заинтересованности, но не на свободе хозяйствования. Технология свободы хозяйствования при бригадном подряде, выбор культур и многое другое, столь же стеснены, как у других колхозников. Работа бригады ограничена задачей подряда и не связана с долготным использованием одним и тем же участком земли. Стоит еще добавить, что из ведения бригад полностью выпадают вопросы сбыта продукции — она в ся сдается колхозу (или совхозу).

Как видим, приравнивание семейного к бригадному подряду никак не правомерно и, возможно, проводится, помимо указанных уже выше юридических причин, для успокоения твердолобых марксистов, которые подозревают в семейном подряде возврат к частной собственности на землю.

В одной из статей в газете „Известия“ описан такой, вероятно, весьма характерный случай. Городская семья обратилась к председателю одного совхоза с предложением начать работать на пустующей животноводческой ферме в брошенной жителями „неперспективной деревне“. Председатель совхоза им отказал: мол, не для того была революция, чтобы снова разводить частников-„кулаков“. В газете председателю совхоза разъяснили, что эти люди не кулаки, что это не восстановление частной собственности, а „использование творческой и трудовой инициативы трудящихся“. И что семейный хозрасчетный подряд ничем не отличается от бригадного хозрасчетного подряда, так как и земля, и скот, и ферма остаются общественной собственностью. Каковы должны были быть условия оплаты этой семьи, из статьи неясно. Указано лишь, что по договору семья должна сдавать совхозу какую-то часть

продукции, остальное должно было оставаться ей в качестве заработка.

В той же статье рассказывалось об опыте работы таких „семейных бригад” в Эстонии. И мы узнаём, что семья вместо того, чтобы отозвать свою долю продукции на рынок, обязана ее сдавать на молокозавод по государственным ценам. Таким образом, сбыт продукции изъят из ее ведения, она не может по своему усмотрению распоряжаться даже той частью продукции, которая по договору принадлежит ей. Нужно сказать, что в этом отношении семья, взявшая подряд, оказывается в худшем положении, чем рядовые члены колхоза или работники совхоза: те нередко получают часть своего заработка в виде так называемой „натуроплаты”, то есть продуктами, производимыми в колхозе или совхозе. Эти продукты они имеют право продать на рынке, следовательно, по цене, значительно превышающей государственную.

Вернемся еще раз к вышеуказанному случаю, когда семья выразила желание работать в брошенной жителями деревне. Таких людейщих деревень с заколоченными, полу-сгнившими домами и перекосившимися сельскохозяйственными постройками сейчас множество по всей стране, но особенно их много в нечерноземной полосе. И как раз там они — безмолвные свидетели очередной бездумной кампании власти по ликвидации „неперспективных деревень”. Урон сельскому хозяйству, материальный и моральный, был нанесен огромный. Сейчас все чаще и громче звучат протесты против такого преступного отношения к национальному богатству. Тем не менее, местные власти, отжившей идеологии ради, воспротивились возможности исправить положение путем предоставления пустующих земель и ферм семьям, готовым там работать.

Это — один из множества примеров, показывающих, насколько сложен и запутан вопрос оздоровления сельского хозяйства, и сколько трудностей и препятствий стоит на пути к его разрешению.

*

Подведем первый итог: даже на основании далеко еще не полной картины того, что собой представляет нынешний семейный подряд, мы приходим к выводу, что этот эксперимент ничего общего со стальной ре-

формой не имеет. Предполагаемое сходство — только внешнее: живет семья вне колхозного жилого массива, вроде как на „стольпинском хуторе”, рамки же ее хозяйственной деятельности от основ тех реформ резко отличаются.

Главным стержнем стольпинских реформ была передача земли крестьянам из общинно-передельного владения в полную частную собственность. Крестьянин даже до стольпинской реформы пользовался большими правами и большей свободой хозяйствования, чем семейный подрядчик сегодня. Он мог сам выбирать, что сеять, какой скот держать, он мог иметь любое количество скота, сооружать любые сельскохозяйственные постройки, владеть тягловой силой, оборудованием и машинами. Все эти социально-экономические факторы полностью отсутствуют в практике семейных подрядов.

*

Чего можно ждать от внедрения нынешних семейных подрядов? Вероятно (да и то не везде), последует некоторое увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Но и такое развитие зависит от того, насколько будет мешать колхозное и прочее руководство хозяйственной деятельности семейных подрядчиков. На особую помощь рассчитывать им, вероятно, не приходится. Мешать же будет многое. Стремление властей навязать нерентабельные культуры. Непомерный план сдачи продукции. Большая заинтересованность руководства колхозов и совхозов в успехах коллективного сектора, чем в успехах семейного подряда. Стремление эксплуатировать труд семейных подрядчиков, лишая их законного заработка (который, конечно, будет выше, чем у рядовых колхозников). Делать это будут, в частности, под предлогом „борьбы с нетрудовыми доходами”.

Успехи, которые могут быть достигнуты отдельными семьями, взявшими подряд, будут, вероятно, кратковременными. Рокующую роль сыграет уже упомянутая нами опасность истощения земли, находящейся лишь ограниченное время в пользовании тех, кто ее обрабатывает, то есть те же причины, которые привели в упадок российское сельское хозяйство до проведения стольпинских реформ.

Сложность в определении, кому принадлежит продукция, полученная при семейном подряде, неизбежно приведет ко всяческим махинациям, воровству и взяточничеству. Например, молоко, полученное семьей, подрядившейся работать на молочной ферме, может либо подлежать сдаче колхозу или совхозу (тогда семья получит очень низкую, так называемую, „заготовительную” цену), либо может пойти в счет вознаграждения труда семьи (то есть будет сдано на молокозавод уже по более высокой „закупочной” цене), либо может быть ею продано на рынке по еще более высокой цене, как полученное от собственной коровы.

Добавим к этому — отсутствие гарантий на соблюдение прав и свободы в хозяйственной деятельности семейных подрядов, отсутствие надежд стать хозяином своего труда.

При таких условиях, если они не будут изменены, интерес крестьян к семейным подрядам будет снижаться, но исчезнет к

ним и интерес государства, поскольку при ослаблении личной заинтересованности семейных подрядчиков будет падать и их производительность. Иными словами, затея с семейными подрядами в нынешней их форме скоро зайдет в тупик, разделив участь любых паллиативных мероприятий, основанных на полумерах.

Единственная форма, при которой семейный подряд сможет стать устойчивой экономической единицей, это — классическая арендная система. В такой системе семья арендует землю на продолжительный срок, расплачивается за аренду продукцией или деньгами, а в остальном пользуется полной свободой хозяйствования, в частности, свободным выбором способа сбыта своей продукции. Возможно, что именно арендная система обозначит самый надежный и безболезненный путь передачи земли в частную собственность, превратив семейного подрядчика в ответственного за землю и свой труд хозяина.

«ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ»

Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи
(Август 1918 — февраль 1920)

Впервые публикуются отдельной книгой материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. Издательству «Посев» удалось получить одну из трех известных копий следственных протоколов.

Цель нашей публикации не в том, чтобы издать еще одну книгу об убийстве Царской семьи, изложив в ней новые теории или гипотезы. Мы публикуем только документы. Почти все эти документы публикуются впервые. Экземпляр протоколов, которым мы располагаем, принадлежал генералу Дитерихсу, принимавшему в 1919 году активное участие в следствии. При сверке его с экземпляром протоколов следствия, лично заверенным следователем Соколовым и хранящимся в архиве Хаутонской библиотеки при Гарвардском университете, оказалось, что в гарвардском экземпляре не хватает целого тома. Следовательно, обработанный нами экземпляр позволяет дополнить гарвардский текст рядом важных материалов.

Хотя не было никакой возможности, из-за обширности материала, опубликовать все тексты, мы, печатая 277 из наиболее важных документов, отобранных составителем, даем читателю возможность проследить ход расследования, оценить проделанную следователем работу и составить обоснованное мнение о судьбе Царской семьи.

Составитель этого сборника — Николай Росс, историк, автор книги «Врангель в Крыму». Над этим сборником он работал несколько лет: написал к нему введение, подготавливающее читателя к чтению документов, составил сотни ценных примечаний, необходимых для понимания книги, снабдил этот труд именным указателем, планами, картами.

В книге будет 650 страниц, она издается на высококачественной бумаге, в твердом переплете с золотым тиснением, с фотографиями. Формат — 19 x 27 см. Книга выйдет в 1987 году. Ее розничная цена — 200 нем. марок.

О причинах Февральской революции

Н. РУТЫЧ

Была ли Февральская революция исторически неизбежна?

Этот вопрос продолжает стоять вот уже три четверти века, ибо вслед за обвалом традиционной российской государственности в том же 1917 году наступил Октябрь, а с ним — подавление всех свобод в России: разгон Учредительного собрания и установление однопартийной диктатуры. Ради оправдания Февральской революции издавались и издаются бесконечное количество печатных материалов, где она рассматривается лишь как „важнейший этап“ к Октябрю. Ее внезапный и случайный характер объясняется „революционной ситуацией“, в которой якобы находилась Россия во время Первой мировой войны. Подводя фундамент под „ленинскую теорию социалистической революции“, авторы даже последних трудов, вышедших в СССР, обычно забывают, что сам творец этой теории заявил в Цюрихе в январе 1917 г., что он не рассчитывает дожить до этой „грядущей революции“¹.

Поэтому для восстановления исторической правды о Февральской революции первостепенное значение имеет мемуарная литература, опубликованная за рубежом (равно как и малодоступные публикации Центрархива 20-х гг.), а также труды таких историков-эмигрантов, как С. П. Мельгунов („Мартовские дни 1917 года“) или Г. М. Катков („Февральская революция“). Разумеется, нельзя игнорировать и трудов, посвященных 1917 году, вышедших из-под пера историков во всем мире, и, прежде всего, в США. Вышло немало монографий, вперые вводящих в историческую науку материалы из богатейших коллекций американских университетов, как, например, монография Вильяма Розенберга о либералах в русской революции². И уже совершенно невозможно игнорировать германские официальные документы о финансировании Ленина и его группы во время Первой мировой войны, опубликованные Земаном в 1958*.

К этому следует добавить, что в самое последнее время ряд советских историков, оставаясь в рамках официальной доктрины, позволяют себе в изложении фактической стороны событий пользоваться данными, опубликованными не только в иностранной литературе, но и в трудах историков-эмигрантов.

Так например, В. С. Дякин³, в разделе „Шаризм накануне свержения“ (из труда „Кризис самодер-

жавия в России“, вышедшего в 1984 году), ссылаясь на С. П. Мельгунова, приводит слова А. И. Гучкова по поводу заговора осенью 1916 года, где тот признает, что сделано было „мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось“. Эти слова А. И. Гучкова, содержащиеся в его ответе на письмо С. П. Мельгунова, — один из примеров того, что труды Мельгунова стали и источником уникальных свидетельств.

*

Рассматривая с расстояния в 70 лет положение в России накануне 1917 года, никак нельзя утверждать, что по состоянию армии или по обстановке в стране можно было определить наличие предпосылок для революции.

Русская армия, — несмотря на все недостатки в снабжении и вооружении, — относительно благополучно вышла из польского мешка летом 1915 года, когда на нее был направлен главный удар армии центральных держав. Германскому командованию не удалось тогда осуществить ни одного из запланированных им окружений. Фронт стабилизировался далеко от жизненных центров страны. Армия удерживала Ригу, Двинск, Минск, остановила противника на Волыни и в Восточной Галиции. Сколько-нибудь реальной угрозы Петрограду, Киеву, Одессе, не говоря уже о Москве, — не было. Брусиловское наступление летом 1916 года возродило веру в победу: после него германское командование вынуждено было перейти на всех фронтах к обороне. В лагере союзников России царил уверенность в успехе наступления 1917 года. Но и без него было очевидно, что надо лишь продержаться, дотянуть до неизбежного поражения Германии после ожидавшегося вступления в войну Соединенных Штатов.

Возвращаясь к вопросу о „неизбежности“ Февраля, нельзя также забывать, что Россия вступила в войну 1914 года другой, чем она была за 10 лет до того, во время войны с Японией в 1904—1905 гг. В 1906 году Думская монархия сменила самодержавие. Пусть

* Germany and the Revolution in Russia 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. edited by Z. A. B. Zeman. London: Oxford Univ. Press. 1958.

еще несовершенно, но общенациональное представительство открыло общественным силам возможность влиять на решения правительства. Права монарха были ограничены — в частности, бюджетными правами Думы. Законопроекты могли стать законами только после одобрения обеими палатами — Государственной Думой и Государственным Советом.

В этих новых условиях П. А. Столыпин считал необходимым опираться на думское большинство. Отдавая должное реформам, проведенным Столыпиным, следует подчеркнуть, что в своем курсе на эволюцию он придавал тесному сотрудничеству с Думой не меньшее значение, чем проведению реформ. Именно в ходе постоянного сотрудничества с Думой Столыпин заложил основы конституционализма в России.

Вспыхнувшая летом 1914 года Первая мировая война, казалось, требовала во внутренней политике продолжения столыпинского курса, ибо только он мог обеспечить общенациональное единство. Несмотря на то, что незадолго до начала войны сменивший на посту Председателя Совета министров Столыпина его ближайший сотрудник В. И. Коковцов был уволен и вместо него был назначен престарелый бюрократ („вынутый из нафталина“, как он говорил сам о себе) Горемыкин, — все партии Думы, кроме ничтожной фракции социал-демократов, выступили за политику „внутреннего мира“. Эта политика, в глазах большинства Думы, была оправдана не только необходимостью единства народа и правительства перед лицом внешнего врага, но и тем, что в составе правительства были такие видные ближайшие сотрудники Столыпина, как министр земледелия Кривошеин, министр иностранных дел Сазонов, военно-морской министр адмирал Григорович, известные как сторонники тесного сотрудничества с Думой.

Обстановка резко изменилась к лету 1915 года. Отступление из Галиции и Польши в условиях острого недостатка снарядов и патронов раскрыло перед всем обществом неспособность военного министра ген. Сухоминова, который был отрешен от должности и отдан под суд. По инициативе нового военного министра генерала Поливанова, близкого к лидеру октябристов Гучкову, в Думу был внесен проект об Особых совещаниях по снабжению армии и промышленности с участием деловых кругов и представи-

телей Думы и Государственного Совета. Работа в Особых совещаниях показала всю трудность обстановки во время войны и в какой-то степени подтолкнула большинство фракций в Думе прийти к соглашению о „Прогрессивном блоке“. В этот блок, оживший начало устойчивому большинству в Думе, вошли все партии, кроме крайне правых и меньшевиков.

Главным требованием „Прогрессивного блока“ было создание „Министерства доверия“ во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Думой. В качестве кандидата на место главы правительства назывались и Кривошеин и генерал Поливанов. А в составе правительства могли бы оставаться некоторые прежние министры. Вопрос об ответственности „Министерства доверия“ перед Думой не ставился, и, следовательно, требование большинства Думы оставалось в рамках закона 1906 года.

В середине августа газеты начали публиковать желательный список „Министерства доверия“, в который обычно входили: от кадетов — Милюков, Шингарев, Маклаков; от октябристов — Гучков и Савич; а из старого состава правительства — генерал Поливанов, Кривошеин, Игнатьев.

В тот же тяжелый момент, 6 августа 1915 года, военный министр генерал Поливанов объявил на закрытом заседании Совета министров, что Император решил отставить главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича и, возглавив лично армию, переехать в Ставку. Почти все министры, за исключением Горемыкина, согласились с военным министром, считавшим решение Государя непоправимой ошибкой, и настойчиво просили Императора отказаться от его намерения. Министры опасались, что отъезд в Ставку приведет к изоляции Императора от общественного мнения, от Думы и от собственного правительства — что и случилось в судьбоносные февральские дни, когда царский поезд блуждал между Ставкой и Петроградом.

Исчерпав все доводы на заседании Совета министров в Царском Селе накануне отъезда Государя в Ставку, министры обратились к нему с коллективным письмом, говоря, что отъезд в Ставку „грозит по нашему крайнему разумению России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями“⁴.

Не менее важным во время правительственного кризиса 1915 года был вопрос о

сотрудничестве с „Прогрессивным блоком”. Насколько глубоко был разигравшийся в правительстве кризис, говорят уникальные протокольные записи заседаний Совета министров в августе-сентябре 1915 года, выведенные за границу помощником управляющего делами Совета министров Аркадием Николаевичем Яхонтовым. Записи Яхонтова, опубликованные в „Архиве Русской Революции” в 1926 году, — уникальный по своему историческому значению документ, до сих пор мало использованный историками. Больше других эти записи привлекли внимание Г. М. Каткова и А. И. Солженицына, поместившего обширные выдержки из них в 19 главе „Октября 16-го”. Записи Яхонтова раскрывают всю глубину правительственного кризиса, в котором, с одной стороны, обнаружилось разногласие с Государем о его роли во время войны, а с другой, — стремление большинства министров, вопреки его желанию, найти опору в Думе в сотрудничестве с „Прогрессивным блоком”.

На этих секретных заседаниях ближайший сотрудник Столыпина в прошлом, Кривошеин, упорно настаивал, что необходимо сделать выбор между двумя решениями: „или сильная военная диктатура... или примирение с общественностью”. Лично он считал необходимым соглашение с „Прогрессивным блоком”. Большинство министров, в том числе и генерал Поливанов, и адмирал Григорович, поддерживали Кривошеина. Против переговоров с думским большинством был один Горемыкин. Возражая ему, министр иностранных дел Сазонов говорил: „...считаю, что в дни величайшей войны отметить общественные элементы недопустимо, что надо единение всех слов населения”. Говоря о „Прогрессивном блоке”, Сазонов заявил: „Люди, болеющие душой за родину, ищут сплочения наиболее деятельных нереволуционных сил, а их объявляют незаконным сборищем и игнорируют. Это опасная политика и огромная политическая ошибка. Правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну полицию”⁵.

Вопреки мнению большинства министров, Дума была распущена 3 сентября 1915 года до следующей сессии, и вопрос о „Министерстве доверия” был снят. Августовский правительственный кризис, который мог бы быть легко разрешен, перерос в затяжной кризис власти.

Можно было бы упрекнуть лидеров октябристов и кадетов в том, что, получив отказ в участии в более умеренном „Министерстве доверия”, они не призвали общество доверять, дожидаться конца войны.

Но уже очень скоро после прекращения сессии Думы все министры, пользовавшиеся доверием „Прогрессивного блока” — Кривошеин, ген. Поливанов, Игнатьев и, наконец, Сазонов, были уволены один за другим в отставку. В новых составах правительства Штурмера, Трепова и Голицына уже не было сколько-нибудь близких сотрудников Столыпина, за исключением адмирала Григоровича. И это не могло не восприниматься в Думе и в стране, как отказ от столыпинского курса.

*

С отъездом Государя в Ставку назначение министров, а также направление их деятельности стало все больше и больше зависеть от Императрицы. Постепенно упуская инициативу при принятии ответственных решений, Государь как бы закрывал глаза на то, что в отличие от него Александра Федоровна никогда не мирилась с участием Государственной Думы в законодательной или контрольно-бюджетной деятельности. Еще меньше она мирилась с правом Думы обсуждать политические решения правительства.

„В своем политическом веровании, — пишет близко знавший царскую семью В. Н. Кокцов, — Императрица была гораздо более абсолютна, нежели Государь”. Письма Александры Федоровны Государю во время пребывания его в Ставке неоднократно подтверждают, как говорит Кокцов, „ее веру в неизблемость, нерушимость и неизменность русского самодержавия”⁶.

Управлять страной с такими взглядами в 1916 году, после основных законов о Думе 1906 года, было крайне рискованно, ибо не могло не вести к изоляции правительства.

Приведем еще одно свидетельство, относящееся к концу 1916 года и принадлежащее перу государственного секретаря Крыжановского, занимавшего при Столыпине пост товарища (заместителя) министра внутренних дел. Необходимо подчеркнуть, что Крыжановского никак нельзя упрекнуть в недостатке верноподданнических чувств. (Он видел в Императрице — „простую, приветливую и доброжелательную... женщину с чутким и горячим сердцем”⁷.)

7 декабря 1916 года, вспоминает Крыжановский, он был принят Императрицей Александрой Федоровной в Александровском дворце в Царском Селе — в связи с ее желанием создать из различных комитетов и учреждений, ведающих инвалидами войны и всякого рода благотворительностью, своего рода „Верховный совет“, который мог бы действовать, по ее выражению, „как министерство под моим управлением“.

Крыжановский объяснил, что ее желание едва ли осуществимо в силу существующих законов или, во всяком случае, связано с изменением ряда законов, что требует проведения дела через Государственную Думу. Тогда Государыня спросила: „И зачем Дума? Неужели нельзя править без нее?“

Крыжановскому пришлось, как он пишет, выступить в роли защитника Думы. Сущность его объяснений „сводилась к тому, что с ростом и развитием образованных классов, без которых современное государство технически существовать не может, рождается у них потребность принять участие в управлении /.../ неудовлетворение этой потребности влечет за собой попытки насильственного вмешательства в государственную жизнь, в форме революционной агитации /.../ Теперь, во время войны, — закончил свое объяснение Крыжановский, — приходится с особенной осторожностью относиться ко всякой силе, могущей затруднить положение правительства. Итак, власть не может висеть в воздухе — необходимо постараться установить с Думой возможно лучшие отношения“.

После этого Государыня перешла разговор на благотворительные темы.

Для Крыжановского было ясно, что это был отказ от стольпинского курса. Будучи помощником Столыпина, он не забывал, как он пишет в своем заключении, что Столыпин „примирил общество, если не все, то значительную часть его с режимом“⁸. Эта примиренность стала исчезать с конца 1915 года и совсем уже не чувствовалась накануне 1917 года. Но это не значит, что ее нельзя было восстановить, и было бы ошибкой считать, что Государь не видел или совсем игнорировал создавшееся положение. Он неоднократно пытался вернуться к стольпинскому курсу.

В начале ноября, как сообщает видный октябрист, Н. В. Савич, в ставку был экстренно вызван военно-морской министр адмирал Григорович. Он пользовался доверием Ду-

мы и, как пишет Н. В. Савич⁹, — „успокоил бы общество, (его — Н. Р.) министерство нашло бы моральную поддержку в большинстве Думы, наладилась бы дружная работа правительства и общества со Ставкой, что дало бы возможность безболезненно пережить кризис и продолжать войну до победы“: „Искушенный в думских делах Савич близко знал адмирала Григоровича по многолетней совместной работе в думской комиссии по обороне. По словам Григоровича, из предварительного разговора с начальником штаба Ставки ген. Алексеевым у него сложилось мнение, что ему предложат возглавить правительство. Государь встретил его крайне милостиво, однако, после переговоров с Императрицей — переменял свое мнение. Председателем Совета министров был назначен Трепов.“

Как свидетельствует советский историк Е. Д. Черменский¹⁰, в бумагах Государя было найдено несколько вариантов состава „Министерства доверия“ с участием лидеров „Прогрессивного блока“.

Наконец, уезжая в последний раз из Царского Села в Ставку, 21 февраля 1917 г., Государь отложил разговор об ответственном министерстве с тогдашним председателем Совета министров кн. Голицыным, который он намеревался провести накануне. Все эти, как и другие намерения Государя вернуться к стольпинскому курсу, остались неосуществленными: каждый раз колебания брали верх, и он снова откладывал решение.

*

Даже запоздалое решение, которое повело бы к возврату стольпинского курса в варианте „Министерства доверия“, или в любом ином, с опорой на Думу, могло положить конец затянувшемуся правительственному кризису и рассеять вызванную им ядовитую атмосферу безвременья, которую так оутело передал А. И. Солженицын в своем Уэле „Октябрь 16-го“.

Рассматривать этот кризис, как „революционную ситуацию“, нет никаких оснований. Ни положение на фронте, ни экономические трудности, ни, наконец, перебои в снабжении столицы не могли сами по себе вызвать революцию при наличии твердой власти.

Но твердой власти не было, несмотря на кажущийся всем поворот к самодержавию, которое, казалось, и должно было бы ее соз-

дать. Надо сказать, что сам этот поворот, так раздражавший Думу, общественные организации и прессу, далеко не был доведен до конца. Дума не была распущена на время войны. Назначение министра с диктаторскими полномочиями, отвечающего как за положение внутри страны, так и за военную экономику, как предлагал государю ген. Алексеев, так и не состоялось.

*

В течение полутора лет, начиная с сентября 1915 года и до самого февраля 1917 года, продолжались колебания по решающему вопросу о природе власти. Революция стала казаться многим сначала возможной, а потом и угрожающе вероятной. Это положение видели и обращали на это внимание государя многие — начиная с Председателя Государственной Думы и великих князей. „Мы присутствуем, — писал уже с чувством безнадежности вел. кн. Александр Михайлович Государю 4 февраля 1917 года, — при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу”¹.

Но ощущаемая всеми возможность революции не означала еще, что революция неизбежна. Целый ряд случайных обстоятельств оказались роковыми в феврале 1917 года. Укажем, например, на случайное назначение таких министров, как Протопопов или Добровольский. Первый, будучи министром внутренних дел, не сумел оценить обстановку в начале революции и своими самоуверенными телеграммами дезинформировал Государя, а потом бросил министерство и скрылся у своего портного. Второй — вообще сбежал и спрятался в итальянском посольстве.

Трудно представить себе, как могли быть назначены на должности командующего Петроградским военным округом и в Главный Штаб такие генералы, как Хабалов и Занкевич.

Гарнизон столицы состоял из почти 200-тысячной массы необученных, недавно призванных солдат, ожидавших отправления на фронт. Но командующий Петроградским военным округом, 59-летний генерал Хабалов, солдат не знал: он никогда не служил в строю, никогда не командовал полком, никогда не был на фронте, если не считать его участия молодым офицером в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Почти всю свою жизнь, начиная с 1900 года, он был преподавателем,

инспектором и начальником военных училищ. Юнкеров он знать должен был бы. Но ему не пришлось в голову использовать многочисленные военные училища столицы и отдать приказ о подавлении мятежа дисциплинированным юнкерским батальонам.

Молодой для своего чина, 45-летний генерал Занкевич, исполнявший должность начальника Генерального штаба (ему было приказано принять командование над сбранными на Дворцовой площади войсками), хотя когда-то и проявил себя храбрым офицером на фронте, но, как и генерал Хабалов, не знал строевой службы. С 1903 года до самой войны он занимал должности помощника военного агента, а потом военного агента (атташе) в Румынии и Австро-Венгрии. Этот блестящий военный дипломат давно уже забыл гарнизонную службу.

Вопрос о командовании Петроградским военным округом остро стоял уже с осени 1916 года. Нельзя сказать, что Император игнорировал положение в столице. Так, например, в его переписке с Императрицей в сентябре и октябре 1916 года пять раз^{1,2} упоминается имя генерала Константина Николаевича Хагондокова в качестве кандидата на одну из командных должностей в Петрограде. Казалось, трудно было найти более решительного, боевого и опытного офицера, детально знающего дислокацию гарнизона в столице. Заслуживший георгиевское оружие и георгиевский крест еще в японскую войну, отличившийся на германском фронте, генерал Хагондоков был хорошо известен всей царской семье по своей службе в штабе первой гвардейской дивизии, а потом гвардейского корпуса с 1906 по 1909 год. Еще до войны он командовал чинтским казачьим полком, а потом туркменской кавалерийской частью — знаменитыми „текинцами”, охранявшими генерала Корнилова и во время революции, и на гражданской войне. Хорошо зная Хагондокова и то, что он лично участвовал в подавлении восстания в Маньчжурии еще до японской войны, Императрица приняла его 26 октября 1916 года, в Царском Селе, по рекомендации товарища министра внутренних дел, бывшего товарища председателя Третьей Государственной Думы, князя Владимира Михайловича Волконского.

Но назначение генерала Хагондокова в Петроград не состоялось. Императрица нашла, что „лицо у него очень хитрое”^{1,3}, а как

говорил в 1950 году автору этих строк покойный князь Владимир Михайлович Волконский, неудача была вызвана тем, что по прибытии в Петроград генерал неосмотрительно отозвался о Распутине и это дошло до Императрицы. Мемуары генерала Хагондокова лежат в архиве Колумбийского университета в Америке. К сожалению, они до сих пор не опубликованы.

Как это ни странно, но положение в Петроградском военном округе в начале февраля 1917 года до сих пор мало изучено. Отсутствуют, например, очерки истории событий февраля в запасных гвардейских батальонах, находившихся в столице. В это белое пятно много нового внес в томах „Марта 17-го“ А. И. Солженицын. Если соединить главы его труда, посвященные Лейб-гвардии Московскому полку, подобно тому, как он соединил свои главы о Ленине в „Ленин в Цюрихе“, то уже теперь можно сбнаружить начало монографии о событиях в запасном батальоне Лейб-гвардии Московского полка в 1917 году. Таких монографий до сих пор еще не было.

И, наконец, еще один пример того, какую роковую роль может сыграть случайное движение человека на ключевой пост, каким была должность Председателя Государственной Думы. М. В. Родзянко, как пишет близко его знавший Н. В. Савич, не принадлежал к политикам, способным „... улавливать основные особенности и свойства событий и обстоятельств внезапных и неожиданных, требующих немедленного решения“¹⁴. Савич глубоко сожалеет, что его старый друг, лидер октябристов А. И. Гучков отказался в 1911 году от поста Председателя Государственной Думы. Уход с этого поста Гучкова был связан с конфликтом с Государем. Гучков был решительный и талантливый человек, которого Савич считает „страстным патриотом, готовым пожертвовать всем ради блага родины“.

Наблюдая беспомощное метание Родзянко во время февральских событий, его нерешительность и неумение воспользоваться авторитетом Государственной Думы, Савич в своих воспоминаниях глубоко сожалеет, что в эти судьбоносные дни во главе Думы был не Гучков. Он пишет: „Кто знает, если бы в свое время Гучков не совершил роковой неосторожности, если бы Государь не оттолкнул, а приблизил к себе этого сильного и ак-

тивного политического деятеля, быть может, наша история пошла бы по иному пути“¹⁵.

Недаром А. И. Солженицын в своих Узлах так пристально рассматривает биографию и деятельность этого выдающегося политического деятеля.

*

Внезапность, нарастающий темп событий в Петрограде, отсутствие в столице Государя, бездействие военных властей, беспомощность Председателя Государственной Думы — все это произвело впечатление катящейся лавины, неизбежно ведущей к революции. Однако обширная мемуарная литература, оставленная современниками и участниками событий, единогласно свидетельствует, что эта „неожиданность“ и „внезапность“ отнюдь не были фатальными.

Исследуя февральские события, такие крупнейшие историки, как Катков, Мельгунов, Карпович, как бы ни были различны их взгляды, соглашаются в одном: „Февральская революция случилась по тем конкретным обстоятельствам, в которых она произошла“.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 310 и далее.
2. William G. Rosenberg. Liberals in the Russian Revolution. — Princeton, 1974.
3. Кризис самодержавия в России 1895—1917. — Ленинград, 1984, с. 643.
4. Цитируем по тексту, приведенному Яхонтовым. Архив Русской Революции, т. XVIII, с. 98.
5. Там же, с. 107.
6. Граф В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Т. II. — Париж, 1933, сс. 350—351.
7. С. Е. Крыжановский. Воспоминания. — (Берлин): Петрополис (1938).
8. Там же, сс. 181—185.
9. Н. В. Савич. Воспоминания, ч. II. „Грани“ № 129, с. 192.
10. Е. Д. Черемский. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. — Москва, 1976, с. 98.
11. Николай II и Великие князья (родственные письма к тогдашнему царю). — Ленинград-Москва, 1925, с. 122.
12. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. — Москва-Ленинград, 1927, сс. 69, 72, 73, 104, 107. В этом издании фамилия ген. Хагондокова ошибочно изменена на Хагондокова. — Прим. Н. Р.
13. Там же, с. 107.
14. Н. В. Савич. Воспоминания, ч. III. „Грани“ № 130, с. 36.
15. Н. В. Савич. Воспоминания, ч. I. „Грани“ № 127, с. 272.

Партия и Февральская революция

Н. РУТЫЧ

Ко времени Февральской революции большевистской партии фактически не существовало. Война, пишет Г. Зиновьев, „повлекла за собой почти полный разгром партии... Партии, как целой организации, в то время не было... Февральская революция застала наш Центральный Комитет частью за границей, частью — в тюрьмах и в ссылке. Партии как бы не существовало; она была разбросана и разбита”.

Характеризуя роль партии в Февральской революции, Зиновьев в 1923 году говорит: „Она не сыграла решающей роли в Февральскую революцию, да и не могла сыграть, потому что рабочий класс был тогда настроен оборончески...”¹

Какова была действительная численность партии к этому времени? Официально, согласно Бубнову, партия состояла из 23.600 членов (БСЭ, т. XI, 1930 год).

*

До 1929 года, когда началась фальсификация истории партии, вопрос о численности партии во время Февральской революции поднимался не раз.

В своей книге, вышедшей в Берлине в 1922 году, Д. Далин, ближайший участник событий и наблюдатель жизни партии 1917 года, ответил на этот вопрос весьма осторожно:

„С каким человеческим багажом вступила большевистская партия в революцию?” — спрашивает Далин и отвечает: „Это было несколько тысяч человек, оставшихся от революции 1905 года, отчасти в эмиграции, по большей части в России. Сколько их было? Конечно, никто не скажет, но, безусловно, не более пяти-десяти тысяч, из них не меньше трети интеллигенции”².

Весьма характерно, что эти слова Д. Далина приводятся Зиновьевым в его докладе „Об укреплении партии” на XI съезде. Этот доклад Зиновьев сделал от имени ЦК, и, следовательно, он был предварительно одобрен Лениным. Более того, доклад Зиновьева был

не чем иным, как продолжением и развитием последнего отчетного доклада „вождя”.

Внакладе Зиновьев уклоняется от прямого ответа на вопрос, поставленный Далиным, вместо того он предпочитает дать осторожный отзыв — „Разумеется, в этом заявлении, — говорит он в своем докладе по поводу книги Далина, — есть зерно истины. Действительно, наша партия вступила в революцию, по количеству будучи очень небольшой”³.

Однако дальше в этом, очень интересном, с точки зрения состава партии, докладе Зиновьев приводит цифры, раскрывающие истину. Обращаясь к съезду (в присутствии Ленина), он спрашивает „членов нашей партии, вошедших до 1917 года, как бы вы думали, сколько?” И отвечает — „только два процента!”⁴.

Количество членов партии таким образом не трудно выяснить. После чистки 1921 года в партии оставалось 486.000 членов, следовательно, 2% составляют 9.720 человек. Но здесь необходимо внести сразу поправку: в 1922 году среди членов партии со стажем до 1917 года, вероятно, около половины не были большевиками. Ведь в списках делегатов съездов до-сталинского периода, приложенных к стенографическим отчетам, все бывшие меньшевики, межрайонцы указаны с датами вступления в общую партию — в РСДРП. Там можно найти и Ленина, и Троцкого, и других как членов партии до 1917 года. Больше того, среди 520 делегатов XI съезда, где разбирался этот вопрос, 97 были бывшими меньшевиками, 56 бывшими бундовцами, 21 бывшими эсерами, не говоря о группах бывших анархистов, боротьбистов и др.

Учитывая все это, следует считать наиболее вероятной (принимая во внимание некоторую, хотя и очень небольшую естественную убыль старых членов в период 1917—1922 гг., потери во время гражданской войны и проч.) цифру около 5000 членов, явившихся тем „человеческим багажом”, с которым Ленин вступил в события 1917 года.

Эту цифру подтверждает и Зиновьев, избежавший прямо назвать ее в начале своего доклада. В конце его, увлеченный своей речью или, быть может, умышленно оттягивая

¹ Глава из книги Н. Рутыча „КПСС у власти”, изд. „Посев”, 1960. Публикуется в новой обработке автора.

„гвоздь доклада” на конец, он заявил: „При головокружительном росте нашей партии от 5 до 500 тысяч, мы не можем хорошо изучить состав нашей партии...”⁵ и далее — „партия, запертая в царской клетке, имела 5000, потом сразу 50.000, а потом через 4 года 500.000”⁶.

*

Итак с трибуны XI съезда, никем не оспоренный, Зиновьев признал, что к февралю 1917 года в партии было около 5000 большевиков. Кто были эти люди? Можно ли говорить о том, что они представляли массовую партию, „авангард рабочего класса?”

„Большевистские организации и комитеты были по своему составу в значительной степени интеллигентскими, — утверждал в том же докладе Зиновьев, — студенческими, если хотите”.

И он вынужден, несмотря на риторические рассуждения, по существу полусогласиться с П. Б. Аксельродом, утверждавшим, что „большевистская организация вовсе не рабочая по своему социальному составу”. „Отсюда, — продолжает Зиновьев, — он выводил обвинение против нас в том, что мы бланкисты, ткачевцы и т. д.”⁷.

Чем они в основном занимались, что составляло основу деятельности этих людей?

„Мы, — говорил Зиновьев в 1922 году, — были агитаторами, мы были тем, чем теперь должен заниматься наш агитпропотдел. Чем мы занимались? Агитировали, пропагандировали, организовывали стачки, в лучшем случае, когда нам очень везло, организовывали восстания”⁸.

Небезынтересно также поставить вопрос, сколько из этих пяти тысяч были действительно квалифицированными работниками „агитпропа”, которыми по существу, согласно Зиновьеву, являлась партия.

На этот вопрос ответить труднее. В цитированном нами докладе Зиновьева на XI съезде содержится удручающая для 1922 года цифра. В почти полумиллионной партии было тогда по данным ЦК 863 журналиста, из них 68% оказались в партии после Октября. Следовательно, до Октября их было примерно 250 человек. Учитывая, что межрайонцы, в большинстве своем являвшиеся журналистами, и ряд меньшевиков вошли в партию в течение 1917 года, надо предполагать, что к Февралю их было примерно вдвое меньше, т. е. 100-150 человек.

Такова была интеллектуальная сила, мозг партии, стремившейся после приезда Ленина к захвату власти в России.

Не удивительно поэтому, если взвесить в событиях Февраля эти цифры, что в первом, мартовском составе Петроградского совета на 1.500 депутатов едва приходилось тридцать большевиков, да и то большей частью не выбранных, а кооптированных по предложению ЦИКа. Так, в частности, в Петроградский совет попали вернувшиеся из ссылки Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и другие большевики.

В марте же месяце был сформирован новый Петроградский комитет партии, исполнявший одновременно и роль ЦК, в составе Шляпникова, Залуцкого и Молотова.

В Москве было создано так называемое „Московское Областное бюро”, охватившее своей организационной деятельностью почти всю центральную Россию — от Урала и до фронта. Это положение сложилось само собой из-за недостатка сил и отсутствия местных организаций. Работой Московского Областного бюро руководили первое время О. А. Варенцов, Е. Ярославский, Смирнов и приехавший вскоре из Соединенных Штатов Америки молодой, 29-летний, Бухарин.

Оставшийся после освобождения из ссылки работать на Урале Свердлов жаловался на Апрельской конференции, что на всем Урале весной 1917 года работа велась всего в семи-восьми местах и настоящих организаций партии не было.

Ведущим лидером большевиков, представлявшим партию в Петроградском совете, был до приезда Ленина Л. Б. Каменев. Совместно со Сталиным он возглавил редакцию „Правды” и был признанным авторитетом. В этот первый период „Правда” выступала за поддержку Временного правительства и развитие „буржуазно-демократической революции”. Сталин целиком разделял эту позицию, ведя себя крайне осторожно и уклончиво. „Большевики разбольшевичились”, — говорил о „Правде” приехавший из-за границы, принадлежавший к группе Троцкого, межрайонец Мельничанский, в будущем один из виднейших большевиков. Не узнал большевиков и приехавший также из-за границы известный меньшевик В. А. Антонов-Овсеенко, активно сотрудничавший во время войны в меньшевистском „Голосе”, впоследствии активный деятель Октябрьско-

го переворота и командующий Украинским фронтом во время гражданской войны.

Общее положение в партии до апреля может характеризовать тот факт, что на Апрельскую конференцию приехало всего 49 делегатов, права которых, со многими натяжками, были признаны как действительные права делегатов местных организаций. Можно утверждать, что новую историю большевистской партии следует начинать с апреля 1917 года, ибо весь мартовский период был не чем иным, как собиранием старых сотрудников партии и установлением связи между ними.

Больше того, в этот период многие партийные организации существовали совместно с меньшевиками и происходило заново выявление политического лица многих будущих видных большевиков, далеко не закончившееся даже к июлю 1917 года.

*

Ленин и Зиновьев прибыли в Петроград поздним вечером 3 апреля. С какими мыслями Ленин ехал в Россию, как он оценивал революцию и в чем заключались его помыслы, может отчасти ответить его „Прощальное письмо к швейцарским рабочим“. В нем он писал накануне отъезда:

„Россия крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны... может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней“¹⁹.

Итак, победа социализма в России, как в отдельно взятой стране, невозможна — больше того, ценность Февральской революции по Ленину отнюдь не заключалась в ее демократических завоеваниях, в открытии пути для широких реформ, но лишь в том, чтобы использовать российское крестьянство как базу для всемирной революции, как „ступеньку“ к ней.

Первая редакция апрельских тезисов Ленина, записанная Ф. И. Драпкиной¹⁰ на мартовском партийном совещании, была прочитана Лениным утром 4 апреля на хорах Таврического дворца.

В этой первой редакции Ленин еще более остро подчеркнул свою основную мысль из „Письма к швейцарским рабочим“:

„Один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев... если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец оборонцам (речь идет о той части русской революционной демократии, которая оставалась на позициях национальной обороны во время войны. — Н. Р.), то это будет измена международному социализму“¹¹.

Отсюда проистекал призыв к братанию с немцами на фронте. Но в то время как с немецкой стороны это братание носило характер пропагандной, теперь бы сказали „холодной“ войны, с доставкой в русские окопы многочисленной лево-эсеровской и по своим лозунгам большевистской литературы, с русской оно явно имело антисоциалистический, антинациональный характер и призыв к нему носил характер помощи отнюдь не Либкнехту, а немецкому генеральному штабу кайзеровской Германии.

В своих апрельских тезисах Ленин выдвигал лозунг: „Никакой поддержки Временному правительству“. Выступая теперь против демократической республики под лозунгом „Вся власть советам“, он полностью раскрыл свое отталкивание от свободы и правовой государственности. Ибо в „советах рабочих и солдатских депутатов“ депутаты от воинских частей и заводов чаще делегировались, чем выбирались (в зависимости от того, какая партия господствовала в том или ином месте), а кроме того, кооптация в советы на базе бывших партийных заслуг, пребывания в ссылке, в эмиграции и т. д., приняла самый широкий характер. Таким образом, лишь меньшинство населения было представлено в советах.

Дабы не быть голословным, приведем выдержку из „Правды“ от 22 июня 1917 года, позволявшей себе более объективное отношение к советам тогда, когда они еще не могли служить прикрытием для установления партийной диктатуры над страной:

„Ни для кого не тайна, — писала „Правда“ по поводу голосования о наступлении на фронте 18 июня, — что в Петроградском Совете очень и очень неравномерно (и притом заведомо невыгодно для нашей партии) 500 тысяч петроградских рабочих имеют в Совете в четыре раза меньше депутатов, чем 150 тысяч (сильно преуменьшенная цифра. — Н. Р.) петроградского гарнизона. Выходит,

что 1 солдат имеет столько же избирательных прав, сколько 10-12 рабочих. Ненормальность такого положения признается всеми”.

Добавим к этому заявлению „Правды”, что, например, служащие тогда почти трехмиллионного (без гарнизона) Петрограда были представлены в совете в меньшей пропорции, а большей частью не представлены вовсе, равно как и мелкие собственники, интеллигенция, не входившая в состав партий революционной демократии, и многие другие. Что же касается крестьянства, в частности Петроградской губернии, то оно вначале почти совершенно игнорировалось советами.

Еще через два дня, 6 апреля, тезисы Ленина были обсуждены на заседании Бюро ЦК. Большинство членов ЦК поддержали Л. Каменева, считавшего, что свершилась революция буржуазная и ей надо дать вызреть до конца, прежде чем ставить вопрос о переходе к социализму.

Каменев выступал против тактики „перманентной” революции, к которой по сути дела звали апрельские тезисы Ленина. Как и во всем мартовско-апрельском периоде, Каменева поддерживал Сталин. Сталин заявил, что тезисы Ленина — „это схема, в них нет фактов и поэтому они не удовлетворяют”. Как и Каменев, он считал, что „на Западе нет ничего”, что гарантировало бы в скором времени социалистическую революцию^{1 2}.

Каменев открыто защищал резолюцию совещания большевиков и писал:

„Впредь до каких-либо новых решений ЦК и постановлений общероссийской конференции партии эти резолюции остаются нашей платформой, которую мы будем защищать как от влияния революционного обочорочества, так и от критики тов. Ленина”^{1 3}.

В тот же день в Петроградском комитете партии было проведено голосование по апрельским тезисам Ленина: из 16 присутствовавших членов ЦК двое были за, один воздержался и 13 голосовали против Ленина.

Даже в своей партии Ленин казался изолированным. Как иронически говорил Плеханов, ни „услужливый” Платтен, доставивший Ленина в Россию, ни хлопотавший за него у немцев Роберт Гримм не заработали своих гонораров.

Н. Суханов, меньшевик, близкий к большевикам, в своих „Записках о революции” говорит о почти полной изолированности

Ленина в дни его приезда. Но это только казалось. После своей неудачи в Петроградском комитете, уже на следующий день, 9 апреля, Ленин пишет свою статью „Двоевластие”, где на вопрос о Временном правительстве он отвечает — „его надо свергнуть”^{1 4}, а днем позже, 10 апреля, в своих тезисах для конференции — „Задачи пролетариата в нашей революции” — объясняет, чем должно быть заменено Временное правительство — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые „не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее новый тип государства” (выделено Лениным. — Н. Р.)^{1 5}.

Противники Ленина недооценили главного в апрельских тезисах — указания на возможный быстрый захват власти благодаря существующему положению двоевластия. Это указание, хотя и не сформулированное прямо, было в то же время настолько ясно, что Троцкий сразу разглядел в нем „идейное перевооружение большевиков”.

*

Другой причиной относительно легкой победы приехавших из-за границы Ленина и Зиновьева было сосредоточение их усилий на отстройке аппарата партии. Ленин, как рассказывают многочисленные мемуаристы, отдавал огромное количество времени на личные встречи с новыми членами партии в Петрограде, он старался не пропустить ни одного приезжающего из провинции делегата. Ему и Зиновьеву это было тем легче, что только они были посвящены полностью в состав большевистских кадров 1914 года и знали эти кадры лучше других. Ленин нашел талантливого организатора в лице вызванного им с Урала Я. Свердлов и с его помощью отстроил во дворце Кшесинской настоящий штаб с многочисленными освобожденными работниками. Достаточно указать, что только Военная организация этого штаба или просто „Военка”, как ее называли в то время, имела в своем составе несколько десятков освобожденных работников.

Приведем один из многочисленных примеров. „Сразу же после (апрельской. — Н. Р.) конференции, — рассказывает один из кронштадтских делегатов, старый большевик В. Панюшкин, — меня вызывают в секретариат ЦК к Якову Михайловичу Свердлову.

Получаю от него задание выехать в Тулу... Еду уполномоченным ЦК партии по Тульской и близлежащим губерниям. Везу с собою мощную по тем временам колонну агитаторов и организаторов — около ста кронштадтских моряков". В Новосиле, где Панюшкин хочет издавать газету, хозяин типографии, „анархистствующий эсер", спрашивает Панюшкина — „А деньги есть?" — „Есть, конечно", — отвечает уполномоченный ЦК, и „Крестьянская правда" выходит большим тиражом в Тульской губернии. Анархистствующего эсера беспокоила большевистская газета, и он запросил двойную цену. „Приходится платить", — согласился располагавший деньгами уполномоченный ЦК! ⁶.

Уже к маю месяцу лицо старой большевистской организации, опиравшейся на небольшие группы рабочих и районные организации, созданные такими действительно связанными с заводами людьми, как Шляпников и Залуцкий в Петрограде, Ногин и Ломов в Москве, совершенно изменилось.

Штаб во дворце Кшесинской, располагая многочисленными эмиссарами, главным образом, в Балтийском флоте и среди некоторых частей Петроградского гарнизона, пытался создать в Гельсингфорсе, в Кронштадте и в Петрограде свои собственные ударные части, готовые по первому требованию выйти с оружием в руках на улицу. Среди моряков флота и Кронштадта оказалась значительная прослойка анархистов и эсеров левого толка, которые часто с гораздо большим энтузиазмом готовы были следовать за ленинскими лозунгами, чем многие старые большевики. Среди запасных полков Петрограда (напомним, что их численность в городе и окрестностях доходила до 300 тысяч) ленинские лозунги вызывали поддержку особенно в те периоды, когда Временное правительство требовало посылки маршевых рот на фронт. Военно-революционный комитет большевиков сумел создать организацию в 180-ом запасном полку, в некоторых частях, расположенных недалеко от дворца Кшесинской, и особенно в 1-ом пулеметном запасном полку.

Весьма характерно, что из девяти человек, выбранных в ЦК на Апрельской конференции, около половины — Каменев, Ногин, Милютин, Федоров, не разделяли взглядов Ленина, не участвовали в непосредственной работе над созданием аппарата партии. Так, например, Ногин вернулся в Москву, Каменев

продолжал представлять большевиков в совете. Зато к ленинской группе — Зиновьев, Свердлов, Смилга — присоединился, изменив своим взглядам, Сталин. Таким образом, это узкое ленинское руководство, опираясь на Военную организацию, фактически решало все текущие вопросы.

Разумеется, приезд Ленина был решающим фактором в переориентации партии на захват власти. Но не следует забывать, что Ленин привез с собой не только лозунги и тактику этой переориентации, но и, что может быть, и было решающим, — денежные средства, позволившие ему отстроить по своему усмотрению аппарат партии, необходимый для захвата власти. Источник этих денежных средств известен и после публикации Земаном ¹⁷ в 1958 году секретных документов из немецких архивов — документально доказан. Немецкий генеральный штаб, приняв на вооружение доктрину „внесения революции извне", включил Ленина и его группу в свои планы еще задолго до Февральской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. Зиновьев. История российской коммунистической партии (большевиков). Государственное издательство М.-Л., 1923, сс. 156, 162, 166, 167.
2. Д. Далин. После войн и революций. Берлин, 1922, с. 29.
3. XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1922, с. 342.
4. Там же, с. 358.
5. Там же, с. 361.
6. Там же, с. 363.
7. Там же, с. 345.
8. Там же, с. 356.
9. Ленин. Соч. изд. III, т. 20, с. 68.
10. Ф. Драпкина. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года. „Вопросы истории" № 9, 1956.
11. Ленин. Соч. изд. III, т. 20, сс. 78-79.
12. Цитируем по Э. Н. Бурджалову. См. его статью „О тактике большевиков в марте-апреле 1917 года", где он, ссылаясь на архив Института марксизма-ленинизма, цитирует протокольную запись выступления Сталина. „Вопросы истории" № 4, 1956.
13. „Правда" от 8 апреля 1917 года, статья „Наши разногласия".
14. Ленин. Избр. произведения. Изд. IV, т. II, М., 1946, с. 10.
15. Там же, с. 20.
16. В. Панюшкин. „Вышли мы все из народа". „Октябрь" № 12, 1957.
17. Germany and the Revolution in Russia 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry, edited by Z.A.B. Zeman. Oxford University Press, London 1958.

О раскрепощении общества

Роман РЕДЛИХ

Солидаризм, как его понимает Народно-Трудовой Союз российских солидаристов — есть политическая доктрина, исходящая из начал нравственности. Наш солидаризм — не наука. Он построен на нравственных убеждениях, а не на научных доказательствах. О том, что люди жаждут свободы и что дружба лучше вражды, мы знаем не из науки. И никакой идеальный строй не маячит перед нашими взорами как плод наших политических усилий. Мы не зовем к светлым далям и не претендуем на непогрешимость, а только честно стараемся найти общий путь с теми, кто любит людей и желает добра.

Мы не думаем, однако, что правы те, кто требует, чтобы политические вопросы решались, не опираясь ни на какое мировоззрение, что не играет роли *во имя чего* разыскивается общий интерес и намечаются компромиссные решения конфликтов. Ибо нахождение общих интересов и мирное разрешение конфликтов возможно лишь с теми, кто желает общности и ценит мир, иначе говоря, *лишь на основе признанных сторонами нравственных, а стало быть, философских принципов.*

Политика — несомненная часть культуры, культура же — воплощение духа. Того самого духа, которым занимается философия. Всякое общество связано лежащей в его основе системой ценностей. Законы познания, законы сущего, законы должного, как они поняты данным обществом, ложатся в основу общественной этики и вытекающих из нее политических взглядов. Все люди, в том числе и политики, должны понимать, в чем они согласны, а в чем не согласны между собой. И каждый из нас, и все мы вместе взятые нуждаемся в своего рода „костяке ориентации и благочестия”.

Русские солидаристы в целом и Народно-Трудовой Союз, в частности, имеют такой костяк. Как политические взгляды, так и практическая деятельность НТС — выражение определенного, хоть далеко еще не законченного, но под разными названиями распространяющегося все шире и шире взгляда

на человека и общество. Противостояние вечных начал свободы и необходимости, права и власти, солидарности и борьбы занимают в нем центральное место. И, развивая свою собственную российскую методологию солидаризма, во многом перекликающуюся с созвучными ей европейскими течениями, но кое в чем и отличную от них, мы опираемся на мировоззрение, вкратце изложенное во введении в нашу политическую программу.

Солидарист в наших глазах это прежде всего тот, кто систематически обращает внимание не на то, что разъединяет людей, а на то, что их объединяет. Это марксизм вошел в Россию статьей Плеханова „Наши разногласия”, хоть общего у социал-демократов с народниками было больше, чем расхождений. Мы не думаем, как думал Ленин, что прежде чем объединяться, надо размежеваться. Мы ищем не разногласий, а согласия (там, где оно возможно, разумеется).

Расхождения в политических взглядах в современном плюралистическом мире чрезвычайно велики. Вместе с тем, однако, подавляющее большинство людей признаёт, что *общественная жизнь должна протекать на основе права и направляться свободной волей ее участников.* И, расходясь с другими политическими движениями, объединениями или партиями в тех или иных частных вопросах, мы по возможности ищем не компромиссов на базе взаимных уступок, но убедительных для обеих сторон общих решений во имя основополагающих ценностей, признанных обеими спорящими сторонами. Наш солидаризм не столько теория, сколько сознательная установка воли на общее, по возможности дружное служение общему делу, в политике — на служение нашей общей, всем нам принадлежащей стране и народу, к которому мы все принадлежим.

Рассматривая свободу и солидарность как первоусловия здоровой общественной жизни и ясно видя весь вред, который принесла нашей стране подавляющая всякую самостоятельность тотальная партийно-государственная опека над обществом, российский соли-

даристы продолжают ратовать за укрепление и развитие непринудительных договорных отношений — не только в интересах мирного разрешения конфликтов, но и в интересах восстановления в России начал самостоятельной инициативы и общественной самостоятельности, *раскрепощения общества*. Раскрепощение это, нам кажется, возможно при последовательном применении принципов автономии, рассредоточения власти и оптимального содействия.

Принцип автономии

Отцы современной демократии, как и отцы современного социализма, руководствовались атомистическим взглядом на общество. Для Локка, Монтескье и Руссо общество — сумма входящих в него людей, а общая воля — равнодействующая их свободных волей. А для Прудона и Маркса, как и для Ленина и Сталина, общество, класс есть сумма составляющих этот класс однотипных индивидов; общее классовое сознание и общая воля класса вырастают на почве именно однотипности, одинаковости интересов. Для основателей современной либеральной демократии реально существуют лишь отдельные лица, отдельные граждане, а общество есть лишь производное от суммы индивидов. Для социалистов всех направлений, наоборот, человек формируется окружающей его общественной средой, его поведение определяется обществом.

И те, и другие придерживались современных им теорий социального атомизма; личность была для них социальным атомом и, как таковая, противостояла обществу, причем либеральная демократия стремилась удовлетворить в первую очередь стремления личности, в то время как социалисты ставили и продолжают ставить во главу угла интересы общества; разница только в том, что демократическое устройство свободно и в силу этого динамично и изменчиво, в то время как социалистическое не позволяет колебать свои основы, оно консервативно и враждебно нововведениям. И если в странах социализма вся общественная жизнь центрируется вокруг партии, а общественно-политическая мысль топчется на Марксе и Ленине, то современная парламентарная демократия и современный экономический капитализм в наше время совсем не то, что сто лет назад.

Атомистические и механистические взгляды либералов XVIII и XIX вв. ничуть не помешали развитию плюралистической социологии, рассматривающей общество, как систему открытых органических структур и только незначительно затормозили развитие бесчисленных вольных сообществ, превративших современное индустриальное общество в плюралистическое „общество обществ“.

Принцип автономии — основа правовой государственности. Субъект права (будь то отдельный гражданин или ассоциация граждан от хорового кружка до государственного объединения) волен пользоваться или не пользоваться присвоенными ему правами и добиваться целей, которые он себе ставит, увязывая свою деятельность с другими сообществами. Подмена самостоятельной деятельности неотступной партийно-государственной опекой вызывает в нашей стране протест против погрома партийной олигархией элементарных гражданских прав и свобод. Протест этот справедлив и находит безоговорочную поддержку российских солидаристов. Система выработанных современной демократией гражданских прав — драгоценнейшее наследие эпохи мировоззренческого индивидуализма и политического либерализма, которое нужно беречь и хранить. Для солидаристов это само собой разумеющийся консервативный элемент в наших политических взглядах.

Проблема прав гражданских ассоциаций

Вместе с тем, однако, становится все яснее, что взаимоотношения личности и общества не сводятся к отношениям гражданин — государство. Современное плюралистическое общество это *общество союзов*. Оно складывается во взаимодействии разнообразнейших объединений, каждое из которых преследует собственные цели, служит избранному им самим предмету и, на основе общих целей и общего предмета служения, объединяет своих участников в общее „мы“.

Право человека и гражданина вступать в союзы признано одним из его неотчуждаемых гражданских прав, и в качестве такового оно включено и во „Всеобщую декларацию прав человека“. Но это — и все. Общественные ассоциации после предписанной регистрации пользуются правами юридических лиц. В качестве таковых коммерческие фирмы, про-

фессиональные союзы, ассоциации врачей, писателей, любителей природы, благотворительные общества, политические партии получают право заключать договоры, принимать обязательства, приобретать имущество, устраивать собрания. Но правом соучастия в государственной власти обладают лишь политические партии.

Между тем не только политические партии, но и любое объединение граждан в той или иной мере зависит от политики государственной и местной власти и заинтересовано в том, чтобы воздействовать на эту политику. Узаконенного прямого пути для такого воздействия в классической парламентской демократии, однако, не предвидено, и оно осуществляется на обходных путях: не в залах заседаний, а в кулуарах парламентов или с помощью петиций, уличных демонстраций, забастовок и иных внепарламентских и далеко не всегда демократичных способов давления на власть.

В наших глазах задача демократии, понимаемой как самоуправление народа, не должна ограничиваться разделением властей и выборами в органы власти. Ежедневно и ежечасно она — в деятельности свободных и автономных общественных союзов, образующихся по воле объединяющихся в них граждан. Этим союзам надо дать право голоса, и НТС в качестве политической партии будет отстаивать это право.

Как именно это должно быть сделано в реальной политической жизни, может подсказать только практика. Но основным принципом рассредоточения власти, утверждающем автономию не только индивидуального „я“, но и коллективного „мы“, не только каждого гражданина в его отдельности, но и каждого объединения граждан в их общности. Государственное устройство, нам кажется, должно отражать плюрализм современного общества, предоставляя как можно больше самостоятельности общественным союзам и организациям.

Принцип рассредоточения власти

Добиваться этого, нам кажется, следует прежде всего, отставив идею рассредоточения власти — как отказ от государственной опеки над деятельностью свободных объединений. Классическое разделение властей на законодательную, исполнительную и су-

дебную, лежащее в основе современной демократической государственности, не ставится этим под вопрос. Оно принадлежит к тому политическому наследию, которое солидаристы безоговорочно принимают. Это разделение гарантирует свободу и самостоятельность граждан, и мы не намерены отказываться от этой гарантии. Говоря о рассредоточении власти, мы имеем в виду не разделение властей, а прежде всего *распределение компетенций*, направленное на расширение самостоятельности территориальных самоуправлений и общественных организаций; причем для территориальных самоуправлений — расширение их компетенций за счет компетенций вышестоящих инстанций, а для общественных союзов — ограничение возможностей прямого вмешательства государственной власти в их цели и конкретную деятельность.

Распределение полномочий власти, как правило, сопутствует федеративной государственности. Положенный в его основание замысел добровольного единства во множестве предполагает то самое сочетание солидарности и свободы, к которому стремятся солидаристы.

Оговоримся: в современном словоупотреблении понятия „федерации“ и „федерирования“ означают обычно союзную, „федеративную“ государственность, построенную на сочетании полномочий общегосударственной власти и полномочий входящих в союз государств-членов федерации, каждое из которых охватывает свою собственную ясно ограниченную территорию и управляет жизнью народа на этой территории. Это так, и НТС полностью принимает принцип федеративного строения государственной власти. Само по себе федеративное, то есть союзническое начало, однако, отнюдь не обязательно должно ограничиваться территориальным устройством. Уже отец современного федерализма Альфред Шмитц в своем замечательном трактате „Политика, путеводительно разъясненная и примерами церковными и светскими изукрашенная“ (*Politica methodice digesta atque exemplis sacris et profanis illustrata*, 1614) с основанием ввел понятие „консоциации“, союзничества, видя в человеческом обществе иерархическую систему входящих друг в друга сообществ, восходящих как бы по ступеням, причем более высоко стоящие объединения охватывают стоящие ниже, начиная с обычной семьи и кончая Римской империей.

Мы думаем, что Альгузий был прав. Владение территорией отнюдь не единственное и даже не главное условие образования союзов и их объединения в союзы союзов. Самостоятельность личности не теряется от того, что она входит в то или иное сообщество. „Я” не перестает быть „я”, сливаясь с другими в общее „мы”. Солидарность, связывающая между собой членов непринудительного союза, осуществляется на базе альтузиевской „консоциации” или „федерализации”. Так же и каждый человеческий союз не теряет собственное лицо, но остается солидарным единством, вступая в сношения и объединяясь с другими сообществами. Принцип консоциации для нас, солидаристов, — как в свое время для Альгузия, — важнейшее начало не только государственного, но и общественного строительства. Сознательно применяя его при распределении обязанностей и полномочий, мы думаем при этом не только о федерировании территориальных единиц, как это уже принято в практике государственного строительства, но и о консоциации разного рода общественных объединений.

Принцип оптимального содействия

Принципом оптимального содействия определяется конкретное поведение, проистекающее из сознания солидарной ответственности каждого участника за общее дело, которому он служит. Этот принцип — важнейшее практическое приложение лежащего в основе нашего жизнечувствия принципа солидарности, согласно которому каждый несет свою долю ответственности за успех или неуспех предпринятого дела и за благополучие или неблагополучие общества, в которое он входит. Применение принципа оптимальной поддержки возможно только в свободном обществе и предполагает солидарную деятельность как отдельных лиц, так и создаваемых ими сообществ. По формулировке немецкого солидариста Нелль-Бройнинга, посвятившего этому принципу всю вторую часть своей книги „Два принципа отстройки общества” (русский перевод готовится к печати издательством „Посев”):

„Если отдельный человек (или отдельный коллектив), предоставленный самому себе, не в состоянии справиться с превышающей его силы задачей и вынужден искать опоры в охватывающем его обществе, то это общество обязано оказать ему необхо-

димость поддержку, которая будет тогда подлинным проявлением солидарности. Если же отдельный человек (или коллектив) способен сам справиться со своими делами, то охватывающее его общество не должно вмешиваться в его деятельность, навязывая ему свою помощь, потому что такая помощь будет не оптимальной поддержкой, а, напротив, умалением его самостоятельности”.

В этой формулировке выражены две диалектически связанных между собой стороны принципа оптимального содействия: положительная, стимулирующая и поддерживающая, и — отрицательная, по выражению Нелль-Бройнинга, „отвергающая и обороняющая”... Для нас, русских, — в условиях загнивающего социализма, разваливающейся партийной опеки и пробуждающей общественной самодетельности, — кажется особенно важной именно эта отрицательная сторона. Нам важно прежде всего избавиться от неотступной парализующей партийно-государственной опеки, нам нужнее всего возможность инициативной самостоятельной деятельности.

Принцип оптимального содействия выражает нравственную ценность взаимного благожелательства и составляет основу практической политики солидаризма на всех уровнях как государственного управления, так и общественной жизни. Забота о деле преобразуется в нем из постоянной опеки, требующей покорного исполнения спускаемых сверху руководящих указаний, в готовность оказать благожелательную поддержку общественно полезному делу, хозяином которого остается тот, кто его делает.

Применение принципа оптимальной поддержки или оптимального содействия на практике нелегко прежде всего потому, что определение оптимума — задача, требующая не только знания внешней обстановки, но и внутренних возможностей коллектива, которому она должна быть оказана. Правильная оценка требует здесь не только здравого смысла, но и профессиональных знаний, опыта и такта. Подсказываемые этим принципом решения относятся, как правило, к числу текущих деловых решений, принимаемых от случая к случаю и плохо поддающихся формальной регламентации. Как и питающий его принцип солидарности, принцип благожелательного содействия не правовой, а этический принцип. Его применение немисливо путем приказа, но ведет на путь свободной договоренности, возможной только в укрепленном, свободном обществе.

Преодолевая барьеры

М. СЛАВИНСКИЙ

Страна наша переживает глубокий духовно-нравственный кризис. Сознание, что без выхода из этого кризиса у нее не может быть будущего, растет и углубляется, находя отражение уже и в публикациях официальных изданий.

Духовный вакуум

Многие писатели, да и публицисты, описывают в своих произведениях и выступлениях, подчас с болью душевной, разложение нашего общества и растение человеческих душ. Этой теме посвящены, в частности, повесть Валентина Распутина „Пожар” и „Печальный детектив” Виктора Астафьева, взятый, кстати, в штыки частью официальной прессы. Формулирует это явление и старый чекист, примкнувший к „деревенщикам”, Иван Васильев („Наш современник”, № 11, 1982):

„Сказал, заверил, обязался... И — не исполнил, не сделал, не устранил. При встрече подает вам руку без смущения. Докладывает о „невыполнении” без краски на лице. Отчитывается за повторение „подобного”, не испытывая стыда.

Когда необязательности становится много, когда вы сталкиваетесь с нею и на службе, и дома, и в кругу друзей, в вас, естественно, происходит переоценка ценностей. Вы начинаете не верить. Не верить человеку: подчиненному, товарищу, соседу, начальнику — всем, с кем жизнь связала вас обязательностью отношений /.../.

Обязательства, заверения, клятвы раздаются с такой легкостью, что думаешь иной раз: как все просто, стоит лишь напомнить или потребовать — и дело сделано. А оно вовсе и не делается, только на словах. Для успокоения просящего и требующего. И для своего собственного, чтобы не досаждали”.

А вот уже ставшие знаменитыми слова В. Астафьева („Наш современник” № 5, 1986):

„Что с нами стало?! Кто и за что вверх нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней,

ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геинну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажженным для нас, чтоб мы не блуждали в потемках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выпаращывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это все похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, все-светное во все безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим...”

Деградацию, наблюдаемую в рядах самой партии, описывает тот же Иван Васильев („Наш современник” № 6, 1986):

„Иные партийные работники начали обособляться, замыкаться в некую касту привилегированных, пожизненных и неподотчетных, посчитали, что „быть в гуще масс” — это всего лишь тезис для докладов, а не суть всей работы, и как следствие — подмена организации масс управлением аппаратом. Кабинетное управление штатным аппаратом приняло столь широкий размах, что живое дело организации потонуло в море слов и бумаг, а живой человек как бы и вовсе перестал существовать, исчезли он вдруг по какому-нибудь волшебству, так и не заметят, словесно-бумажную карусель будут крутить и крутить, ибо это кручение и стало главной работой аппарата”.

Разумеется, все эти явления не новые. Они только усугубились за последнее десятилетие, а сейчас всплыли на поверхность в связи с рекламируемой политикой „гласности”, взятой властью на вооружение.

Причины духовного распада общества многожество. Одна из главных, считает писатель Владимир Крупин, — отрыв от тысячелетней русской культуры:

„Нет корней... Это же страшно, это значит, нет главных качеств души — памяти и совести — все дозволено, все оправдано, ничего не жалко” („Учительская газета”, 18 сентября 1986).

Обращение к прошлому

Осознавая, что в словоблудии носителей системы, способных, максимум, на призна-

ние собственного бессилия, нет будущего для страны, сперва отдельные писатели, а затем и многочисленные представители самых различных слоев общества стали обращаться к прошлому как вечному источнику вдохновения.

„Человек постоянно на передовой борьбы за жизнь, за духовное улучшение, — пишет тот же Владимир Крушин. — Им лучше он знает то, что было за ним, тем больше подкрепления и силы получит”.

Со своей стороны, литературовед Ирина Смольникова писала в журнале „Север” (№ 4, 1984):

„Тема Памяти /.../ — одна из центральных в современной литературе. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь значительного произведения последних лет, где бы эта традиционно важная для отечественной литературы тема не присутствовала в той или иной форме.

Обращение к ней — во многом заслуга „деревенской прозы”. Писатели именно этой „школы” выдвинули в центр своих произведений героев, в судьбах, характерах которых как бы кристаллизовался многовековой опыт народной нравственности”.

Таким образом отдельные высказывания слились постепенно в единый литературно-публицистический поток. Старые, в значительной мере забытые, традиции стали бережно собираться, анализироваться (см., например, „Лад” В. Белова). А Александр Романов в книге „Версты раздумий” (Архангельск, 1983) просто перечеркнул все официальные утверждения о том, что советская власть якобы изобрела и провела в жизнь свою собственную форму нравственности:

„Думать, что мы теперь создаем совершенно независимую от тысячелетней народной нравственности какую-то свою новую, иную нравственность — гибельное заблуждение”.

Переоценка прошлого

С каким бы благовоением ни относиться к прошлому, но если не искать в нем конкретных ориентиров на будущее, оно так и останется прошедшим, минувшим. А вот тут-то и начинаются сложности, так как любое переосмысление связано с определенными духовными — и политическими — выгодами на будущее, то есть именно с тем, чего власть пытается избежать. Поэтому, подходя

к этой теме, многие авторы либо не решаются, либо просто неспособны ее конкретизировать и ограничиваются неким расплывчатым гуманизмом. Так, например, Евгений Шкловский писал в „Литературной России” от 17 октября 1986 года:

„Идея исторической памяти, непрерывности духовного бытия народа, по верному наблюдению критика А. Неверова все больше выходящая на первый план в прозе молодых, — идея гуманности — ч е с к а я.

Нельзя ни в коем случае забывать, что культура — это и этические ценности, завещанные многими поколениями, — доброта, милосердие, сострадание. Без них духовное бытие, ни тем более духовную красоту народа и помыслить невозможно”.

С большой осторожностью некоторые авторы пытаются сделать еще один шаг и подчеркивают, что традиции, которыми целиком пропитана российская культура, укоренены в христианстве, без которого осмыслить прошлое невозможно.

Так, например, социолог Владимир Шубкин писал в статье под библейским названием „Неопалимая купина” („Наш современник” № 12, 1981):

„Два последних тысячелетия — это история христианской цивилизации. Воззрения христианства являлись важнейшим источником сюжетов живописи, скульптуры, литературы и музыкальных произведений. Это естественно. Неестественно, когда критики, не желая или не умея понять мысли, чувства, которые потрясали художников прошлого, с порога отвергают произведение лишь потому, что в нем использованы религиозные темы”.

Именно за религиозную тему журнал „Коммунист” (май 1982) выговаривал Владимиру Солоухину.

В великой русской литературе есть писатель, как никто другой соединивший в своем творчестве понятия национальной и православной традиции. Это Ф. М. Достоевский стал за последние десятилетия духовным отцом людей, ищущих выхода из создавшегося тупика. Ссылаясь на него, сегодня уже можно открыто формулировать некоторые конструктивные мысли. (В былые времена чтение „Бесов” инкриминировалось как преступление.)

Так, литературовед Игорь Золотусский писал недавно в своей книге „Трепет сердца” (изд. „Современник”. Москва, 1986):

„Позвольте, какой же Достоевский без „христианинчанья“, или, если снять этот полный высокомерия „термин“, без Христа? Так ведь это другой писатель будет. Да и только ли к Достоевскому это относится? Если мы оторвем русскую литературу от этого самого „христианинчанья“, то что получимся? Даже с Герценом, не говоря уж о Достоевском и Толстом. Герцен писал: „Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Христианство проповедовалось чистыми и строгими в жизни апостолами... Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам“.

Следующий шаг на пути утверждения христианства в качестве примера нравственности сделал Чингиз Айтматов в романе „Плаха“, значение которого нельзя переоценить.

Новое „почвенничество“

За последние десятилетия выкристаллизовалось два, четко отличающихся друг от друга, понятия родины. Одно из них — это „большая родина“, провозглашаемая партией. Другое — „малая родина“. Вот что о ней писал литературовед Анатолий Ланшиков („Чувство пути“. Москва, 1983):

„Лет десять назад в широкий оборот нашей речи вошел термин „малая родина“, определивший явление, высталенное в очевидность „деревенской прозой“ и стихами таких поэтов, как Николай Рубцов...

Мотив „малой родины“ в нашей литературе можно сравнить вот с такой вспышкой, когда что-то замкнулось и на миг осветилась общность нравственных исканий современников“.

Мимолетно освещенная таким образом „общность исканий“ как бы слилась с существовавшим уже ранее понятием „почвенничества“; образовалось целое течение, постепенно объединившее многочисленных представителей самых различных кругов общности.

Явление это не прошло незамеченным и на Западе, где многие сразу же поспешили навесить на него ярлык „великорусского шовинизма“, с места в карьер от него отмежевавшись.

О том, как подобное отношение воспринимается русскими людьми на родине, свидетельствуют, в частности, слова писателя Дмитрия Балашова („Наш современник“ № 7, 1986), скорбящего „о том мифе, который создается вокруг имени русского, когда

уже и ужасы опричнины, и немецкое засилье биронувщины, и культ личности объяснены исконными свойствами русского народа. Как удобно, в самом деле, на сам народ сваливать художества тех или иных правителей!“

Возражая как бы на те же обвинения, академик Д. С. Лихачев писал в статье „Патриотизм против национализма“ („Заметки о русском“. Москва, 1984):

„Существует совершенно неправильное представление о том, что, подчеркивая национальные особенности, пытаюсь определить национальный характер, мы способствуем разъединению народов, потакаем шовинистическим инстинктам...

Вся история русской культуры показывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси. О том же писал и Достоевский в статье „Два лагеря теоретиков“: „Узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине“.

Выросшее на такой закваске современное почвенничество начало быстро набирать силу. Одной из его внешних форм оказалось стихийно родившееся в середине шестидесятых годов Общество охраны памятников истории и культуры. В конце 1986 года оно насчитывало более 18 миллионов членов! Другим смелым шагом „почвенников“ был решительный отпор, оказанный безумному проекту поворота рек и затопления русского Севера.

Однако не следует рассматривать сегодня почвенничество как некое „национально-религиозное“ или, тем более, церковное течение. К нему стали примыкать люди, просто „нутром“ любящие Россию и ищущие выхода из духовно-нравственного тупика.

Появилось понятие „подвижники“ — это отдельные, скромные люди, движимые любовью к человеку, состраданием и стремлением творить добро. Причем подчеркнуто вне каких-либо партийных или комсомольских рамок. Вот что писал о них инженер железнодорожного транспорта Михаил Антонов в статье „Ускорение: возможности и преграды“ („Наш современник“ № 7, 1986):

„Это они, подвижники, бескорыстные и не требующие наград за подвиг благородный, украшают и

облагораживают жизнь и больше, чем кто-либо другой, содействуют прогрессу общества /.../

Благородный человек подвижнического склада, бескорыстно служащий людям, народу, который он беззаветно любит, — вот та сила, которая противопоставит росту эгоистических устремлений /.../

Качество, которое выделяет подвижников среди всех героев современного общества, — лю б о в ь к лю д я м, а оно-то и оказывается сегодня самым нужным и в то же время, пожалуй, самым дефицитным /.../ Любовь таким образом из категории психологии превращается в категорию глобальную, с которой придется отныне считаться в любой науке”.

В канун тысячелетия Крещения Руси...

С момента провозглашения политики „гласности” в советской литературе и в периодической печати появилось немало произведений и статей, откровенно затрагивающих проблему выхода из духовного кризиса. Однако неизбежный вопрос о причинах его, как и столь же неизбежный вывод об их устранении, отражается приглушенно и выявляется разрозненно. Поставленные партийные пределы не преступаются, поскольку они — условие для публикации этих материалов. Допускается лишь то, что носит характер „критики недостатков”, не выходящей за рамки системы. Любые же обсуждения устранения трудностей вне этих рамок — пресекаются (в частности — конкретные выводы государственного и политического характера, вытекающие из умозаключений о прошлом) ...

Следует, однако, отметить, что многие „почвенники”, вероятно, не представляют целесообразности или просто возможности перехода от темы „памяти” к проблемам построения государства без пороков коммунистической системы. К тому же в процессе борьбы по спасению природы и национального быта, памятников старины и былых традиций — эти люди продолжают наталкиваться на категорическое „вето” заснеженной системы.

Обстановка сложная, и каждый „шаг влево или вправо” чреват опасностями. И все-таки тем же „почвенникам” преодолеть поставленные барьеры необходимо, преодолеть — чтобы начатое ими движение не замкнулось в себе, так и не осуществив заложенную в нем идею — оздоровления духовной жизни народа.

По существу, это переход от выявления отдельных пороков к общенациональному духовному обновлению, от защиты отдельных участков от разрухи и растления к объединяющей мысли национальной ответственности общества (а не власти, знающей только революционную преемственность) — за духовное и гражданское состояние государства. Только тогда будут эффективны и оправданы те многие, подчас героические, „малые шаги” в этом направлении, которые совершались и совершаются лучшими представителями общества.

Предстоящее в 1988 году празднование Крещения Руси дает обществу возможность сделать не малый, а объединяющий шаг к проявлению своей национальной ответственности. Власть прекрасно отдаст себе отчет в исключительном значении этого события, которое она, несмотря на жалкие попытки, взять на собственное вооружение никак не может. Не желая допустить, чтобы ответственность полноценно отметила свои духовные и национальные ценности, власть пытается замкнуть это общенациональное празднование в пределах Церкви, жестко ограниченной той же властью в своей деятельности. Для примера приведем отрывок из журнала „Профессионально-техническое образование” № 4, 1985:

„В проповедях и беседах, рассчитанных на юношество, церковники преувеличивают „заслуги” церкви в социально-историческом и культурном становлении России, духовно-нравственной жизни русского народа. Эта „работа” особенно активизировалась в связи с приближающимся тысячелетием крещения Руси”.

Совершенно очевидно, что необходимо отмечать не только чисто церковное, но и государственное и культурное значение этого события. И в сегодняшней обстановке это особенно важно. Взаимоотношения культуры, приведшей общество в нынешнее состояние упадка, — должна крепнуть культура, основанная на вечных христианских принципах, внесенных тысячу лет назад Крещением Руси, которыми вдохновлялись все великие русские мыслители, писатели и общественные деятели.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Эрнст
Говорит Неизвестный
1984, 178 с., 11 гравюр

20 нм

Не опека, а самоуправление

Роман РЕДЛИХ

К постановлению ЦК и СМ „О деятельности творческих союзов“

В конце февраля Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР приняли постановление „Об улучшении условий деятельности творческих союзов“. Так посмотрим, в чем она заключается, что тут за „перестройка“?

Как бывало и раньше, партия и правительство „ставят (здесь и далее курсив мой. — Р. Р.) перед творческими союзами *ответственные задачи* по созданию значительных в идейно-художественном отношении произведений“. Не будем спрашивать, когда и какие „значительные в идейно-художественном отношении произведения“ были созданы по постановлению какого-либо правительства. Вспомним пушкинский „Разговор книгопродавца с поэтом“. Как-то ведь они договорились. Беда в том, что, невзирая на перестройку, авторы Постановления по-прежнему распоряжаются общественными творческими союзами как подчиненными им органами власти. Судите сами:

„*Приняты предложения* Союза кинематографистов СССР *о создании* Всесоюзного общества друзей кино“. „*Предусматривается образовать* при Союзе кинематографистов...“. „Союзам театральных деятелей и театральным обществам... *разрешено создавать*...“. „Агентству печати 'Новости' *поручено издавать* по заказу и на средства Союза кинематографистов...“. „Союзу писателей СССР *разрешено вести* в штаты ряда журналов должности консультанта или заведующего отделом международной жизни; Союзу композиторов СССР — „*увеличить* объем журнала 'Музыкальная жизнь'“. А параллельно следуют распоряжения Госкомиздату, Министерству культуры, Министерству финансов, Министерству юстиции, государственным комитетам по кинематографии, телевидению и радиовещанию, по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам, советам министров союзных и автономных республик, крайисполкомам и облисполкомам, всем, кому надлежит все увязать, согласовать, предусмотреть, запланировать, вы-

делить средства, улучшить, укрепить, построить, ну, и так далее, включая „за счет средств творческих союзов“...

Нормальное постановление, и, выйди оно при Брежнев, — не стоило бы о нем и писать. Но сейчас, когда идет разговор о демократизации и затеваются преобразования и перестройка, когда творческие силы стали высказываться гораздо свободней, когда в театре Ленинского комсомола показали „Диктатуру совести“, а на киноэкраны вышли такие фильмы как „Покаяние“ или „Трудно быть молодым“, — с творческими союзами пора бы начать говорить иначе.

Ибо „решительная“ и даже „революционная“ (по словам Горбачева) перестройка должна привести к такому же решительному и революционному пересмотру отношений между государством и обществом. Обращение с творческими союзами как с органами государственной власти было „нормальным“ при Сталине, продолжало оставаться „нормальным“ при Брежнев, а теперь?

Теперь, если слова о демократизации не пустые слова, — то их нужно претворять в жизнь. А претворить их в жизнь не фиктивно, а на самом деле — можно, лишь признав, что демократизм заключается в самоуправлении самостоятельных граждан, что суть демократического правления — непрерывная правоорганизация народа, самоуправление, солидарность, соборность, автономия личности и автономия общественных союзов, невмешательство государственной власти в их позитивные цели, внутреннюю структуру, в принимаемые ими решения и действия. В рамках действующих опубликованных законов, разумеется.

Демократизировать наше общество — значит снять с общественных организаций (и с творческих союзов в первую очередь) гнетущую опеку государственной власти, дать им возможность творить самим, поддержать их там, где понадобится поддержка, следить за соблюдением законности — и только.

Мы думаем, что демократические общественные союзы не нуждаются в разрешении государственной власти для того, чтобы распорядиться своими средствами и определять объемы своих изданий и штаты своих редак-

ций. Нам кажется, что не дело государственной власти, да еще на уровне ЦК и Совета министров, — решать, можно или нельзя Союзу писателей „ввести в штаты ряда журналов” те или иные должности, увеличить или не увеличить объем журнала „Музыкальная жизнь”. Не дело государственной власти указывать творческим союзам, какие средства они должны выделить на постройку домов для ветеранов в Калинин, Ленинграде и Москве. Перестраиваясь, надо понять, что придирчивая мелочная опека — не помощь, а помеха, особенно там, где она влечет за собой необходимость отдать целый ряд распоряжений целому ряду министерств, госкомов и исполкомов, кадры которых будут еще и планировать, согласовывать и увязывать меры.

Такое положение вещей унижительно для творческих союзов и обременительно для государственного аппарата.

Вот почему нам кажется, что Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР, заканчивая свое новое постановление, напрасно „выразили уверенность в том, что принимаемые меры послужат делу дальнейшего укрепления идейно-художественного потенциала советской культуры, станут плодотворным стимулом в деятельности мастеров литературы и искусства”. Мы, напротив, совершенно уверены, что оно завянет в гибельном болоте бюрократических согласований и нисколько не будет полезней множества других подобных постановлений.

*

Как солидаристы, мы думаем, что вопросы взаимоотношений между органами государственной власти и общественными союзами нужно решать не на путях опеки и неотступного партийно-государственного руководства всеми видами общественной деятельности, а на основе *солидаристического принципа оптимальной поддержки* и оптимального содействия этой деятельности. Принцип этот чрезвычайно прост и применяется почти во всех демократических государствах.

Заключается же он, во-первых, в том, чтобы воздерживаться от ненужной опеки в делах, с которыми та или иная общественная организация в состоянии справиться собственными силами, а во-вторых, в том, чтобы оказывать каждой данной общественной организации солидарное содействие там и в

той мере, в какой это необходимо, чтобы она смогла справиться с задачей, которую сама себе поставила.

Наши писатели, кинематографисты, композиторы и художники не нуждаются в том, чтобы их водили за ручку, они не малолетние школьники, которых надо учить писать сочинения на заданную тему. Есть посильнее, есть послабее, но их уже не удержать в шорах партийного заказа. Это было видно на VIII съезде писателей, еще виднее на съезде кинематографистов и становится предельно ясно, когда читаешь, слушаешь или смотришь их произведения.

Мы ясно видим, что раскрепощение творчества в нашей стране уже идет полным ходом, независимо ни от каких постановлений. Оно должно сопровождаться раскрепощением творческих союзов. И нам кажется, что именно поэтому, — а не потому, что сам генеральный секретарь ЦК неумоимо говорит о перестройке, — созданный еще при Сталине единообразный Союз писателей с его избираемым сверху покорным власти правлением — пора перестроить так, чтобы он перестал быть помехой к образованию здоровых литературных течений, уже складывающихся вокруг журнальных редакций. Причем то же самое можно сказать и обо всех остальных творческих псевдосоюзах.

Да, при Горбачеве творческие силы страны получили глоток свободы. Но одного глотка мало. Для творческого расцвета нужен не допущенный руководством глоток, а — сама свобода.

Мы понимаем, конечно, что перейти от сталинской фиктивной демократии к демократии подлинной — дело нескорое и нелегкое, что и в ЦК и в Совете министров сказывается приверженность к привычному строю мышления, привычному словарю и привычному перепоручению любого дела бюрократической партийно-государственной машине. Но с помощью партийной бюрократии работу творческих общественных союзов улучшить нельзя. Здесь нужно отказаться от подавляющих всякую инициативу методов централизованной опеки и довериться здравому смыслу самостоятельных творческих организаций.

В стране хронического лимитирования дефицита это не просто. Но полноценная перестройка может осуществиться лишь силой освобожденного общества.

Дезинформация о Крещении Руси

Книга „доктора философских наук” Н. С. Гордиенко — „Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Poleмические заметки” (Лениздат, 1986) — не особенно ценный вклад в сокровищницу отечественной исторической науки. Но она знаменательный образец псевдонаучного творчества, долженствующего служить обоснованием и опорой антирелигиозной пропаганде, направленной на борьбу с празднованием в 1988 году тысячелетнего юбилея Крещения Руси.

Гордиенко очень озабочен тем, что русские церковные авторы „стремятся представить советским людям этот юбилей как событие, основополагающее не только для современного русского православия, но и для всего социалистического общества” (с. 7) и что они пытаются перебросить „мостик от прошлого к настоящему” (с. 8). Иначе говоря, русские церковные круги рассматривают предстоящий юбилей как „апофеоз традиции, как демонстрацию стабильности русского православия, как свидетельство наличия в нем таких духовных ценностей, которые остаются непреходящими все десять веков и неразрывно связывают настоящее с прошлым” (с. 246).

Борьба против надвигающейся „острейшей церковной опасности” должна вестись на широком фронте. Книга Гордиенко лишь „часть наступательной контрпропагандистской работы, усиления которой решительно потребовал июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС” (с. 13). За столь ответственную задачу Гордиенко взялся в двух весьма разных тональностях: почти вежливая критика „ошибочной интерпретации” русской истории в изданиях Московской патриархии сочетается с „разоблачением злостных фальсификаций” „реакционных эмигрантских кругов” (с. 12); тут „культурность” автора полностью уступает место безудержному чекистскому задору, который, надо прямо сказать, звучит у Гордиенко гораздо естественнее...

Удивительным образом, но вполне в духе времени, в книге почти отсутствует, так сказать, „положительная” часть. Автор разоблачает ошибочные „идеалистические” концепции „церковников”, но как-то не очень им противопоставляет „научную” марксистскую

догму. Он больше оперирует псевдофактами, чем псевдоконцепциями. Любопытен подбор источников к книге. Наряду с советскими историками-ортодоксами, среди которых законное первое место занимает Б. А. Рыбаков (начавший свою научную карьеру в разгар сталинского террора на поприще антирелигиозной пропаганды), Гордиенко часто использует творчество либеральных церковных авторов 1905-1906 и 1917 годов, когда волна разоблачительного энтузиазма захлестывала не только гражданское, но и церковное общество. Более некстати он привлекает к обоснованию своих антирелигиозных утверждений и труды историка-почвенника Д. С. Лихачева, цитируя его, впрочем, не слишком часто и передергивая. При использовании надлежащих приемов даже и у Ленина можно найти глубоко религиозные мысли, а у отцов Церкви — материалистические.

Несколько нарушают взятый автором „научный” тон досадные пробы в его „культуре”. Довольно живописно, например, наш доктор философских наук, марксист, определяет католицизм, как „западную модификацию в вероисповедном отношении”, или упрекает церковных авторов в стремлении „мистифицировать” процесс христианизации русского народа (с. 82 или 91), употребляя, видно, малопонятное для него слово в значении, неизвестном нашим словарям. И совсем уже весело читать перлы вроде того, что неким священником П. Флоренским в 1915 году „жажда знаний квалифицировалась... как нечто порочное” (с. 234), когда хорошо известно, что этот священник был одним из выдающихся русских ученых XX века.

Много стараний уделяет автор доказательству, что языческая культура наших славянских предков мало чем уступала навязанной им позже культуре христианской. Основываясь на воззрениях Б. А. Рыбакова, он утверждает, что появление Рюрика и его преемников на исторической сцене России не начало, а завершение процесса становления древнерусского государства. Из этого вытекает, что христианство не могло быть инструментом этого становления. Оно лишь послужило укреплением для уже образованной Киевской Руси.

Правда, трудно найти свидетельства и доказательств высокого уровня развития языческой Руси. Но объяснение тут несложное: по почину русской православной Церкви „истреблялись как ‘порождения языческого суеверия’ или предавались забвению многие произведения культуры дохристианского времени” (с. 36). Доказательство высококультурности отечественного язычества Гордиенко считает, например, „древнейшие орудия женского труда — прялки”, не понимая, что вероятная древность некоторых элементов их орнамента — ничего не доказывает, ибо оригинальных прялок языческих времен до нас не дошло (неужели монахи-мракобесы их систематически истребляли?). Бездоказательны и утверждения о наличии в дохристианское время на Руси развитой живописи, несмотря на любопытные ссылки автора на „выразительность” языческих идолов восточных славян, или существование богатой литературы, которую „средневековая церковь” столь „ревниво истребляла”, что от нее и следа не осталось. Конечно, не могла не существовать и письменность задолго до изобретения славянского алфавита воинствующими церковниками Кириллом и Мефодием. Доказательство этому (единственное) — пресловутый горшок, найденный на Смоленщине в 1949 году, с неясной надписью, возможно обозначающей древнерусский вариант слова „горчица”. Объясняется ли уникальность этого открытия тем, что наши монахи гонялись и за глиняными горшками — автор нам не уточняет...

Существовали в древности и элементы „древнего христианского монотеизма” в форме „культы Рода”, хотя каким-то странным образом этот „монотеизм” уживался с поклонением ряду других богов. Или наш автор считает, что „монотеист” тот, кто богам поклоняется в отдельности, а не всем сразу? Не мог обойти Гордиенко и известное высказывание, приписываемое начальной летописью белозерским волхвам, — о участии Сатаны в сотворении Богом человека. Считает он, что этот „языческий” миф ничем не хуже христианского. Но не заметил он, что „высказывание волхвов” — типичное манихейское рассуждение. Вероятно, составитель летописи показался наиболее пропагандно эффективным вложить в уста упорствующих противников христианизации страны воззрения наиболее тогда опасной для Церкви и весьма активной „богомильской ереси”.

Само употребление словосочетания „крещение Руси” Гордиенко считает „грубейшим нарушением элементарной логики, известным под названием подмены понятий” (с. 3). В 988 году Владимир Святославович крестил не „Русь”, а какое-то количество жителей Киева, причем по чисто политическим причинам. „Следовательно, не может идти речь о каком-то юбилее крещения или христианизации Руси, в том числе, разумеется, и о его тысячелетии” (с. 5). В 1988 году законно праздновать лишь тысячелетие русской православной Церкви. Таким образом „научно обосновано” стремление властей не допустить в 1988 году всенародного торжества, загнать празднование в ограду церковных храмов и золотую клетку Данилова монастыря.

Крещение русского народа, объясняет нам Гордиенко, носило „принудительный характер”, а „государственная идеология Византийской империи воспринималась народными массами Киевской Руси как что-то глубоко чуждое им” (с. 77). Особенно чуждыми тогда были и всегда оставались монастыри, проводники „жесточайшей эксплуатации народных масс” (с. 194). Автор берет даже утверждать, проявляя трогательную заботу о чистоте православия, что монастыри были „главными ревнителями обрядовости, очагами богослужебного формализма” (с. 196). Во время событий 1905 года „из монастырей раздавались самые громкие и настойчивые призывы к царю о необходимости подвигать рабочее движение силой оружия”, а в 1920-е годы они отказывались выделить „хотя бы малую толику своих богатств” для помощи голодающим (с. 204). Все это, разумеется, и в малой степени не соответствует исторической действительности. но обосновывает политику массового уничтожения монастырей (и монахов) после Октябрьского переворота: в 1917 году монастырей было 1025, а ныне число их не превышает 18.

Антинародный характер деятельности православной Церкви Гордиенко выявляет и во многом ином. Церковь, например, „старалась отвлечь” народные массы от „активных форм социального протеста” (с. 147), она „освящала” частную собственность и проповедовала „абсолютизацию русского самодержавия” (с. 164). Русское духовенство поддерживало татарских завоевателей против народа и как „награду за измену русскому народу” (с. 177) получала от них различ-

ные льготы. (Правда, автор не объясняет, по какой причине изменник родины Сергей Радонежский благословлял на борьбу против татар народного героя Дмитрия Донского...)

В революционное время Церковь помогала „царизму“ подавлять революцию, „а когда Великая Октябрьская социалистическая революция все же свершилась“, она „не только осудила ее, но и вступила на путь открытой контрреволюции“ (с. 185). (К сожалению, — и это неверно. В гражданскую войну большинство духовенства сохраняло полный нейтралитет, а в некоторой своей части — поддерживало красных.) В старой России духовная цензура, оказывается, душила всякую живую и научную мысль, но и в наши дни „духовенство продолжает курс на дискредитацию науки, на подрыв доверия к разуму“ (с. 235). В итоге своих разоблачений, Гордиенко высказывает уверенность в том, что он опроверг „богословскую легенду“ о „народности“ русского православия.

Прочитав исторический экскурс Гордиенко, сознательный гражданин страны советов не может не задать вопрос, возникающий с разительной очевидностью: куда смотрят органы безопасности? Ведь из вышеизложенного ясно, что на территории нашей социалистической родины существует архиопасное и архиреакционное сообщество, члены и даже руководители которого спокойно гуляют по улицам, организуют „собрания“ и даже (правда, ограниченным тиражом) распространяют свои злопахательские измышления благодаря услугам государственных типографий... Если православная Церковь была и остается „антинародной“, почему ее власть не закрывает, а вождей ее не пересажает? Сообразительный читатель ответит, что мы сейчас живем уже не при культе личности, чтобы такие меры принимать. Мы ему тогда возразим, что Сталин не только пересажал духовенство и закрыл почти все церкви, но и, когда началась народная Отечественная война, выпустил выживших „церковников“ из лагерей, открыл многие недоразрушенные церкви и восстановил в „антинародной“ церковной организации эффективное центральное управление в форме патриаршества. Зато „реформатор“ Хрущев снова гнал Церковь, закрыл более половины храмов и посадил самых непокорных членов духовенства.

...Когда в попытке Гордиенко обосновать тезис о беспросветной реакционности рус-

ской Церкви изредка проблескивают отдельные элементы научно-исторического подхода, в своем стремлении показать, что с XVIII века все лучшее в русской культуре было либо атеистично, либо антирелигиозно — он просто жалок. Находит он, к примеру, „глубокое атеистическое содержание“ (с. 134) в творчестве Ломоносова, писавшего, как известно:

„О вы, которые /.../
Обыкли случаю приписывать слепому,
Уверьтесь /.../
Что Промысел Вышнего господствует во всем“.

Заявив, что великая российская культура XIX века была в корне атеистична, Гордиенко приводит список ее (вероятно, по его представлениям — лучших) представителей: Гершен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Шевченко, И. Франко, Л. Украинка и К. С. Калиновский (с. 136). Каково себе представлять нашу классическую литературу, ограниченную этим перечнем? Но ведь мы знаем (даже Гордиенко знает), что в Бога верили Пушкин, Жуковский, Гоголь, Толстой, Достоевский... стоит ли продолжать?

По определению Гордиенко, для России всех времен характерны „низкий уровень и примитивный характер религиозности народных масс“ (с. 113), господство „самого грубого суеверия“, „обрядолюбие“. Одновременно „в глубинах народной жизни“ всегда продолжало бытовать „славянское язычество“, а также „свободомыслие и атеизм“ (с. 128), неуважение к духовенству и „неблагоговейное поведение в храме“ (с. 132). Образ, соединяющий „обрядолюбие“ с „неблагоговейным поведением в храме“ получается не слишком цельный!

Накапливая отрицательные характеристики русского православия, автор, видимо, не замечал, что они либо малозначительны (есть и то и другое), либо противоречивы. К тому же, хочет этого автор или нет, он дает уничтожающую характеристику (слава Богу, неверную) не только религиозной, но и духовной жизни русского народа в целом, в частности его древнего церковного искусства, того самого, которое изображено в дорогостоящих альбомах, продаваемых за валюту иностранцам. Весь мир восхищается нашей религиозной культурой: нашей церковной архитектурой, нашей иконописью (изображениями той самой Богородицы, в которой Гордиенко видит только переименованное „жен-

ское аграрное божество”, „гарант урожая” — с. 101; а Троица Андрея Рублева для него, как всякая икона, сравнима с „фетишем” и „древнеславянским истуканом” — с. 105).

По мнению Гордиенко, в канун наших революций русская Церковь переживала глубокий кризис. Отчасти он, конечно, прав. Трудно себе представить успех Ленина и его сподвижников в глубоко православной стране. В Церкви тогда было много внешнего и казенного. Но (и это отчасти приходится признать и самому Гордиенко) наряду с казенщиной и бюрократизмом в Церкви были заложены и уже начинали проявляться процессы обновления и возрождения. Критически настроенные церковные авторы того времени, на которых так любит ссылаться Гордиенко, не только выявляли недуги церковного организма, но и предлагали пути их излечения. Он указывает на 60 церковных журналов, существовавших тогда в России: на страницах многих из них происходил свободный и живой обмен мнениями, выражались поиски новых путей. В 1917—1918 годах усилия по оздоровлению русской православной Церкви нашли свое завершение на Московском Поместном Соборе, избравшем главу Церкви — Патриарха Московского и создавшем условия для возрождения всех областей церковной жизни. Но вскоре начались большевистские гонения, и большинство мер, предусмотренных Собором, так и не смогли быть проведены в жизнь.

Особенно бессовестно обращается Гордиенко с подъяремной русской Церковью в Советском Союзе. Начинает он с обвинений в активной контрреволюционности ее иерархов первых лет советского периода, в нежелании участвовать в помощи голодающим в начале двадцатых годов. Мы выше коснулись первого обвинения; что касается второго, необходимо напомнить, что церковные власти отказались лишь предоставить для продажи самые необходимые священные сосуды и предметы культа, все остальное жертвовалось без каких-либо препятствий. Существование Церкви при советской власти Гордиенко описывает как „деградацию” и „организационный упадок”, в итоге которых она превратилась в „пержиток прошлого, достояние немногих” (с. 224). Церковь пришлось признать победу „общества массового атеизма”. Доказывает свой тезис о естественной, ненасильственной деградации Церкви Гордиенко, опираясь на

различные статистические показатели дореволюционного и нынешнего периода (например, тогда было 78.000 храмов, а теперь — 7.500). Не упоминает он ни словом о страшных гонениях на нее при Ленине, Сталине и, снова, при Хрущеве, которые и суть главные причины нынешней стесненности церковной жизни.

Утверждая, что состояние Церкви связано с „объективными” причинами, Гордиенко, конечно, отрицает наличие в наше время какого-либо религиозного возрождения. Он сравнивает, например, увлечение части молодежи иконами и церковной стариной с „собиранием ритуальных масок” (с. 269). Интерес к русской старине, „который всегда был присущ советским людям” (и тем, кто по приказанию властей взрывали и оскверняли храмы?), никакого отношения к религии не имеет, хотя „некоторым порой изменяет чувство меры или подводит историческое чутье, и они допускают идеализацию прошлого (в том числе и церковного)” (с. 270).

Любопытно, что Гордиенко прилагает много стараний для доказательства, что в современной русской Церкви не может быть и речи о „чистоте православия”, что под давлением советского общества ей пришлось допустить ряд существенных отступлений от церковной традиции, и что теперь русское православие уже совсем не то, что в пору крещения Руси. В наши дни — православие „усеченное, очищенное от явных анахронизмов, откорректированное сообразно новым условиям своего социального бытия и модернизированное в духе времени” (с. 209-210). Среди проявлений „модернизма” русской Церкви, достойных одобрения Гордиенко, не забыто, естественно, и ее участие в „движении в защиту мира и международной безопасности”. Снисходительно цитируются слова Патриарха Пимена о полной поддержке Церковью советской „миролюбивой внутренней и внешней политики, которая отвечает чаяниям народов всего мира”, и митрополита Ювеналия о том, что Церковь является убежденным участником „того благотворного процесса, который принес народам нашего Отечества подлинное социальное освобождение и всестороннее развитие” (с. 231). Трудно отрешиться от впечатления, что столь брезгливое одобрение и рекламирование подобных высказываний советскими пропагандистами — имеет главной целью дискреди-

тацию в глазах верующих их собственных пастырей, вступивших на путь активной коллаборации с властью. Они, действительно, не свидетельствуют о расцвете русской Церкви и подтверждают тезис Гордиенко о том, что она перешла на позиции „коммунистического христианства”. Но, слава Богу, в лоне Церкви существуют и другие люди. Гордиенко их называет „отщепенцами и ренегатами”, „околоцерковными экстремистами”, выделяя среди них „бывшего православного священника Г. Якунина” (с. 267-269).

В книге Гордиенко много места уделено „разоблачениям” эмигрантских православных кругов, и в первую очередь Русской Зарубежной Церкви, приступившей к подготовке юбилея Крещения Руси еще в 1977 году. Очень раздражает его журнал „Русское Возрождение”, созданный для этой цели. Не вдаваясь в подробный анализ нападок и кле-

ветнических утверждений Гордиенко, мы все же отметим, что его высказывания полностью подтверждают мнение о большом значении для празднования предстоящего торжества в России — усилий, предпринятых за рубежом. Советские пропагандисты зорко следят за всеми мероприятиями, проводящимися или готовящимися за границей. Следит за ними и советская власть, не могущая на фоне внешнего громогласия обеспечить внутреннее молчание. Активности российского православного зарубежья и западной христианской общественности будет пропорционален объем мероприятий, разрешенных на родине русской Церкви. В значительной степени от всех нас зависит, станет ли празднование тысячелетия христианизации России — всенародным и спешествующим духовному возрождению нации.

Н. Р о с с

● КНИГИ, ЖУРНАЛЫ

Читая «Русское Возрождение»

„Русское Возрождение” — не просто „независимый русский православный национальный журнал”, не просто одно из названий русской эмигрантской периодики. Это вообще не „просто” журнал, и вряд ли можно писать о нем так, как пишут обычно о литературных или политических журналах, оценивая их художественные или публицистические достоинства*.

Журнал „Русское Возрождение” возник из осознания значения приближающейся даты 1000-летия Крещения Руси (988—1988) и из ощущения, что к этому событию необходимо духовно подготовиться, чтобы событие это было не просто „празднованием”, а „укреплением наших сил”, ибо, как отмечает прот. А. Киселев, какое может быть празднование в самый разгар боя?

„Русское Возрождение” — не просто сборник статей, посвященный теме 1000-летия

Крещения Руси. Хотя на его страницах и ощущается характерная для тематических сборников сосредоточенность мысли, круг его интересов выходит за рамки самой темы Крещения и включает вопросы литературы, философии, истории, веры и Церкви, проблемы государственной жизни, национального бытия. Но все эти вопросы рассматриваются на страницах журнала в свете нашего Крещения, в свете современного духовного возрождения России.

Поэтому „Русское Возрождение” — не просто журнал и не просто сборник, а участник русского дела, направленного на укрепление наших религиозно-патриотических чувств для преодоления „страшного духа смерти и разрушения”, по указаниям которого, с помощью лжи и обмана, неизменно действует Великий Инквизитор Достоевского*. В этой борьбе за жизнь против „духа

* „Русское Возрождение” издается с 1978 г. в Нью-Йорке Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Выходит ежеквартально. Создатель и долготелетний редактор журнала — прот. Александр Киселев.

* Сто лет после Достоевского, И. Р. Шафаревич — опираясь уже на свой опыт советской действительности — говорит об „инстинкте смерти” как о внутренней, движущей силе социализма и считает, что „смерть человечества является не только мыслимым результатом торжества социализма”, но „составляет цель социализма”. А то, что соци-

смерти" нужны большие душевные, нравственные силы, источник которых и лежит в нашем Крещении.

Наши предки — по оценке епископа Нафанаила* — до принятия христианства не имели ни государственных представлений, ни национального сознания, ни самобытной культуры. С Крещением начинается наш национальный и государственный путь. И наши предки служили государству с религиозным сознанием, что их служение есть служение Богу, потому что само государство конечной целью своего существования полагало служение Богу и Его правде в исповедании Православной веры. Общепризнанными духовными наставниками были святые, и в неразрывном единстве русского народа с ними в XIV—XVI вв. владыка Нафанаил видит ключ к раскрытию смысла понятия "Святая Русь". Русь никогда не была святой в том смысле, что ее народ — весь или в значительной своей части — был святым, "но святость была единственным идеалом для всех" и "весь народ, от государя до последнего раба, жил одной жизнью".

Иначе говоря, русское государство и русский патриотизм питались религиозными корнями. Здесь — источник соборной сущности России и русской национальности, которую социализм стремился уничтожить. Но историческое религиозно-национальное развитие России наложило на всех нас "неизгладимую печать", которая, несмотря на потерю нашей национальной государственности, продолжает нас объединять в одно духовное и нравственное целое. От наших предков, как напоминает прот. А. Киселев, мы некогда слышали "звуки небес", и отголосок этой святой песни остался в нас — "без слов, но живой".

Другая большая тема журнала — утверждение живущего в русском предании общественного идеала, этой "святыни русского народа", по определению о. Павла Флоренского. Одновременно стоит вопрос отношения

лизм не довел наш народ до полной смерти, отнюдь не доказывает, что этот его внутренний замысел не реализован.

* Епископ Нафанаил, "О Петре Великом", "Русское Возрождение", № 2, 1978.

Владыка Нафанаил, с 1981 года архиепископ Венский и Австрийский (в миру Василий Владимирович Львов), скончался 8 ноября 1986 года в Обители преп. Иова Почевского в Мюнхене. — Ред.

России и Европы. Не исключая Россию из системы государств европейской христианской культуры, следует отрицать превращение европейским революционным рационализмом в идеологические кумиры такие понятия как свобода, права человека, прогресс, равенство, социальная демократия. В середине прошлого века наши почвенники выступали именно как русские европейцы, а наши лучшие западники сходились с ними в отрицании революционного идолопоклонства. Вне Европы, то есть вне христианской европейской культуры оказались только крайне западники, западничество которых выражалось в служении мировой социалистической революции.

В одной из статей "Русского Возрождения", посвященной А. С. Хомякову, приводятся слова Ю. Ф. Самарина, говорившего, что русская теоретическая мысль до Хомякова "лишь отвечала на вопросы", предлагаемые ей с Запада, принимая эти вопросы "в той форме, в какой предлагала их западная полемика, не подозревая, что ложь заключалась не только в решениях, но и в самой постановке вопроса, даже в постановке более, чем в решениях"*.

Сегодня, когда — по выражению А. И. Солженицына — человечество "стиснулось в единый судорожно бьющийся ком", эта ложь стала еще более наглядной, особенно в отношении главной проблемы времени — коммунизма. Революционный рационализм, не будучи способным увидеть в коммунизме "концентрацию непримиримого динамического зла" (Солженицын), не сумел охватить это явление в его полноте.

Вопросы прав человека, свободы, демократии, справедливости, национальной жизни, культуры все еще ставятся в свете рационалистической идеологии и в форме исключительно выгодной для коммунизма. И принимая их в этой форме, мир не только не находит решения проблемы коммунизма, но все глубже и глубже заходит в тупик и уже, кажется, не исключает даже возможности ядерного "решения".

Надежда на выход из этого тупика, несомненно, теперь лежит только на самих поработенных коммунизмом народах, в

---

* В. М. Е. "Концепция народности в творчестве А. С. Хомякова и старших славянофилов". Статья, получена редакцией из России. "Русское Возрождение", № 32, 1985.

частности — на русском. И не только потому, что он стал первой и главной жертвой коммунизма, но прежде всего потому, что он не признал "свое зло — добром", как отмечал еще в свое время свящ. Дм. Дудко, не "поддался" и не "отдался", как говорит Солженицын, хотя физически и был поработан. Об этом свидетельствуют и письма, полученные редакцией "Русского Возрождения" из России. В одном из них упоминается, в частности, сборник "Надежда" и отмечается, что это "христианское чтение уникально, потому что оно делается здесь, в наших условиях, свидетельствуя о Христе в России в наше время и о духовной жизни современных нам людей". А в предисловии к сборникам "Надежда" подчеркнуто, что "безбожные идеи умерщвляют природу человека и нации, в каких бы культурных формах ни воплощались эти идеи", что "только нравственный христианский максимализм может быть спасителем в современных условиях", что "только в присутствии Бога и можно узнать о правах человека"*.

Поэтому — недостаточно "жалеть" Россию. В России надо увидеть нечто чрезвычайно важное для сегодняшнего мира, потому что русская идея (без кавычек), которую Достоевский формулировал как "деятельное приложение нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечества" — вероятно единственная сегодня идея, способная противостоять коммунистическому "духу смерти", угрожающему христианскому миру. И когда участники дела русского возрождения думают об изменениях в нашей стране, то мысль их идет не к "либерализации" советского социалистического строя, не к "демократизации" советской коммунистической системы, а к возвращению России на ее исторический путь, озаренный идеалом "христианского по духу и православного по стилю" государства.

Г. Федотов, которого "Русское Возрождение" справедливо цитирует, говорил, что лицо России не может открыться в одном, современном нам поколении: "Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков, и падение, оскудение одной эпохи —

* Сборники "Надежда" (Христианское чтение) выходят в издательстве "Посев" и распространяются самиздатом в России. Всего вышло 13 сборников, № 14 в подготовке.

пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее (вновь) сомкнется с прошлым в живую связь".

В преддверии празднования 1000-летия Крещения Руси участники дела "Русского Возрождения" исповедуют Православную Церковь "не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории". И в этом деле принимают участие не только авторы статей, но и все, кто, читая их, — в России и в эмиграции, — осознают себя в общем деле с нашими предками, и понимают, что "национальное бытие, родина, патриотизм, это — как пишет прот. А. Киселев — путь нашей жизни, форма нашего творчества, выполнение первой, самой ранней заповеди, данной Богом на заре человеческого бытия: возделывать и хранить землю**.

В. Желягин

* Прот. А. Киселев. "Национальный вопрос". "Русское Возрождение", № 25, 1984.

Фонд Свободной России

Адрес для переписки:

T. Slavinsky
Flurscheldeweg 15
D-6230 Frankfurt a. M. 80

Банковский счет:

A/C 461 971, Rubr. Free Russia,
Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel

Фонд Свободной России создан решением Совета НТС в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения. Собранные Фондом средства идут на поддержание связи между оппозиционными группами в стране и зарубежной общественностью, на вывоз рукописей из страны, на переправку в СССР изданной за рубежом литературы, на материальную помощь преследуемым.

Фонд Свободной России нуждается в Вашей поддержке!

Патриотические спекуляции Ю. Кузнецова

Национальное движение, выразителями которого стали такие крупные современные писатели, как Астафьев, Распутин, Белов и другие, — явление сложное, разнородное к однозначному анализу не поддающееся. Взять хотя бы серию рассказов Астафьева в „Нашем современнике” № 5 (1986 г.): рассказы сильные, вырисовывающаяся картина современного упадка России страшна, но и тут намешано много нелепого. Астафьев всерьез верит, например, в диверсию с „колорадским жучком”, обрушивается на москвичей, что носят джинсы, и прочее. Искренняя боль писателя драматично перемешана с его неумением отделять зерна от плевел. Однако так он умеет создать пейзаж, картину, такую точную реплику вложить в уста персонажа, таким лиризмом высветить кусок жизни — что подлинность его творчества несомненна...

Намного хуже обстоит дело в поэзии. Новейшее „почвенничество”, чистым лиризмом блеснувшее в поэзии безвременно погибшего Николая Рубцова, ныне преломляется, например, в эпигонстве Ст. Куняева или Юрия Кузнецова, претендующих не только на полноценное лирическое звучание, но и на некое идейно-политическое монопольное значение, а лучше сказать, *фюрерство*, ибо от их виршей за версту разит шовинизмом. Таким образом, Кузнецов или Куняев не просто плохие поэты, каких в СССР легион, ибо их словесная ткань неряшлива, ритмы вялы, образы ходульны, ткань не обработана, нет — на фоне современной советской жизни это — явления весьма социальные или, как принято говорить, идеологические...

Выпущенная не так давно издательством „Молодая гвардия” книга стихов Юрия Кузнецова „Ни рано ни поздно” позволяет проследить тенденции его грубой, но весьма популярной в СССР лирики, как сказано в редакторской справке: „Кузнецов пишет на такие темы, которые никого не оставляют равнодушными: Родина, история, любовь и, главное, путь-дорога, которой приходит человек к постижению этих понятий, к их осознанию, к их ощущению”. Это заявка, прямо скажем, немалая.

Юрий Кузнецов. „Ни рано ни поздно”. — Москва: „Молодая гвардия”, 1985.

Идеологи-литкритики, вроде Кожинова, кажется, всерьез убедили Кузнецова в его значительности. При отсутствии у стихотворца даже подобия чувства юмора он, видать, и впрямь поверил в свою литературную уникальность:

Раз поэт, открывая свою душу.
Те стучатся, а эти стучат
И трясут мою славу, как грушу.
— Кто такие? — Свои, — говорят.

Вон отсель поперечно-продольно,
Проходимцы души и дорог.
Не хочу. Презираю. Довольно
Обивать мой высокий порог.

Чего „не хочу” и „презираю”, куда „стучатся те” и на кого „стучат эти” — остается неясно, зато явно проясняется магия величия Кузнецова, которая, как известно, вечная спутница графомании. Кузнецову не дают покоя лавры Козьмы Пруткова, послушать его — вокруг буквально скрежет зубовый и все завидуют дебоширу, „славяно-филю”:

Как он смеет! Да кто он такой?
Почему не считается с нами?
Это зависть скрежетет зубами,
Это злора и морок лодской.

Пусть они проживут до седин,
Но сметет их минутная стрелка.
Звать меня Кузнецов. Я один.
Остальные — обман и подделка.

... Итак, согласно цитированной выше ре-марке, родина, история и любовь — три кита, на которых держится лирика Кузнецова.

Первые две ипостаси — история и Россия — присутствуют у советского стихослагателя очень своеобразно, а вернее, наоборот, — эклектично. Все 20-е и 30-е годы история о т е ч е с т в а в государстве, подчеркивавшем свой всемирный интернационалистский характер, — была в загоне. Живая историческая органика подменялась выморочными социальными схемами. В войну, как известно, ради спасения своей шкуры, Сталин разыграл беспроигрышную карту патриотизма. С тех пор советская идеологическая машина метается между этими двумя полюсами: ин-

тернационалистским и национально-патриотическим, к которому за рога притянута и постреволюционная трагическая эпоха. Кузнецов как раз принадлежит к этому второму полюсу: следуя сталинской модели сороковых-пятидесятых годов, он трактует после-революционную историю как естественное продолжение традиционно-русской. Вот почему под (кстати, полиграфически отвратной) обложку его новой книги спокойно уживаются образы преп. Сергия и богатыря Пересвета с... образом Сталина. Сталин — по Кузнецову — мудрый и твердый, хоть и строгий хозяин прежней „единой и неделимой” России, „родной вождь”, как не совестится назвать его вишнелет в стихотворении „Сказка гвоздя”. Свой фантастический визит к Сталину ходяком — он рисует едва ли не в былинно-народных тонах, где в апофеозе:

Индустрия! Рабочая кость!
Стопп отечества, огненный гвоздь,
Русской воли железная встряска.

Имперским амбициям Кузнецова есть где разгуляться:

Поплывем на любом решете,
Развоздимся во всей широте
От Литвы до урюгой Аляски...

Мы посеяли много костей.
Мы сорвали со старых гвоздей
Родовые гербы и скрижали...

Страшное признание это в устах Кузнецова выглядит залихватски: „Раззудись плечо, разойдись рука” — вот идейный рефрен его худого стихослагательства. И ничего не дорого этой милитаристской эквилибристике: ни жертвы раскулачивания, ни жертвы коммунистической индустрии, исчисляемые миллионами жизней.

...Тема родины лишь тогда может быть разрешена — в прекрасное не фальшиво, когда уходит корнями в д у х истории, как известно укорененный у нас в христианстве, в его православной истинности. Вне русской святости — о которой столь проникновенно говорят историки, философы и писатели наши — нет и не может быть положительной национальной истории. Атеистическая революция переломила ее (смертельно или нет, — покажет лишь будущее), но никак не продолжи-

ла на новом витке, как хочет убедить нас лирический герой Кузнецова. Его патриотизм — тотальная симуляция.

Что и говорить, не везет отечественной истории. С одной стороны, — люди, начисто лишённые слуха, органического и политического мышления, органа, способного воспринимать эстетическую и духовную красоту родимой веры, бытия и земли. С другой, — патриоты кузнецовского типа. И те и другие сходятся, однако, на том, что коммунизм — естественное продолжение нашего национального бытия.

Так, помимо всего прочего, „обезвреживается” феномен тоталитаризма, сужаемый до локальной географической, пусть и не малой точки.

... Не лучше обстоит дело и с третьим „ки-том” кузнецовской книги — с любовью. Как правило, лирических героинь — в соответствии со своим амплуа — Кузнецов величает „красными девицами”, лишь в стихотворении „Письмо” „красная девица” превращается почему-то в „белую”:

И жених белой девице снится.
От письма молодой аромат
На лице и руках серебрится.

С „ароматами” у Кузнецова вообще неблагоприятное, вернее, они в избытке. В стихотворении „Духи”, например, он получает письмо от поклонницы и вынужден бежать на балкон, чтоб не быть пойманным с поличным — настолько оно пропахло духами:

Словно старым пахнуло романом.
Я читаю письмо на ветру,
Чтобы запах сдувало с балкона.

... Был в 60-е годы в СССР популярный лирик Эдуард Асадов, в сравнении с которым всякие „ананасы в шампанском” — верх хорошего вкуса.

Кузнецов — Асадов 80-х. Но к пошлости он добавил идеологию и плохо переваренную культуру. И его ручной патриотизм — „самое то” для советской идеологии.

За ресторанными столиками ЦДЛ, куда простому россиянину путь заказан, присягают Кузнецов и ему подобные — из вечера в вечер — в своей верности родине, черпая там то, что заменяет им вдохновение, и не имея ни подлинных способностей, ни свободной воли, — взглянуть в глаза трагической истине.

Юрий Кублановский

«Грани» №№ 141-142

Самое главное в „Гранях” с переменой редактора не переменялось. „Грани” по-прежнему остаются, — как и отмечено в сообщении издательства на последней странице № 141, — „журналом для России”. И, пожалуй, скорей даже больше, чем прежде, хоть о „лице” или „почерке” нового редактора, Екатерины Алексеевны Брейтбарт-Самсоновой, судить по этим первым двум выпущенным ею номерам еще, пожалуй, рано.

Но начнем по порядку.

№ 141 открывается тремя главами из романа недавно скончавшегося в России автора Владимира Кормера „Наследство”. Две из них уводят нас в эмигрантский Париж двадцатых годов, в редакцию журнала, который „всегда был оплотом”, „неизменно отставал” и т. д. Удивительным образом родившийся в 1939 году и никогда не бывавший за границей Владимир Кормер живо и точно, а главное, психологически верно сумел передать не только внешнюю обстановку в редакции, но и духовную атмосферу в политической эмиграции двадцатых годов. Еще одна глава „Наследства” посвящена диссидентству начала 70-х годов. Но о подходе к нему Кормера по одной лишь этой главе, пожалуй, рано судить. Издательство „Посев” намерено опубликовать весь роман. Будем надеяться, что в „Гранях” появится тогда и критический разбор творчества этого рано умершего, несомненно талантливого романиста.

Памяти хорошо известной читателям „Граней” Ольги Анстей посвящен некролог известного немецкого слависта Вольфганга Казака, за которым следует сделанный ею прекрасный перевод „Цветка любви” Оскара Уайльда. Стансами „Памяти Владимира Набокова” москвички Ольги Седаковой заканчивается собственно литературная часть журнала.

„Путешествие из Дубровлага в Ермак” Михаила Хейфеца в отделе Очерки современности — еще один новый вклад в уже и без того обширную мемуарную литературу о советских тюрьмах и лагерях. „Путешествие” написано очень живо, легко читается, а заинтересованный читатель найдет в нем не только красочное описание перевозки эзков по „просторам советской родины”, но и раз-

бросанные там и сям имена новейших диссидентов, и заметки об отношении к ним и к их идеям неполитических товарищей по заключению.

Весьма удачен в 141 номере „Граней” труднейший для зарубежного русского журнала отдел литературной критики. Помещенная в нем статья Владислава Краснова „Воскрешение Столыпина” дает отличный разбор и оценку работы Солженицына как историка. Полемизируя с Лосевым (см. „Континент” 42/1984), Краснов соглашается, что „Солженицын в самом деле ’избирателен’ и ’пристрастен’, а порою ’полемичен’ и ’запальчив’, но это, по его суждению, еще далеко не значит, что изображение хода русской истории и истоков Октября ’ненадежно’”. И несколько далее: „Вполне возможно, что как и любой грешный (или ’пристрастный’) историк или художник, Солженицын иногда ошибается в фактах, но он никогда не извращает их преднамеренно и не подтасовывает под свою концепцию”.

Удачна и статья Коржинского „Страсти по Мастеру” — безусловно нужное возражение на неудачную, на наш взгляд, статью А. Чедровой о христианстве Михаила Булгакова в 134 номере „Граней”.

В отделе „История” помещена хорошо обоснованная источниками статья Юрия Фельштинского „Брестский мир”. Думается, что эта статья будет особенно интересна советскому читателю тем, что в ней, опираясь на добросовестное изучение фактов, Фельштинский анализирует внутрипартийные споры и распри, разгоревшиеся тотчас же после захвата власти большевиками, и раскрывает позиции Ленина, Троцкого, Иоффе, Бухарина, Зиновьева и других большевистских вождей того времени, совершенно искаженные советской историографией. Вырисовывается картина, далекая от монолитного единства, выдуманного потом при Сталине.

Номер 141 заканчивается развернутым интервью, взятым А. М. Юговым у основателя „Граней” Е. Р. Романова в связи с сорокалетием журнала. В этом интервью дается — по повеле короткой — обзор истории „Граней”, оценка прошлого и взгляд на возможное будущее.

И как бы в добавление, под скромной рубрикой „Библиография“, читатель находит краткий, но содержательный отзыв Ю. Кублановского на книгу С. Липкина „Сталинград Василия Гроссмана“ и рецензию С. Голлербаха на книгу Э. Эгеланда (по-английски) о жизни и творчестве „скульптора духовного синтеза“ Эрнста Неизвестного.

*

„Грани“ № 142. Проза и поэзия. Александр Антонович „Отпуск“, Елена Шварц „Фрагменты поэмы“, Игнатий Шенфельд „Бармалей“.

Повесть Антоновича начинается лирической прозой. Брошенная деревня — Пустые Вторники, осенняя природа, лес, появление собаки, воспоминания. Это — первые три короткие главы. А затем люди: председатель колхоза Лагов и его приживальщик (современный колхозный приживальщик!) Башлыков, а с ними расчеловеченные межчеловеческие отношения в горемычной советской глубинке... Несомненная творческая удача уже печатавшегося в „Гранях“ автора.

„Бармалей“ Игнатия Шенфельда. Опять неисчерпаемая лагерная тема? Нет. Элементы этой темы для Шенфельда только одна из сторон, — правда, существеннейших сторон, — советской жизни военного и послевоенного времени, фон, на котором просто и без ненужных эффектов изложена потрясающая человеческая трагедия.

Во „Фрагментах поэмы“ талантливой ленинградки Елены Шварц, напечатанных в этом номере „Граней“, есть фрагмент „Псаломщица“. Прочтите его небегло, и вы услышите голос подлинной большой поэзии.

Отдел литературной критики новый редактор „Граней“, Е. А. Брейтбарт-Самсонова, решила посвятить памяти одного из первых редакторов и неизменного друга журнала Л. Д. Ржевского, перепечатав еще раз его статью „Мотив жалости в поэтике Достоевского“. „Хочется, пусть заведомо в неполном виде, но передать хоть что-то через его собственное — художественное — слово“, — пишет она в своем как бы предисловии к этой статье, заменяя формальный некролог характеристикой Леонида Денисовича прежде всего как „одного из редчайших в наше время мастеров творческого прочтения творческого слова“.

Помещенные под рубрикой „Дневники, воспоминания, документы“, „Записки о войне“ Николая Лихачева обрываются, к сожалению, 12 июля 1941 года. Тем не менее, это драгоценнейшее свидетельство очевидца (прежде всего в силу его подробности — 45 страниц мелкой печати!) о первых трех военных неделях в Москве и о мобилизации москвичей в „добровольное“ „народное“ ополчение, безрассудно брошенное вскоре в гиблый котел под Вязмой. Характерные для многих деятелей так называемой „второй эмиграции“ биографические сведения о Лихачеве читатель найдет в том же 142 номере „Граней“ на страницах 313—315.*

В отделе публицистики „Граней“ № 142 мы находим две очень разных статьи, Андрея Самохина „Амурская война“ и Георгия Викторова „Технология отставания“. Автор „Амурской войны“ и сегодня живет в России. В центре его политических и публицистических интересов — взаимоотношения России и Китая, тема едва ли не ключевая и для российского и для китайского будущего, которой, однако, с обеих сторон посвящается до сих пор слишком мало внимания.** Статья начинается с выхода России к Амуру триста лет назад и кончается оценкой современного положения и возможных выводов из нее. Несмотря на то, что Самохину, в силу существующих в СССР условий исследовательской работы, доступны далеко не все возможные источники, „Амурская война“ чрезвычайно интересна и по содержанию и по стилю мышления автора с его в высшей степени характерной геополитической доминантой, позволяющей ему ясно представить себе стратегические соображения вождей КПСС, а вероятно, и вождей КПК.

„Технология отставания“ американского специалиста по электронной технике Георгия Викторова кратко и ясно указывает на электронику как на решающую силу современной научно-технической революции, но также и на явную неспособность реального социализма овладеть этой силой. Читая ста-

* Н. Лихачев под своим литературным псевдонимом А. В. Светланин работал с 1955 г. в „Посеве“ — ответственным секретарем, заместителем редактора, — а с 1958 г. до своей смерти 1 августа 1965 г. был главным редактором журнала.

** Его книга „Китайский круг России“ вышла в изд. „Посев“ в 1981 г. — Р е д.

тью Викторова, начинаешь понимать если не самую главную, то одну из самых главных трудностей, перед которыми научно-техническая революция поставила руководство КПСС, а образно говоря, — где зарыта собака горбачевского пыла и горбачевских хлопот.

Отдел публицистики в „Гранях” № 142 получился очень удачным: статья Самохина с ее историческим введением, выдержанная целиком в категориях дипломатического и военного геополитического мышления, и вслед за нею статья Викторова с ее, казалось бы, чисто технологическим подходом, указывающая на творческий источник политической мощи, на изобретательскую мысль, понимание и свободное знание (теперь принято говорить „информацию”).

Богато представлен в рецензируемом номере отдел „Книжное обозрение”, в котором большинство рецензий перерастает в маленькие статьи. Так рецензия М. Назарова на „Печальный детектив” и „Ловлю пескарей в Грузии” Виктора Астафьева содержит также и элементы полноценной литературной критики, а рецензии Юрия Штейна на „Будущее России” и „Победителя коммунизма” В. Чалидзе — уже просто полемическая статья.

Написанное Ю. Кублановским — по поводу „недавно изданной объемной сплотки тютчевских писем” „Мировоззрение Тютчева” — отлично сделанный короткий очерк, где Кублановский попытался проанализировать природу тютчевского консерватизма. Отметим еще и хорошее краткое изложение сборника статей Льва Тимофеева „Последняя надежда выжить”, выпущенного издательством „Эрмитаж” в 1985-году.

... И, наконец, гордый нашим национальным наследством читатель с удовлетворением отметит короткие рецензии на репринт русского перевода Толковой Псалтири Евфимия Зигабена, предпринятый Канадской епархией Русской Православной Церкви за границей в память тысячелетия Крещения Руси, на вышедший в Париже (по-французски) альбом Российской императорской гвардии и на очередную горсть солоухинских „Камешков на ладони” („Новый мир” № 8 за 1986 год).

Расширение книжного обозрения в этом номере „Граней” хочется горячо приветствовать и пожелать редакции продолжать его в том же объеме и духе.

Роман Редих

● ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Чистка не приводит к порядку

Сейчас, конечно, все связано с новыми веяниями нового лидера. В стране идет борьба с различными нарушениями. Многих работников торговли и службы быта посадили. Среди них есть бывшие руководители, естественно, бывшие коммунисты. Прошли крупные процессы по торговле. Расстреляли директора магазина завода Ростсельмаш Уркина (торговля и перепродажа в больших количествах мяса и других продуктов), максимальный срок получил бывший начальник областного управления торговли Будницкий, остальные дали в пределах 8-10 лет. Эти остальные тоже бывшие руководители и тоже бывшие коммунисты. По этому поводу ведется много разговоров — не придут ли на их место другие руководители, у которых хорошая анкета, но которым плевать на

положение простого люда. В общем кампания чистки население поддерживает, но опасается перегибов на местах, какие уже имели место...

Вначале я думал, что чистка хозяйственно-го руководства приведет к порядку в снабжении населения продуктами и прочими необходимыми товарами, однако пока этого не случилось. Зато все население приравнено к алкашам — если надо купить бутылку водки, то приходится 2-3 часа простоять в очереди на виду прохожих! Однако настоящий алкоголик в очереди на виду у всех стоять не будет, так как всегда отоваривается у своих sobутыльников — грузчиков магазина. Пиво в воскресенье тоже не продается, считается сильным алкогольным напитком. Зато в понедельник с 14 часов можно купить и водку и пиво. Это как раз один из перегибов на местах. Каждый руководитель области, края, города старается „перевыполнить”¹⁾ указание сверху и доходит до абсурда. Так и рождаются ошибки в экономике, когда принимаются несерьезные планы с нереальными сроками их выполнения. С этими фак-

¹⁾ Письмо, полученное из страны, предоставлено нам изданием НТС — „Форум”.

тами я сталкиваюсь в строительстве, где, на мой взгляд, самая большая неразбериха в организации производства. Вообще меня тревожит экономическое развитие страны...

В „Форуме“ № 4 вы поднимаете вопрос эффективности нашей экономики. Низкая эффективность труда объясняется „низким уровнем трудовой морали в нашей стране“, „нежеланием большинства служащих и рабочих отдавать себя делу, смысл которого не очевиден“. Мне кажется, что главный рычаг экономики — это материальная заинтересованность (хоть при социализме, хоть при капитализме). В нашем стройправлении ИТР получает в два раза меньше рабочего, так как для пополнения своего дохода ему приходится делать приписки на рабочих, а потом делить разницу в зарплате на себя и этих рабочих. Однако, если эти рабочие станут плохо работать и прораб будет их заставлять выполнять свои обязанности, то эти рабочие могут, как сейчас принято говорить, „сдать“ его в ОБХСС, как вымогателя взятки, что в конечном счете будет называться получением взятки у подчиненных. Срок от 8 до 15 лет. Соответственно, прораб на обострение не пойдет, производительность труда будет падать, а приписки — расти. В итоге — звено трудового коллектива не дееспособно. И когда в газетах читаешь о „расточительстве“ рабочего времени, о несудах, укравших два гвоздя и т. п., то думаешь: а не проще повысить зарплату ИТР? Правда, сейчас много пишут в газетах, что надо повышать зарплату ИТР, и тут же применяются множество „но“... Сейчас мы критикуем недостатки — это как мода, в отличие от прошлых лет, когда шла повсеместная хвалба мнимых успехов в любых делах. Руководство, которое смели, меняют на другое, но обязательно партийное. А куда деваться беспартийным с опытом работы на производстве? Видимо, так и быть исполнителями. Поэтому весьма интересны события, связанные с борьбой „Солидарности“ как профсоюза в Польше. По нашей печати — в Польше все в порядке. Однако „голоса“ вещают другое, но толком их не послушаешь из-за помех. Догадываюсь, что действительная обстановка в Польше не такая стабильная, как нам преподносят.

Февраль, 1987

Б. Калинин

„Форум“ — специальное издание, в котором ИТС отвечает на полученные из страны письма. А задачах „Форума“ его редакция говорит в предисловии:

„К нам обращаются самые разные люди из самых разных концов страны. Их объединяет одно — любовь к России и ощущение приближающейся катастрофы, если не будут найдены радикальные пути спасения страны. Не видя выхода в подправке советской коммунистической системы, они начинают обращаться к силам русской оппозиции — в данном случае к нам, к ИТС. Этих людей мы считаем своими друзьями. Там, где это было возможно, мы им уже ответили в личном порядке [...]. Но такие же вопросы возникают и у других людей, не имеющих возможности с нами войти в контакт или не знающих, как это сделать. Думая о них, мы решили начать это издание. Форумом в древнем Риме называли то место, где открыто обсуждались общественные и государственные проблемы. Пускай этот листок и последующие его выпуски станут все более широким русским Форумом, где и Вы, дорогой читатель, будете иметь возможность выступить и включиться в дискуссию с ИТС и другими людьми, ищущими путей к спасению России. Тысячи сочувствующих Вам людей, читая „Форум“, будут Вас слушать и понимать, что они не одни...“

„Форум друзей Народно-Трудового Союза“ распространяется разными путями среди наших соотечественников. Автор письма, опубликованного в „Посеве“, откликается на письмо С. Тихонова, полученное ИТС из страны, и на ответ, составленный на основании статьи члена редакции нашего журнала А. Югова „Четыре причины ухудшения экономики СССР“. „Посев“ № 7, 1983.

„Форум“ № 4 был издан в 1985 году, но, как мы видим по полученному в 1987 году отклику, поднятые в нем проблемы не потеряли злободневности. Застойные системы не могли упразднить ни апрельские тезисы 1985 года Горбачева, ни провозглашенные властью гласность, перестройка, ускорение в рамках той же системы. И поэтому в обстановке, когда вырываются на поверхность накопленное и доводство этой застойностью и заявки на „радикальные пути спасения страны“, усиливается значение независимых от партийной накладки свободных слова и изданий. Они и раньше, передаваемые из рук в руки, отличались „долгой жизнью“. Теперь же задача их не только распространительная и информационная, а духовно и политически созидательная: выработка основ национально обоснованных и государственно необходимых коренных реформ в системе, открывающих путь к оздоровлению нашей жизни и к возвращению нашей стране подобающей ей места и уважения в мировом солидарном строительстве. Вокруг такой задачи могут объединяться и действовать лучшие люди нашего народа.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ“

Главный редактор Е. Р. Миркович
 Ответственный секретарь В. М. Рыбаков

Адрес редакции: Possev-Redaktion
 Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M.-80

Телефон: (069) 34 18 19

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партрократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. Повести *Год чуда и печали*, *Третья правда*, роман *Расставание*. Автор, отсидевший в лагере 6 лет (1967–73) за участие в подпольной организации ВСХСОН), в 1982 г. приговорен к новому сроку — 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники, под ред. М. Грин, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История каральной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой. *Большая руда*. Зарубежное переиздание с послесловием автора. *Не обращайтесь вниманья, маэстро*. Сюжет — осада квартиры писателя органами КГБ — взят из жизни самого Владимира.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протонерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обостренная экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИТСКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. Собрание сочинений: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Процание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева, Ямарка в Фоксах*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. *Говорит Неизвестный*. Знаменитый скульптор говорит о себе, о своем творчестве, о сущности сов. режима.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда“) и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ «Промоксис», стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национально-го журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПАСТЕРНАК Б. *Доктор Живаго*.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1910 г. *Роль Православной Церкви в истории России*.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солідарність и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. *«Дело Солженицына», Нобелевская премия, О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Копелева, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Манделштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможи, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.